

Том LXXXI

Октябрь-Декабрь 2017

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*
Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

Отдел внешних церковных связей
Московского Патриархата

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ.
Свидетельство о регистрации № 922 от 13 июня 1991 г.

ISSN: 2221-8181

Редакционная коллегия

Главный редактор: митрополит Волоколамский Иларион,
доктор богословия, доктор философских наук.

Зам. главного редактора: М. В. Первушин, кандидат
богословия, кандидат филологических наук.

Члены редакционной коллегии:

протоиерей Николай Балашов, доктор богословия;
архимандрит Филарет (Булеков), кандидат богословия;
протоиерей Сергий Звонарев, кандидат богословия;
протоиерей Игорь Якимчук, кандидат богословия;
священник Дмитрий Сафонов, кандидат исторических наук;
священник Алексий Дикарев, доктор миссиологии, кандидат
богословия;
священник Дмитрий Агеев;
иеромонах Стефан (Игумнов);
диакон Феодор Шульга.

Ответственный секретарь: А. А. Макарова

115191, Россия, Москва, Даниловский вал, 22,
Отдел внешних церковных связей, редакция журнала «Церковь и время»,
тел.: +7-495-955-6753, факс: +7-495-955-6753, e-mail: churchandtime@yandex.ru.
Информация для авторов находится на сайте <http://mospat.ru/church-and-time/>

Мнения авторов публикуемых статей не всегда совпадают с мнением редакции журнала

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.</i> Доклад на Архиерейском Соборе.....	5
<i>Митрополит Волоколамский Иларион.</i> Мученики, мученичество, христианское свидетельство.....	87
БИБЛЕИСТИКА	
<i>Игумен Арсений (Соколов).</i> Политика Израильского царства в последние годы его существования.....	101
ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ	
<i>Протоиерей Алексий Ястребов.</i> Петр Толстой и папа Климент XI.....	129
<i>Священник Александр Сухарев.</i> О начале литургического движения в Германии.....	150
АРХИВ	
<i>Протоиерей Александр Макаров.</i> Предисловие к публикации воспоминаний Е. А. Карманова.....	193
<i>Е. А. Карманов.</i> Свидетель эпохи.....	201
CONTENTS.....	274

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

**ДОКЛАД
НА АРХИЕРЕЙСКОМ СОБОРЕ***

Ваше Блаженство! Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства!

Мы собрались в соответствии с Уставом по истечении четырех лет после очередного Собора, состоявшегося в 2013 году. Прошлогодний Собор носил экстраординарный характер и был преимущественно посвящен обсуждению ожидавшегося тогда Собора на Крите. Сегодня и в ближайшие дни нам предстоит обсудить, как развивалась внутренняя жизнь и внешняя деятельность Русской Православной Церкви в период с 2013 года, и обдумать перспективы.

В этом году мы вспоминаем начало, ровно век тому назад, гонений на Русскую Православную Церковь, которая в XX веке явила всему миру сонм мучеников и исповедников, чья кровь, по определению древнего апологета Тертулиана, является «семенем христианства». Главное сокровище и наследие, переданное нам новомучениками и исповедниками Церкви Русской, — это их любовь ко Христу и к ближним, ради которых они

*Архиерейский Собор Русской Православной Церкви проходил в Москве в Храме Христа Спасителя с 29 ноября по 2 декабря 2017 года.

положили свою душу (ср. Ин. 15:13). Мы живем сегодня в совсем других условиях, намного более благоприятных. Но мы призваны следовать примеру новомучеников в их деятельной любви к Богу и людям. Наша любовь к самим новомученикам должна выражаться в сохранении живого свидетельства об их подвиге. Попрошу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, который многие годы трудился во главе комиссии по канонизации святых, а сейчас возглавляет Церковно-общественный совет поувековечению подвига новомучеников и исповедников, выступить во время заседаний с сообщением о том, что предпринимается для сохранения их памяти.

Столетие начала гонений неразрывно связано с печальным юбилеем революций 1917 года и начала гражданской войны. Эта тема неоднократно обсуждалась на протяжении всего прошедшего года. Главный урок трагических испытаний XX века пророчески предвосхитил святитель Московский Тихон в проповеди на гражданское новолетие 1918 года: «Минувший год был годом строительства Российской Державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт Вавилонского строительства? ... Воззри, Господи, как мы унижены, и есть ли болезнь, как наша, какая постигла нас ... И вся эта разруха и недостатки оттого, что без Бога строится ныне Русское Государство ... Успеха не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге, *без Которого ничего доброго не может быть сделано* (ср. Ин. 15:5), пока не обратимся к Нему *всем сердцем и всем помышлением своим* (Мф. 22:37)¹. Мы, члены Церкви, призваны свидетельствовать о том, что бессмысленно строить жизнь человека и общества без Бога. Противостоять подобным умонастроениям мы сможем только в том случае, если будем хранить в своих сердцах живую и искреннюю веру — веру, которая действует любовью (ср. Гал. 5:6). Такая вера будет нашим постоянным исповеданием Христа Спасителя и основанием наших повседневных дел, выходящих за пределы исполнения обрядовых обычаев.

Заседания Архиерейского Собора приурочены к 100-летию Патриаршей интронизации святителя Московского Тихона. Этому памятному событию будет посвящено особое соборное заседание при участии глав и представителей Поместных Православных Церквей. Избрание святителя Тихона на Московский Патриарший престол состоялось на Священном Соборе Православной Российской Церкви, как он сам себя именовал, или, по более привычному для нас названию, на Поместном Соборе 1917–1918 годов. В праздник Успения Пресвятой Богородицы мы вспоминали столетие открытия этого Собора, который стал по-настоящему экстраординарным явлением в истории Церкви. Деятельность Поместного Собора охватывала едва ли не все стороны церковной жизни. Конечно, некоторые определения Собора или проекты постановлений, не рассмотренные им по недостатку времени, уже потеряли свою актуальность, а иные — устарели уже в процессе работы Собора. Но многие его решения и проекты сохраняют свою значимость доныне. Невозможно ожидать, что спустя сто лет мы найдем в документах Собора готовые ответы на все нынешние вопросы церковной жизни. Но нам, наследникам «Тихоновской» Церкви, следует прислушиваться к голосу русских богословов, архиереев и пастырей предреволюционной эпохи, которые оставили нам в наследие свои раздумья о земных путях Церкви. Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить всех исследователей, которые трудились и трудятся над изданием актов Поместного Собора, а также над их изучением. Надеюсь, что громадный труд по публикации архива Собора будет в обозримом времени доведен до завершения. Убежден, что эти материалы послужат пищей для размышлений не одному поколению как теоретиков — ученых и студентов, так и практиков — архиереев, клириков и иных церковных тружеников.

Среди важных замыслов Поместного Собора, которые удалось воплотить в недавнее время, можно назвать

значительное увеличение численности епископата. В связи с этим предлагаю поразмыслить о сути епископского служения.

В этом году исполнилось 1950 лет со дня мученической кончины святых первоверховых апостолов Петра и Павла. Это повод еще раз осмыслить нашу веру в **Аpostольскую Церковь** и вспомнить о том, что одно из важных проявлений апостольского служения — это свидетельство Истины, проповедь Евангелия. Как апостолы преподавали учение Христово, так и их преемники — епископы — должны быть хранителями и проповедниками той же Истины. Мы призваны нести людям Евангелие — Благую весть о том, что Бог призывает человека к общению с Собой, что именно ради этого *Он послал в мир Своего Единородного Сына* (ср. Гал. 4:4).

Никогда епископы не были в Русской Церкви так многочисленны, как сегодня. Это открывает в нашей церковной жизни невиданную прежде возможность для сближения епископа с духовенством и народом. Епископ, как служащий клиру и народу Божию, как образ пастыря, который ведет паству за собой, — это тот, кто близок, достижим, кто находится не только в священном пространстве алтаря или в недоступной тиши кабинета, но кого можно увидеть, к кому можно лично обратиться, кто открыт для общения и кто не теоретически, а практически подает пример духовенству и мирянам своей жизнью во Христе, точно так же, как это делали апостолы.

Епископ как преемник апостолов — это также совершитель богослужения, возглавляющий молитву церковной общины за Божественной Евхаристией. Через совершение литургии мы призваны свидетельствовать, что нет и до Второго Пришествия Христова не будет ничего актуальнее Господней заповеди совершать таинственное воспоминание Его смерти и Воскресения. И нет ничего более открывающего для нас блаженную вечность, чем Божественная Трапеза Святой Евхаристии. Нам также

следует прилагать усилия, чтобы участие народа в богослужении было в полной мере осмысленным, чтобы никто не воспринимал службу Божию как устаревшую, хотя бы даже и величественную традицию или, еще хуже, как некую тягостную повинность, оставленную нам двухтысячелетней историей.

Епископское служение неразрывно связано с православным пониманием **соборности — кафоличности Церкви**. Словом «соборность» переведено на славянский язык греческое слово «кафолики», указывающее на вселенский характер Церкви, на ее целостность во времени и пространстве. Это свидетельствует о том, что соборность, проявляющаяся в историческом бытии Церкви, в том числе во внешних, безусловно необходимых инstitutionах коллегиальности, не сводится к ним. В деяниях уже упомянутого Поместного Собора 1917–1918 годов, так же как и на Соборах Древней Церкви, проявилась сила Духа Святого, действующая в человеческой немощи. Собор начался в катастрофическую эпоху слома исторической Российской государственности. В самой Церкви под влиянием атмосферы времени резко обострились разногласия между белым духовенством и черным духовенством, между городскимиprotoиереями и сельскими священниками, между либералами и консерваторами, между монархистами, оплакивавшими прошлое, и теми, кто радостно приветствовал февральские события. Все эти тенденции были представлены на Соборе. Сила Духа Святого обратила человеческое разнонаправленное, весьма неоднородное собрание в подлинный Собор, о главных решениях его члены могли сказать: «*Изволися Святому Духу и нам*» (Деян. 15:28). В частности, ко времени открытия Поместного Собора одним из главных предметов споров представителей различных течений было то, как должны сочетаться иерархический принцип и соборность. И несмотря на то, что первоначально сторонники восстановления Патриаршества не имели

перевеса, впоследствии соборяне узрели в Патриархе духовную, лингвистическую и символическую объединяющую всех фигуру, и решение об избрании Патриарха было с энтузиазмом воспринято полнотой Русской Церкви. Не случайно именно святитель Тихон стал центром притяжения всех здоровых церковных сил в эпоху гонений на веру со стороны богооборческой власти, пытавшейся путем инспирирования расколов и организации провокаций разрушить церковный организм. Само каноническое Православие стараниями гонителей промыслительно стало именоваться «Патриаршей» Церковью.

В XXI веке, так же как и во все века, служение епископов, чтобы быть подлинно соборным, должно сочетать хранение определенных преданием институций с неусыпным вниманием к соборному голосу Церкви и «содержать то, чему верили повсюду, всегда, все» по слову преподобного Викентия Леринского.

Мы исповедуем веру в **Святую Церковь**. Церковь есть Царство Божие, пришедшее в силе (Мк. 9:1) посреди мира, лежащего во зле (ср. 1 Ин. 5:19). Главное призвание Церкви — осолять этот мир (ср. Мф. 5:13), приводить людей к единству с Господом, напоять их живительной водой Духа Святого (ср. Ин. 7:38–39). Господня Церковь жива святыми Ее Божественного Основателя, избравшего немощных и несовершенных людей для осуществления Своего здимого присутствия в мире.

При этом мы видим, что Церкви непрестанно пытаются навязать жизнь по правилам мира сего, чтобы сделать земной институт Церкви равным себе противником и расправляться с ним на своем поле. Горько видеть, когда отдельные служители Церкви способствуют этому, безрассудно обращая то священное, к хранению которого их призвал Господь, на служение сиюминутным, суэтным и в конечном счете тленным вещам. Это в том числе происходит тогда, когда в священнике совершивший Таинств и проповедник слова Божия уступает администратору или

медиаперсоне, претендующей на популярность модератора общественных процессов. В таком клирике блекнет образ священнослужителя как живой иконы Христа, как свидетеля иной жизни, устроенной по иным, отличным от обычного мира законам. На примере такого священника люди могут в конечном итоге перестать видеть сакральный характер Церкви, поставив ее в один ряд с общественными организациями.

Слова Спасителя: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие* (Мк. 16:15), — это призыв к миссионерской открытости Церкви. Но эти слова не означают призыва к самой Церкви слиться с миром вплоть до усвоения его неправды. Служение Церкви в мире — это, образно говоря, служение закваски, которая квасит всё тесто. Именно этим путем следовала Церковь с апостольских времен — путем нравственного и таинственного преобразования людей, а не путем, к примеру, политической силы. Наше служение подлинно тогда, когда оно возвещает преобразование мира силой Божией, значимость которой выше значимости всех наших действий. Когда Церковь молится о мире всего мира, она приносит эту молитву с доверием Небесному Отцу, с глубоким осознанием того, что только Бог может дать миру спасение. Только там возможно подлинное христианское общественное служение, где ревностно исповедуется особая идентичность христианина и собрания христиан, где с благовением соблюдается Божий дар святости, где теплится христианская жизнь, в центре которой — евхаристическая молитва как переживание реального присутствия Господа Иисуса Христа, Спасителя мира, *горé со Отцем седяща и зде нам невидимо спребывающа*.

Мир людей тоскует о **единстве** и всегда ищет единства. Формы организации человеческого общежития на протяжении истории многократно изменялись, проходя самые различные стадии, начиная от примитивного общественного уклада древности, заканчивая много-

цветьем национальных государств и многонациональных империй. Сегодня и эти привычные для нас способы организации общества изнемогают от бушующих повсеместно кризисов. Границы между людьми пролегают там, где ранее их никто не ожидал и не мог даже заподозрить, в то время как прежние границы между народами и государствами делаются прозрачными. Актуализируются центры силы, во главе которых стоят малоизвестные и никем не избранные люди, а могущество некоторых корпораций уже сегодня превосходит власть и возможности отдельных государств.

Единство же, являемое Церковью, пролегает поверх преходящих барьеров и разделений. Это единство вечное и вневременное, нетленное, всегда актуальное и никогда не устаревающее — единство, о котором сам Богочеловек Христос Иисус молился Своему Небесному Отцу. В свете этого в публичном служении архиерея на второй план с неизбежностью отступает всё то, что может стать для тех или иных препятствием на пути к вере в Единую Церковь, а именно: личные интересы епископа, его частные мнения и предпочтения.

Ваше Блаженство, Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Епископское служение — это зrimое средство осуществления церковного единства. Только единая община с епископом во главе, а не разделенные и обособленные группы, есть подлинная Церковь. Будем с особым трепетом и ответственностью нести возложенное на нас Богом служение, своими делами и жизнью являя веру в Основателя Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

* * *

Обратимся теперь к традиционному для Патриаршего доклада разделу о деятельности Патриарха и ко статистике за период после Собора 2016 года, на котором

я представлял аналогичное сообщение о периоде с 2013 года по 2016 год.

О деятельности Патриарха Московского и всея Руси. Общецерковная статистика

За последние два года я совершил 51 визит в епархии Русской Православной Церкви, посетив 43 епархии, в том числе епархии в Киргизии и Узбекистане. Всего за почти девять лет со времени моего избрания на Московский Патриарший престол состоялась 221 моя поездка в 116 епархий.

В межсоборный период имели место визиты за пределы канонической территории Русской Православной Церкви: на Кубу, в Парагвай, Чили, Бразилию, Грецию — на Святую Гору Афон, в Великобританию, Францию, Швейцарию, Румынию. Во время визита в страны Южной Америки я посетил Антарктиду. Позднее я подробнее скажу о встрече с Папой Римским Франциском, которая состоялась в ходе посещения Гаваны.

Русскую Православную Церковь посетили 10 глав Поместных Православных Церквей. В ближайшие дни мы вновь будем иметь радость общения с главами и делегациями автокефальных Церквей, прибывающими на торжества по случаю столетия восстановления Патриаршества в Русской Православной Церкви.

В отчетный период я многократно встречался с руководителями стран канонической ответственности Московского Патриархата, других государств. Кроме того, я принимал участие в ряде крупных общецерковных и международных форумах.

Священный Синод, собирающийся в рассматривающий период 12 раз, и Высший Церковный Совет, который провел 14 заседаний, продолжили свою законодательную и распорядительную работу. Ее итоги нам предстоит

рассмотреть на нынешнем Соборе. Полный перечень из 35 документов, принятых в 2016–2017 годах, приведен в приложении к моему докладу.

В межсоборный период также прошел Пленум Межсоборного Присутствия, а также состоялось несколько заседаний его Президиума². Пленумом были одобрены два документа, которые нам предстоит рассмотреть. Это «Положение о монастырях и монашестве Русской Православной Церкви» и документ «О канонических аспектах церковного брака». Президиум изменил состав комиссий Межсоборного Присутствия, объединив некоторые из них, и обновил их повестку дня.

С февраля 2016 года по сегодняшний день была совершена 31 архиерейская хиротония. Епископат Русской Православной Церкви состоит из 377 архиереев, что на 23 архиерея больше, чем по состоянию на 1 февраля 2016 года и на 177 больше, чем на начало 2009 года. Правящих архиастырей сегодня 293, то есть на 11 больше, чем в начале 2016 года и на 144 больше чем в 2009 году.

За истекшее с Архиерейского Собора 2016 года время скончались наши собратья-архиереи: находившиеся на покое архиепископ Гавриил (Стеблюченко; † 20. 05. 2016), митрополит Феодосий (Процюк; † 28. 05. 2016), архиепископ Мелхиседек (Лебедев; † 08. 06. 2016), архиепископ Амвросий (Щуров; † 08. 11. 2016), митрополит Нифонт (Солодуха; † 22. 03. 2017), архиепископ Николай (Грох; † 17. 06. 2017). Скончались пребывавшие на кафедрах до своих последних дней архиепископ Берлинский и Германский Феофан (Галинский; † 11. 09. 2017) и митрополит Нежинский и Прилукский Ириней (Семко; † 23. 09. 2017). Пропоем почившим «Вечную память».

Русская Православная Церковь объединяет 303 епархии, т.е. на 10 больше, чем в 2016 году и на 144 больше, чем в 2009 году. Епархий больше, чем правящих архиереев, поскольку некоторые епархии в дальнем

зарубежье находятся в управлении архиереев других епархий или викариев Московской епархии, к примеру Венская или Гаагская.

Созданы 3 митрополии: их число достигло 60.

Статистика по числу духовенства и храмов подводится в первые месяцы каждого года, в связи с чем я представляю данные на начало текущего года. Работа по совершенствованию статистики, которая ранее велась в российских епархиях, частично охватила и другие страны канонической территории, а также заграничные епархии и приходы. В частности, были скорректированы данные некоторых епархий, которые ранее при подсчетах не различали штатных и заштатных клириков. Эта скрупулезная работа продолжается. На нынешнем ее этапе мы располагаем следующими сведениями: штатное духовенство Русской Православной Церкви состоит из 39 414 клириков, включая 34 774 штатных пресвитера и 4 640 диаконов. За год штатное духовенство приросло на 521 клирика. Это стабильное в последние годы значение показателя роста числа духовенства. Если же говорить о суммарном числе штатного и заштатного духовенства, то оно составляет более 40 тыс. клириков.

В Русской Православной Церкви 36 878 храмов или иных помещений, в которых совершается Божественная литургия. Эта статистика включает в себя данные по дальнему зарубежью и соответствует годовому росту в 1 340 храмов.

В нашей Церкви 462 мужских монастыря, т.е. на 7 больше, чем годом ранее, и 482 женских монастыря, т.е. на 11 больше, чем годом ранее.

В дальнем зарубежье действуют более 900 приходов и монастырей Русской Православной Церкви, включая приходы Русской Зарубежной Церкви. Практически при каждой общине Московского Патриархата в дальнем зарубежье имеются воскресные школы, катехизические курсы, проводятся мероприятия, содействующие сохра-

нению родного языка и культуры, а также воспитанию подрастающего поколения. Из важных событий для приходов зарубежья хотел бы отметить освящения в 2016 году нового кафедрального собора Корсунской епархии в Париже и обновленного после капитальной реставрации собора в Лондоне.

В этом году мы вспоминали десятилетие подписания Акта о каноническом общении в праздник Вознесения Господня 2007 года. Это событие подарило нам радость единства верных чад единой Русской Православной Церкви. С теплотой вспоминаю совместную молитву с епископатом Русской Зарубежной Церкви на Вознесение нынешнего года. Едиными устами и единым сердцем принося Богу Бескровную Жертву, мы вместе благодарили Его за драгоценный дар единства, обретенный десять лет тому назад. За истекшие годы архиереи, клирики и миряне, ранее разделенные в результате исторических обстоятельств прошлого, смогли лучше узнать друг друга. Этому способствовало множество совместных проектов, в частности в молодежной среде. Вместе с тем считаю важным, чтобы были предприняты усилия для осуществления или нового осмысления предложений, которые были выдвинуты в дни подписания Акта о каноническом общении и во время подготовительных работ к этому историческому событию и которые имели целью упорядочение канонического положения епархий и приходов русского зарубежья.

* * *

Перейдем к обзору жизни и деятельности Русской Православной Церкви с 2013 года и доныне. Нам предстоит оценить, как реализовывались решения Архиерейских Соборов 2013 и 2016 годов. Мы также должны обсудить, какой наказ дать епархиям и центральным церковным учреждениям на следующий межсоборный период. В

качестве ключевых направлений я бы хотел предложить работу с молодежью и образование духовенства, но перед этим подведу краткий итог той большой работе, которая в последние годы привела к развитию церковной благотворительности и социальной деятельности.

Социальная и благотворительная деятельность

В завершающийся межсоборный период в полную силу заработала та система, начало созданию которой было положено преобразованиями в соответствующем синодальном отделе в 2010 году.

Один из главных двигателей социальной деятельности — это добровольчество. При епархиях и приходах Русской Православной Церкви, включая дальнее зарубежье, сегодня действуют 566 групп милосердия, 328 добровольческих объединения и 453 сестричества. С 2011 года проводится бесплатное дистанционное обучение социальному служению через Интернет. Ежегодно более 1000 человек участвуют в обучающих интернет-семинарах и дистанционных курсах обучения. Благодаря этому ежегодно в епархиях появляются в среднем 150–200 новых социальных проектов.

Церковь активно занимается помощью бездомным. Только в России работают 95 приютов для бездомных, 10 автобусов милосердия и 460 благотворительных столовых, не говоря уже о том, что при множестве храмов осуществляется постоянная целевая помощь людям, лишенным крова.

Важнейшим направлением социальной работы стало создание приютов и центров гуманитарной помощи для беременных женщин, находящихся в трудном материальном положении. В 2011 году действовал один такой приют, а сегодня их уже 52. Открыты 115 центров гуманитарной помощи, в том числе благодаря целевому сбору во всех храмах на территории России.

Церковь также заботится о людях, зависимых от алкоголя и наркотиков. Каждый год появляются от 5 до 10 новых церковных реабилитационных центров и других структур помощи. К примеру, в России действуют 75 центров, проводящих основной этап реабилитации, 12 центров ресоциализации, 9 дневных стационаров, 40 консультационных пунктов, 7 подготовительных мотивационных центров, 62 группы поддержки зависимых и созависимых лиц, более 300 обществ, братств и групп трезвости.

Все достижения в этой области едва ли возможно перечислить в рамках настоящего выступления. Подробная информация и статистика приведены в приложении к моему докладу. Удалось достичь очень многого. Благотворительная и социальная работа стала поистине общецерковным деланием. Основной задачей на будущее является сохранение столь же высокого уровня социальной работы. Пользуясь случаем, выражая свою благодарность всем тем епископам, клирикам и мирянам, которые по долгу службы или руководствуясь движением сердца занимаются попечением о страждающих.

Миссия среди молодежи

Христово Евангелие универсально. При этом апостол Павел в своей проповеди, в своих речах и посланиях по-разному обращается к различной аудитории, стремясь для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (ср. 1 Кор. 9:22). Наставляя молодого епископа Тимофея, апостол, в частности, поясняет ему, что к каждому возрасту следует находить свой подход: *Старца не укоряй, но увещевай, как отца; младших, как братьев; старниц, как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою* (1 Тим. 5:1–2). Какой же подход мы сегодня найдем к сердцам молодых людей?

К тем, кого принято называть молодым поколением, относятся люди, принадлежащие к разным социальным слоям, с разными интересами; многие из них — представители тех или иных субкультур. Их взгляды, а также и полученное воспитание могут быть весьма различными. К молодежи относятся студенты высших учебных заведений и учащиеся средних специальных учебных заведений, начинающие ученые и молодые рабочие на предприятиях, молодые пары и те, кто еще не определился в семейной жизни. У разных групп свои авторитеты и ориентиры, поэтому методы миссии среди молодежи едва ли возможно унифицировать. Она требует особо тщательного осмысливания.

За прошедшие годы сделано немало. Во многих епархиях организованы епархиальные молодежные советы, проводятся многочисленные молодежные мероприятия. Получило развитие молодежное добровольчество, о котором я подробно говорил в своем прошлогоднем соборном докладе. Было бы важно услышать от вас примеры положительного опыта работы с молодежью или, наоборот, замечания, которые позволят скорректировать возможные недоработки.

Сравнивая с тем, что мы видели еще несколько лет назад, можно сказать о серьезных положительных сдвигах в общецерковной, епархиальной и приходской работе с молодежью. Но следует трезво оценивать ситуацию. Результат проведенной работы — это пока что малая часть того, что нужно совершить. Наше слово достигает в первую очередь тех, кто сами приходят в храмы. Для множества юношей и девушек Церковь остается чем-то незнакомым, лежащим вне пределов их жизни и опыта.

Между тем молодежь не равнодушна, ищет правду, стремится постигнуть истину. При этом юным умам свойствен протест, порождаемый стремлением самостоятельно осмыслить свое бытие, оценить то, что ранее принимали на веру, когда слышали от старших. Поэтому-то

апостол и пишет епископу Тимофею, чтобы он *младших увещевал, как братьев, а не свысока*. Церковные молодежные организации, молодежные акции не должны превращаться в нечто шаблонное, официозное, морализаторское и скучное. Убедительная проповедь, особенно когда она обращена к молодежи, должна подкрепляться делом, показывать вечную новизну благовестия Христова, демонстрировать, что именно в следовании Христу — истинный протест, уход от трафаретного поведения, навязанного секулярным миром. Для молодежи более, чем для какой-либо другой возрастной группы, важна идея о том, что христианство — религия свободы, а не религия запретов, кроме запрета греха, и что те или иные предлагаемые христианину самоограничения нужны лишь потому, что помогают нам обрести полноту жизни и осознать, что есть подлинная любовь, которая не пресекается окончанием физической жизни, но переходит в вечность.

Заботясь о молодежи, мы должны помнить в том числе о тех, кто с детства в Церкви. Многие молодые люди выросли в семьях родителей, активно приобщавшихся к церковной жизни, и с раннего возраста испытали аскетическую практику строгих постов и длительных богослужений, молитвенных и паломнических подвигов. Стали ли дети церковных родителей православной молодежью? Помогали ли приходы таким детям и подросткам найти свое место в Церкви? Человеку, религиозный выбор за которого сделали родители, рано или поздно придется повзрослеть. Перед ним встанет необходимость принятия самостоятельного мировоззренческого решения. И нам надо подобрать правильные слова для обращения к таким юношам и девушкам.

В связи с миссией среди молодежи особенным образом возникает перед нами вопрос о границах открытости Церкви. Каким образом, приглашая молодежь к диалогу, используя ее язык, не утратить церковную самобытность и не поддаться соблазну слепого подражательства мод-

ным привычкам? Часто говорят, что храмы должны стать домом для молодых людей, что при приходах следует обустраивать помещения, в которых они проводили бы свой досуг. Всё это, действительно, уместно. Молодежь подвижна и активна, ей интересны спортивные и интеллектуальные игры, флешмобы и квесты, ее сплачивают испытания сил и воли. Но, организуя подобную деятельность, важно помнить, что не это является главным в нашем служении. Храм станет домом для человека тогда, когда этот человек сроднится с жителями этого дома. В чем сроднится? В вере и любви к Богу. Церковь — это не штаб по организации культурно-массовых мероприятий. Эти мероприятия могут, а в приходах с большим числом молодежи — даже должны быть частью приходской жизни. Но в центре жизни христианина любого возраста, молодого или пожилого непременно должны быть Евхаристия и следование евангельскому слову. Все инициативы, какими бы полезными и важными они не казались, окажутся действительно ценными в том случае, если в конечном итоге будут способствовать устремлению человеческого сердца к Богу.

Считаю необходимым сказать несколько слов о практической работе Синодального отдела по делам молодежи. Архиерейский Собор 2013 года определил в качестве одной из приоритетных задач поддержку и развитие молодежных инициатив на общещерковном и епархиальном уровнях³. С этой целью в 2015–2016 годах был проведен Общецерковный конкурс молодежных проектов, в котором приняли участие 180 епархий, а на финальную стадию вышли 104 проекта, из которых были отобраны 5 победителей. Этот конкурс, без сомнения, принес некоторую пользу, поскольку позволил выявить перспективные идеи в епархиях и представить их на общещерковном уровне для дальнейшего распространения. Однако главным средством развития православной молодежной инициативы являются не подобные одноразовые,

хотя бы и масштабные мероприятия, но каждодневное вовлечение активных молодых людей в церковную жизнь. Для этого, в том числе, нужны подготовленные православные специалисты — помощники благочинных, а в крупных городах — и настоятелей. К теме развития института таких помощников я вернусь позже, когда речь пойдет о специалистах в различных сферах церковной жизни.

В 2013 году Архиерейский Собор инициировал создание молодежных советов в митрополиях и в епархиях, не входящих в состав митрополий⁴. Задача советов в том, чтобы объединять все православные молодежные движения епархии или митрополии, а также выстраивать отношения со светскими молодежными движениями. По последним данным, которыми мы располагаем в отношении российских епархий, молодежные советы были учреждены в 125 из них. Это больше, чем предлагал Собор 2013 года, поскольку в его Постановлениях речь шла только об областных центрах. Синодальный отдел по делам молодежи считает, что «необходимо добиться 100-процентного создания советов во всех епархиях»⁵. Полагаю, что в митрополиях и в тех епархиях, где молодежи много и молодежная работа требует усиленной координации, молодежные советы действительно оправдывают свое существование, если только не воспринимаются как самоцель, как очередная формальная надстройка или, Боже упаси, как место реализации отдельных личных амбиций. Нужны ли подобные органы в епархиях, охватывающих такие районы, которые молодежь покидает в пользу региональных центров? Хотел бы услышать по этому поводу ваши мнения, дорогие собратья-архипастыри. Также приглашаю вас поделиться опытом работы молодежных советов. Возможно, в некоторых епархиях молодежные советы были созданы, но бездействуют по объективным причинам. Рассказ о таких примерах помог бы нам принять правильные решения. Было бы интересно услышать, в том числе, об опыте епархий, находящихся в разных

странах канонической ответственности Русской Православной Церкви.

В ходе подготовки к Собору Синодальный отдел по делам молодежи внес предложение, чтобы каждая епархия ежегодно организовывала епархиальный молодежный съезд. Такие съезды, по мнению Отдела, позволят организаторам молодежной работы и активистам молодежных объединений приобретать новые знания, обмениваться опытом, налаживать полезные контакты, объединять усилия в реализации проектов. Наиболее активные участники таких съездов могли бы раз в три-четыре года собираться на общечерковный молодежный съезд. Предлагаю членам Собора обсудить, в какой мере и каким образом можно реализовать этот замысел, а председателя Синодального отдела по делам молодежи епископа Люберецкого Серафима попрошу более подробно изложить свое предложение.

Епархиальные молодежные советы и съезды — это инструменты работы с той молодежью, которая уже вовлечена в церковную жизнь. Нам необходимо также обсудить и осмыслить, как говорить о Боге и об опыте Церкви с теми молодыми людьми, которые пока находятся вдали от нее.

Наконец, рассуждая о практических методах работы, следует осознавать, что какие бы ни использовались инструменты, будь то съезды, летние лагеря или походы, первостепенной является живая пастырская забота о молодежи. Не каждому священнику дан от Бога талант общения с молодыми людьми. Но наверное, в каждой епархии найдутся один или несколько пастырей, которые сумеют стать для юношей и девушек открытыми собеседниками, будут способны искренне участвовать в их экскурсиях, в посещениях кино или в неформальных встречах, не забывая при этом, что главное — не досуговое времяпрепровождение, а проповедь Христа словом и, более всего, примером.

Духовное образование

На протяжении многих лет приоритетной темой в работе органов высшей церковной власти и епархий остается реорганизация системы духовного образования. Новый импульс ее переустройству был дан в 2011 году, когда Архиерейский Собор одобрил новые принципы подготовки учащихся семинарий и академий в рамках бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В марте того же года Священный Синод утвердил базовые документы, отражающие эти принципы. Затем в течение нескольких лет формировался комплекс необходимых учебных планов, стандартов и тому подобных документов. Этой работе сопутствовала корректировка первоначальных замыслов, опирающаяся на фактический опыт. В 2013 году Архиерейский Собор предписал «ускорить реализацию» упомянутых решений⁶.

С сентября 2015 года духовные учебные заведения на территории России приступили к переходу на единый учебный план подготовки бакалавров. В 2017/2018 учебном году по новым учебным программам обучались 4 176 студентов, то есть 74% от общего числа студентов бакалавриата российских семинарий. Завершение переходного этапа планируется к следующему 2018/2019 учебному году. Кроме того, продолжает развиваться обучение по двухгодичным магистерским программам, о которых я подробно сообщал на прошлогоднем Соборе. После завершения перехода на единую бакалаврскую программу необходимо будет провести аналогичную работу по определению общего знаменателя магистерских программ с сохранением научной специфики того или иного профиля в конкретном высшем учебном заведении. На 1 сентября текущего учебного года в 10 учебных заведениях были открыты магистратуры, предлагающие в общей сложности 25 профилей обучения. Таким образом постепенно складывается система комплексной подготовки квалифицированных специалистов различных направлений.

Кроме того, в этом году Священный Синод утвердил учебный план и церковный стандарт подготовки регентов⁷. После апробации этих документов в ряде семинарий их опыт будет распространен повсеместно.

В разных странах нашей канонической ответственности действуют в общей сложности 56 духовных академий и семинарий. В этих учебных заведениях, а также в действующих при них регентских и иконописных отделениях по очной и заочной форме обучаются почти четырнадцать тысяч студентов. Несмотря на различия в государственных законах важно поддерживать единство образовательного пространства во всей Русской Православной Церкви, в том числе через единообразие учебных программ. В начале сентября Учебный комитет провел при участии представителей духовных учебных заведений России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Латвии и Узбекистана вебинар «Предпосылки формирования единого образовательного пространства для духовных учебных заведений на территории стран канонической ответственности Русской Православной Церкви». Этот первый опыт должен получить дальнейшее развитие.

Учебный комитет принял меры для практического применения утвержденного в 2011 году «Положения об итоговых и научно-квалификационных работах (диссертациях) в системе духовного образования Русской Православной Церкви». В духовных учебных заведениях, в зависимости от уровня реализуемых образовательных программ, стали защищаться бакалаврские работы и магистерские диссертации. Как я сообщал на прошлогоднем Соборе, действует система дистанционного наблюдения за такими защитами. Кандидатские диссертации защищались в тех учебных заведениях, где имеется аспирантура и функционируют кандидатские диссертационные советы. На сегодняшний день таковые имеются только в духовных академиях, а также при Общецерковной аспирантуре. Докторские диссертации защищаются в Общецерковном

докторском диссертационном совете, обновленный состав которого был мною утвержден в мае 2016 года⁸.

Документы 2011 года предусматривали переход духовных учебных заведений на штатно-окладную систему. Поскольку приоритетной задачей в прошлые годы являлось внедрение во все семинарии единого учебного плана бакалавриата, активные действия по переходу на штатно-окладную систему были предприняты преимущественно в духовных академиях. Учебному комитету предстоит постепенно распространить их опыт на другие духовные учебные заведения.

Архиерейский Собор 2013 года, констатировав «значительное различие образовательного потенциала семинарий», поручил Учебному комитету «представить на рассмотрение Священного Синода реалистичные предложения по оптимизации деятельности духовных школ».⁹ С этой целью на протяжении четырех лет Учебный комитет регулярно проводил выездные инспекционные проверки семинарий, изучал предоставляемые ими статистические отчеты. В 2015 и 2016 годах были составлены рейтинги семинарий, основанные на анализе степени соответствия духовных учебных заведений наиболее важным предъявляемым им требованиям. Эта работа позволила постепенно преодолевать слабые места в семинариях. В нескольких семинариях среди прочих предпринятых мер Священный Синод наложил мораторий на принятие учащихся на заочный сектор обучения. Такое решение позволит епархиальному начальству и руководству этих семинарий сосредоточиться на увеличении числа учащихся по очной форме и на повышении их успеваемости. В течение 2-3 лет будет проведена оценка результатов предпринятых семинариями усилий. Если понадобится, Священным Синодом будут изучены и более строгие меры.

В межсоборный период ушла в прошлое система духовных училищ, образовательный уровень которых уже не позволял их рассматривать в качестве заведений для

подготовки священнослужителей. Впрочем, некоторые училища смогли дорасти до семинарий, но в большинстве они были преобразованы в центры, готовящие церковных специалистов в сфере катехизации, социальной работы, миссии, молодежной работы. К деятельности таких центров я еще вернусь в своем докладе.

Главная цель всех этих усилий в том, чтобы повысить качество образования духовенства и кандидатов в клир. При этом повышение качества духовного образования открывает также возможность для положительных решений со стороны государства, в частности для государственной аккредитации духовных учебных заведений.

Архиерейский Собор 2013 года, вслед за Собором 2011 года, признал необходимым обеспечить повышение квалификации духовенства¹⁰. За межсоборный период Учебным комитетом была подготовлена необходимая учебно-методическая и нормативная база. В конце 2016 года Священный Синод утвердил «Положение о курсах повышения квалификации священнослужителей Русской Православной Церкви». Апробация пройдет в Хабаровской духовной семинарии и в образовательном центре при Новоспасском монастыре города Москвы. С осени 2018 года планируется постепенное внедрение курсов повышения квалификации во всех епархиях и митрополиях Русской Православной Церкви. Предполагается, что все клирики Русской Православной Церкви должны проходить повышение квалификации не реже одного раза в семь лет. Исключение сделано для клириков, обладающих ученой богословской степенью, а также для тех, кому прохождение таких курсов будет затруднительно по причине преклонного возраста.

Еще одно соборное поручение 2013 года касалось создания дистанционной системы образования¹¹, которая могла бы полностью или частично заменить собой заочное образование. Дистанционная система давно развита в светском образовании, но до сих пор нами не

использовалась. Речь идет о довольно сложной и дорогостоящей в разработке технологии, которая предполагает интерактивное онлайн-обучение, регулярное взаимодействие через Интернет с преподавателями семинарий, электронный доступ ко всему необходимому учебному материалу по курсу бакалавриата, регулярное удаленное тестирование учащегося, написание эссе и других необходимых работ, онлайн-семинары, контроль за обучением студента со стороны учебного заведения. При этом прохождение итоговых аттестаций и экзаменов будет проходить очно, т.е. с приездом учащегося в семинарию. Другими словами, дистанционную систему можно рассматривать в качестве расширения привычной заочной системы. Студент, учащийся по дистанционной форме, будет не только очно общаться с преподавателями, приезжая в семинарию на сессии, но также будет находиться с ними в постоянном контакте на всем протяжении своего обучения. В частности, преподаватели будут регулярно проверять успеваемость каждого студента и ход усвоения им знаний. Завершить работы по созданию полноценной системы дистанционного образования по курсу бакалавриата планируется в течение четырех лет. Основной и наиболее трудоемкой задачей здесь является создание авторских электронных курсов и их внедрение в единую информационную платформу.

К сожалению, в течение долгого времени решение Архиерейского Собора еще 2011 года относительно образовательного ценза для кандидатов в клир не осуществлялись в полной мере. Напомню это решение:

- «Хиротонии в диаконский сан впредь совершать над лицами, окончившими как минимум духовное училище или два курса семинарии;
- хиротонии в священнический сан впредь совершать над лицами, имеющими как минимум полное семинарское образование либо окончившими пастырский факультет Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета или иного высшего учебного заведения Русской Православной Церкви;

- студенты очного сектора семинарий могут быть рукоположены в священнический сан во время обучения в духовных школах, но не раньше окончания трех курсов».

Собор 2011 года также оговорил, что «возможные исключения из данных правил могут рассматриваться в Учебном комитете»¹².

В прошлом году в развитие этих постановлений Высший Церковный Совет разработал «Положение о порядке согласования рукоположения в священный сан лиц, не обладающих образовательным цензом», которое было утверждено Священным Синодом в декабре 2016 года¹³. Этот документ оговаривает конкретные механизмы осуществления соборного решения. Сформирована комиссия при Учебном комитете с участием Управления делами Московской Патриархии, которая рассматривает кандидатуры в клир, предлагаемые епархиальными архиереями, но не соответствующие требуемому цензу. Священный Синод будет с особым вниманием наблюдать за изменениями в этой сфере.

На Архиерейском Соборе 2016 года митрополит Иларион представлял доклад о реализации масштабного проекта по обновлению всего корпуса учебных пособий, применяемых в духовных учебных заведениях. Работа продолжается. В подготовке учебников по 15 дисциплинам принимают участие более 100 человек. Выработан регламент подготовки учебных пособий, согласно которому написанный и отредактированный учебник проходит рецензирование с привлечением ведущих специалистов духовных школ. На сегодняшний день вышли в свет четыре учебника: первый том учебника по Четвероевангелию, два тома антологий святоотеческих текстов и учебник по истории нехристианских религий. Написаны и проходят процесс редактирования еще пять учебных пособий:

второй и третий том учебника по Четвероевангелию, том первый учебника по патрологии, учебник по гомилетике и учебник по доктринальному богословию, который, по всей вероятности, будет разделен на несколько томов. В разной степени готовности находятся учебники еще по ряду дисциплин.

На основании результатов проведенного мониторинга квалификации профессорско-преподавательского состава высших духовных учебных заведений с 2015 года Учебным комитетом был запущен pilotный этап внедрения системы повышения квалификации преподавателей духовных семинарий, рассчитанный до конца 2017 года. Сформированы учебно-методические группы по трем предметным областям — Священному Писанию, лингвистике и церковной истории. Прошел ряд двухдневных обучающих семинаров для членов педагогических корпораций. С 2018 года, по завершении pilotного периода, планируется распространить проведение семинаров на преподавателей богословских дисциплин всех циклов и на ключевые вспомогательные дисциплины, а также охватить программами повышения квалификации преподавателей вузовских теологических подразделений. Главными задачами являются создание условий для становления и дальнейшего научного роста преподавателей и исследователей и содействие укреплению богословского образования.

Не буду возвращаться к исполнению решения Собора 2013 года о создании системы распределения выпускников духовных учебных заведений¹⁴, поскольку подробно сообщал об этой теме на Соборе 2016 года. Замечу только, что по инициативе Высшего Церковного Совета планируется создать систему обратной связи как с епархиальными управлениями, так и с распределенными выпускниками, которая позволит получать информацию о том, как проходили двухгодичные командировки последних.

Таким образом, круг задач в сфере духовного образования на предстоящий межсоборный период можно определить так:

- завершение перехода семинарий на единый учебный план бакалавриата;
- дальнейшее развитие магистерских программ;
- усвоение всеми духовными учебными заведениями норм, касающихся штатно-окладной системы формирования преподавательской корпорации;
- продолжение работы по государственной аккредитации семинарий;
- продолжение работы по написанию современных учебников для семинарий;
- внедрение нового стандарта обучения регентов;
- создание системы дистанционного образования и начало перехода от заочных секторов на эту систему;
- становление системы повышения квалификации духовенства;
- развитие внутреннего обмена в профессиональных сообществах преподавателей семинарий — предметников;
- окончательное усвоение епархиями правил относительно образовательного ценза для кандидатов в клирик;
- поддержание единства образовательного пространства в Русской Православной Церкви.

Другими словами, Учебному комитету предстоит завершить ранее начатые преобразования и обеспечить их реальное осуществление во всех духовных учебных заведениях. Если в предыдущий период усилия были направлены на создание нормативно-методической основы и на усвоение нововведений семинариями, то сейчас добавляется задача постоянного поддержания созданной системы. Это потребует неослабного внимания Учебного комитета к тому, что происходит в семинариях, и регулярного взаимодействия между Учебным комитетом и учебными заведениями.

В задачи Учебного комитета также входит большая работа по развитию центров подготовки специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности, но об этом я подробнее скажу позже.

Богословская наука. Теологическое образование

Архиерейский Собор 2013 года поручил Синодальной библейско-богословской комиссии «до очередного Архиерейского Собора завершить работу над Катехизисом Русской Православной Церкви»¹⁵. Практика показала, что эта задача требует больше времени, нежели ожидалось. В соответствии с решением прошлогоднего Собора¹⁶, текст был направлен всем архиереям, выразившим желание принять участие в его рецензировании, а также в синодальные и ведущие духовные образовательные учреждения. Затем текст был изменен с учетом поступивших отзывов. В частности, исходя из специфики катехизического жанра, были исключены фрагменты, в которых обсуждались дискуссионные богословские вопросы. Кроме того, текст был опубликован для широкого обсуждения, срок которого еще не истек. После обобщения замечаний планируется провести предметные дискуссии по отдельным темам, к примеру, посредством семинаров, объединяющих сторонников различных мнений.

В ходе обсуждения возник вопрос о статусе готовящегося издания. Должен ли он быть, как задумывалось ранее, соборно или синодально одобренным вероучительным текстом? Или же, как это предложили некоторые архиереи, клирики и миряне, лучше рассматривать его в качестве авторского изложения вероучения под названием, к примеру, «Катехизическое изложение основ православной веры»? Прошу вас высказаться по этому поводу.

Собором 2013 года предполагалось учреждение координационного центра, объединяющего усилия бо-

гословских учреждений Русской Православной Церкви и отвечающего за развитие богословской науки. Такой центр был создан Священным Синодом в том же 2013 году¹⁷. Его работа обеспечивается секретариатом Синодальной библейско-богословской комиссии. Основная деятельность центра в межсоборный период была сосредоточена на сопровождении процесса по признанию российским государством теологии в качестве научной дисциплины. Итогом длительной работы стало включение теологии в перечень научных специальностей Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации, а затем и в Номенклатуру научных специальностей в качестве самостоятельной отрасли наук и научной специальности. Спустя почти год был создан первый в истории российского государства диссертационный совет по теологии, а в этом году — защищена первая кандидатская диссертация по этой специальности.

Аналогичная возможность имеется на Украине, законодательство которой предусматривает не только включение богословия в число научных специальностей, но также возможность при определенных условиях признания государством богословской степени, полученной в духовном учебном заведении. В ряде иных стран канонической территории Русской Православной Церкви государством аттестованы бакалаврские или магистерские программы по теологии, но возможности защищать кандидатские или докторские диссертации нет, за исключением Литвы, где программа специальности составлена на основе католического вероучения.

Признание теологии в качестве научной специальности — это серьезный стимул и, в хорошем смысле, испытание для церковной богословской науки. Еще в 2014 году Координационный центр по развитию богословской науки исследовал, как ведется научная деятельность в духовных учебных учреждениях. Были выработаны направления дальнейшего улучшения церковной научной

работы. В первую очередь речь идет о соблюдении тех требований, которые предъявляются к любому научному сообществу, в том числе относительно повышения уровня подготовки научных исследований и статей в научных журналах. Стоило бы в полной мере использовать имеющиеся возможности для развития серьезной научной богословской среды. Богословие должно восприниматься не только как совокупность предметов, которые преподаются в семинариях, но и как серьезная научная отрасль.

Несколько слов о выполнении еще одного соборного поручения, касающегося развития взаимодействия с теологическими подразделениями светских высших учебных заведений, а также закрепления, по крайней мере в России, большего количества бюджетных мест для студентов-теологов. В решении последней задачи удалось достичь существенных успехов: если в 2013/2014 учебном году число таких мест равнялось 293, то в текущем 2017/2018 учебном году их количество достигло 558. Менее очевидна результативность епархиальных советов по теологии, многие из которых пока что работают ситуативно. Во взаимодействии с Межведомственной рабочей группой по преподаванию теологии в вузах, епархиальным советам по теологии необходимо более системно включаться в научную жизнь регионов, а именно: анализировать потребность регионов в теологах, наблюдать за трудоустройством выпускников-теологов, привлекать их, а также студентов-теологов к церковным — особенно научным — мероприятиям, делать предложения по развитию теологического образования с учетом региональной специфики.

Религиозное образование и воспитание

В сфере религиозного образования основные задачи, определенные Архиерейским Собором 2013 года, касались воскресных школ¹⁸ и дошкольного образования¹⁹.

За прошедшие годы тема воскресных школ неоднократно обсуждалась на Высшем Церковном Совете. Предлагаемые ранее подходы были серьезно переосмыслены. Еще в 2012 году был утвержден первый Стандарт учебно-воспитательной деятельности для воскресных школ. На его основании с 2015 по 2017 год была проведена аттестация воскресных школ на территории России и составлен их реестр. Этот процесс подтолкнул многие воскресные школы к привлечению дополнительных ресурсов и к повышению качества учебной составляющей. Но ведь основная задача Церкви не в том, чтобы наполнить разум детей суммой знаний, а в том, чтобы помочь им войти в жизнь Церкви, найти в ней свое место, приобщить их к Священному Писанию и Преданию, к литургической жизни. Между тем до последнего времени работа воскресных школ ориентировалась в первую очередь на практику дореволюционных церковно-приходских школ и на современную общеобразовательную систему. По этой причине в воскресных школах предлагались узкая линейка учебных дисциплин, жесткие требования к организационным формам, академический подход к наполнению учебных занятий. Некоторым учащимся школьный подход может быть близок, но для многих из них — обременителен. Такие учащиеся теряют мотивацию для посещения воскресной школы, поскольку видят в ней лишь копию обычной школы, с поправкой на то, что здесь преподается не алгебра с физикой и биологией, а церковнославянский язык и церковная история.

По итогам состоявшегося обсуждения Высший Церковный Совет определил, что наряду с привычным школьным подходом к организации воскресной школы приходам следует предложить иные методики, способствующие приобщению детей к основам веры. Ранее утвержденный Стандарт для воскресных школ был обновлен²⁰, а Синодальный отдел религиозного образования и катехизации приступил к осмыслинию новой задачи,

которую также следует учитывать при выполнении ранее данного поручения по созданию современных учебников для воскресных школ. Попрошу председателя Отдела, митрополита Ростовского и Новочеркасского Меркурия позже выступить и сообщить, что планирует предпринять возглавляемое им учреждение. Поскольку работа находится на начальном этапе и, следовательно, сейчас еще можно повлиять на окончательный результат, предлагаю членам Собора высказаться по всему комплексу тем, связанных с воскресными школами.

Высший Церковный Совет также обратил внимание на необходимость адаптировать документы, утвержденные Священным Синодом для воскресных школ на территории России, к другим странам. Было бы полезным услышать мнение по этому поводу архиастырей, несущих свое служение в разных странах канонической территории нашей Церкви.

Обсуждая тему духовно-нравственного воспитания детей, Высший Церковный Совет также поднял вопрос о возможном увеличении числа православных детских садов. Синодальным отделом была разработана образовательная программа и методическая база для включения духовно-нравственного компонента в программу детских садов. Эти документы составлены применительно к законодательству России, которое предусматривает соответствующую возможность, но они могут быть адаптированы и к законодательству других стран. Было бы также полезным развивать сеть православных детских садов, каковых в настоящее время единицы. Синодальный отдел религиозного образования готов оказать необходимую методическую поддержку тем митрополиям и епархиям, которые были бы готовы учреждать детские сады. Было бы полезным услышать соображения архиереев, имеющих подобный опыт. Что можно сделать для развития православных детских садов? Какие вы видите ограничения, исходя из опыта ваших епархий?

В своем прошлогоднем докладе я упоминал о необходимости найти новые подходы к обучению в воскресных школах детей старше 12 лет. Полученная с тех пор статистика подтверждает актуальность этой задачи. В российских воскресных школах, прошедших упомянутую выше аттестацию, 74% обучающихся — это дети до 11 лет включительно. Можно предположить, что в возрастной группе от 12 до 16 лет, к которой относятся оставшиеся 26% детей, большинство находится ближе к нижней возрастной планке. Найти правильные формы обращения к детям старшего школьного возраста со словами о Боге — это важная и непростая задача, находящаяся на стыке работы воскресных школ и миссии среди молодежи. При поддержке Синодального отдела религиозного образования и катехизации в последние годы изданы неплохие пособия в этой сфере, однако пока что они носят довольно узкий характер и в основном описывают формирование при приходах подростковых объединений наподобие скаутских. Это рекомендации полезные, но не универсальные. Было бы важным обсудить тему пастырского попечения о детях старшего школьного возраста в епархиях, а также провести семинары или круглые столы в ведущих духовных учебных заведениях при участии профильных общещерковных учреждений.

Пользуясь случаем, хотел бы отметить, что методические пособия как в области религиозного образования, так и в иных сферах, было бы правильнее распространять путем электронной рассылки, а не через издание книг с дальнейшей их закупкой епархиями и приходами. Очевидно, что целевая аудитория подобных текстов — это наиболее активные клирики и миряне, которые, за редкими исключениями, являются осведомленными пользователями электронных средств коммуникации. Электронное распространение снизит как издержки Издательства Московской Патриархии, так и затраты епархий и приходов, а тексты будут доступны самому широкому кругу людей.

Завершая тему религиозного образования, хотел бы пожелать, чтобы акцент в его развитии был в дальнейшем сделан не столько на создании нормативных документов, которые необходимы, но являются порой избыточно громоздкими, сколько на практической реализации поставленных задач в епархиях и на приходах при поддержке центральных церковных учреждений.

Монастыри и монашество

Центрами просвещения на Руси издревле были монастыри. Не случайно Собор 2013 года отдельное внимание обратил на необходимость выстроить «систему получения монашествующими богословского образования»²¹.

Работу в этом направлении пока нельзя назвать в полной мере удовлетворительной. Лишь в 2015 году на утверждение Священного Синода была представлена Концепция создания и организации образовательных курсов для монашествующих. Еще позднее были разработаны Церковный образовательный стандарт по вопросам образования монашествующих и сопутствующие стандарту документы. На сегодняшний день сформирована документальная основа для организации базового образования монашествующих. Практическое осуществление соборного поручения до сих пор находится на начальной стадии, хотя мне известно, что в ряде епархий архиепископы уже в той или иной форме организовали обучение монашествующих. Синодальному отделу по монастырям и монашеству надлежит активнее участвовать в этой работе. Призываю всех вас, владыки, также уделить этому особое внимание. Если у вас есть какие-либо пожелания по этому поводу, прошу вас высказаться в ходе наших соборных заседаний.

В ходе изучения этой темы ряд епархий и монастырей предложили, чтобы образовательные курсы проводились на территории монастырей. Это позволит избежать

вынужденного регулярного отсутствия монашествующих в обители для поездок в образовательные учреждения. Поскольку речь идет не о высшем образовании, но о преподавании базовых богословских знаний, это предложение было одобрено. При этом хотел бы предостеречь игуменов и игумений от попыток превратить это обучение в разновидность «бесед» с монахами. Обучение должно состоять из простых, но полноценных занятий и аттестации. Кроме того, напомню, что для монашествующих, представляемых к хиротонии в священный сан, требования к образовательному цензу не ограничиваются базовыми богословскими знаниями, но аналогичны требованиям к любым ставленникам.

Успешным можно назвать опыт проведения стажировок для кандидатов на игуменские должности прежде их утверждения Священным Синодом. От рекомендательной в 2011 году стажировка стала сегодня обязательной частью обучения таких кандидатов. Стажировка проходит, как правило, в одной из ставропигий или в крупном епархиальном монастыре, что позволяет кандидатам в игумены и игумены ознакомиться с внутренней жизнью современных монашеских центров нашей Церкви. Это особенно важно для тех, кто проходил свое монашеское послушание в отдаленных малочисленных монастырях. Как показала практика, одним из условий хорошего результата стажировки является личное участие игумена или игумены принимающего монастыря в обучении стажера. Постоянный контакт с ним принимающего настоятеля и отеческое попечение оказывают благотворное влияние и способствуют тому, чтобы стажер в будущем так же относился к тем монахам, которые будут вверены его руководству.

В ближайшие дни нам предстоит серьезный разговор о монашестве в связи с рассмотрением проекта Положения о монастырях и монашестве, который разрабатывался в течение почти семи лет в Межсоборном

Присутствии. После разработки в профильной комиссии документ выносился на первое церковно-общественное обсуждение весной 2012 года и получил множество отзывов, после чего был направлен на доработку. Новый текст был опубликован летом 2014 года, после чего вновь дорабатывался, а затем был рассмотрен Пленумом Межсоборного Присутствия в январе сего года. Это поистине плод долгой и кропотливой работы, в ходе которой учитывались самые различные мнения. Это Положение, если оно будет нами соборно принято, должно послужить дальнейшему развитию современной монастырской жизни в русле исконных традиций русского монашества.

Миссионерская деятельность

Архиерейский Собор 2013 года определил несколько основных векторов миссионерской деятельности. Это так называемая внутренняя миссия, противосектантская работа и миссия среди коренных малочисленных народов²².

Что касается решения последней задачи, то усилиями Синодального миссионерского отдела начиная с 2013 года в епархии Дальнего Востока, Крайнего Севера и Восточной Сибири был командирован в общей сложности 141 миссионер, а именно 92 священника и 49 мирян из числа студентов миссионерских учебных заведений. Опираясь на полученный опыт можно сказать, что миссия среди коренных малочисленных народов наиболее успешна там, где в нее активно включается местная епархия, не дожидаясь призывов из синодальной структуры. В качестве положительного примера можно назвать Южно-Сахалинскую епархию, в которой в 2013 году был образован отдел по работе с коренными малочисленными народами. Помимо окормления крещеных представителей коренного населения, представители этого отдела на регулярной основе посещают национальные села, проводят встречи и беседы с населением, а также развивают сотрудничество с про-

фильным региональным управлением и общественными организациями. Считаю, что именно таким образом, опираясь в первую очередь на местную инициативу, следует развивать данное направление церковной миссии, сохранив при этом практику временного командирования Синодальным отделом клириков для обеспечения регулярной богослужебной жизни в отдаленных населенных пунктах.

Относительно других векторов миссионерской деятельности прошлогодний Собор выразил озабоченность, а именно, счел «необходимым переосмысление и совершенствование миссионерской деятельности»²³. Это касается, в первую очередь, «внутренней миссии», т.е. просвещения тех, кто уже крещены, но не в полной мере приобщились к жизни Церкви, а также тех, кто, будучи крещены, принадлежат к народам, исторически исповедующим Православие. Необходимо ясно определить, что такое миссионерская деятельность, а также как она должна осуществляться на общечерковном уровне и на уровне отдельных епархий или приходов.

Помимо прочего, в сфере «внутренней миссии» следует также уточнить распределение ответственности между синодальными и епархиальными отделами. В частности, надо обдумать, оправдано ли то, что катехизическая работа выделена из «внутренней миссии» и отнесена к компетенции отделов религиозного образования, повестка дня которых, как мы видели, и без того велика. И это при том, что, хотя «внутренней миссией» занимаются в рамках своей специфики и молодежные отделы, и структуры, окормляющие военнослужащих, и другие учреждения, однако ответственность за «внутреннюю миссию» как целостное направление, требующее особого внимания, довольно размыта. К сожалению, в погоне за различными технологиями порой упускается из вида, что миссия — это не сборник методик, но конкретное действие. А именно: это просвещение тех людей, крещеных

или еще нет, которые незнакомы или почти не знакомы с евангельским посланием. Очень важно, владыки, чтобы мы сегодня тщательно обсудили, как развивать миссионерскую деятельность.

Отдельного упоминания заслуживает миссионерско-просветительская работа, адресованная казачеству. Казачьи объединения действуют в епархиях Белоруссии, Казахстана, России и Украины. Во всех этих странах окормлением казачества занимаются более 1 100 священников. Выстроена система взаимодействия с казачьими обществами, осуществляется координирование служения казачьего духовенства, оказывается методическая помощь епархиальным отделам. Наиболее важной задачей была и остается консолидация казачьих общин вокруг храмов, укрепление церковного сознания среди казаков, особенно среди казачьей молодежи.

Особое место в церковной жизни принадлежит старообрядным приходам Русской Православной Церкви, количество которых постепенно растет, как и частота архиерейских служений в них древним чином. Продолжается развитие Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции, способствующего улучшению подготовки священно- и церковнослужителей старообрядных приходов: в нем действуют кружки по изучению знаменного пения и устава, проходят стажировку клирики, с участием других крупных приходов издается учебная и научная литература, а также молитвословы для практического употребления. Создан уже и первый епархиальный центр древнерусской богослужебной традиции в Симбирске. Всё это способствует лучшему усвоению богатого наследия русского многовекового церковного предания.

Традиционно к миссии также относится противодействие сектам. Это еще одно направление деятельности, требующее более системной работы на общечерковном уровне, чтобы епархии и приходы, встречаясь с активно-

стью тех или иных сектантских групп, получали своевременные и исчерпывающие практические консультации. В Синодальном миссионерском отделе имеется структура, которая обеспечивает правовое консультирование епархий при их противодействии сектантам. Следует расширить эту деятельность, чтобы рекомендации давались также в сфере профилактики сектантской угрозы и в сфере пастырского попечения о жертвах сект и об их семьях. В ряде епархий существуют епархиальные антисектантские центры с серьезными наработками. Необходимо, чтобы их опыт был доступен самому широкому кругу церковных миссионеров.

Актуальной является проблема неоязычества. Необходимо предпринять усилия, чтобы преодолеть эту угрозу умам и душам людей. Была проведена предварительная исследовательская работа, результаты которой направлены в епархии. Прошу тех Преосвященных владык, в епархиях которых есть успешный опыт противодействия неоязычеству, поделиться этим опытом.

Информационная работа

Распространять благую весть — это неотъемлемая задача Церкви с апостольских времен. При этом сегодня мы сталкиваемся с такими технологиями работы со словом, которые не имеют аналогов в прошлом. В новых условиях общество всё более стремится к информационной открытости и к распространению максимального объема информации. В этих условиях на архиереев и их помощников по взаимодействию со СМИ ложится особая ответственность за общение в медиа-среде.

Наиболее важная задача в информационной сфере, поставленная Архиерейским Собором 2013 года, это «заполнение информационного пространства достоверными сведениями о церковном служении, в центре которого находятся проповедь о Христе и пастырский ответ на вызовы современности»²⁴.

Хотел бы в связи с этим отметить высококачественную работу пресс-службы Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, благодаря которой широкий круг людей смог ознакомиться с усилиями многочисленных церковных тружеников, заботящихся об обездоленных. Этот информационный успех привел к укреплению той поддержки, которая оказывалась церковным социально-благотворительным проектам. Важно, что медийная работа в этом направлении не ограничивается информационными сообщениями. В светских и церковных СМИ выходят публицистические материалы, в частности, с размышлениями представителей Церкви и общества о социальном служении в евангельском понимании. Другими словами, информационное пространство наполняется не просто фактами, но идеями, основанными на слове Божием. Церковь через свою информационную деятельность, посвященную социальному служению, продолжает проповедь о Христе.

В межсоборный период удалось достичь немалого в использовании технических возможностей для проповеди Евангелия. Всё больше епархий и приходов активно наполняют свои сайты, развивают их мобильные версии и страницы в социальных сетях. Значительно изменился в лучшую сторону телеканал «Спас». Большим прорывом можно назвать географическое расширение вещания радио «Вера». Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ провел работу по укреплению взаимодействия с епархиями. Объединение церковного информационного пространства, понимаемого как координация всех информационных ресурсов Церкви с сохранением их автономности и специфики, продвигается вперед и продолжает оставаться среди приоритетных задач. При этом расширять информационное пространство посредством публикации похожих текстов на одну и ту же тему само по себе важно, но недостаточно. Ведь «информационное пространство» — это не только технологии. Это

также совокупность идей и смыслов. Когда епархиальные пресс-службы добиваются многочисленных републикаций в региональной прессе послания епархиального архиерея к тому или иному празднику — это важный результат, но на нем нельзя останавливаться и считать, что работа выполнена. Недостаточно и того, что местные СМИ распространяют информацию о богослужениях или церковных мероприятиях. Диалог с представителями СМИ, в том числе районными, должен выходить за рамки официоза, причем, по возможности, при живом участии архиереев и духовенства. Общение со средствами массовой информации — это возможность сказать о Евангелии доступным языком в связи с теми вопросами, которые волнуют современного человека. Распространенный сегодня медийный жанр — это рассказы о конкретных людях, об их быте и увлечениях. В связи с такими рассказами порой затрагиваются глубокие социальные или нравственные проблемы. А ведь в жизни приходов найдется много интересных историй о том, как живут и активно действуют в обществе современные христиане. Наконец, было бы важно, чтобы жизнь епархий и приходов более активно отражалась на общечерковном уровне.

При этом следует понимать, что качество информационной работы во многом зависит от того личного внимания, которое ей уделяет архиерей. В противном случае нельзя ждать значимых результатов от епархиальных информационных подразделений. В частности, необходимо, чтобы руководитель соответствующего отдела имел прямой рабочий контакт с архиереем. К сожалению, это пока не всегда так, хотя во многих епархиях мы видим успешные примеры активного информационного присутствия при участии епархиального Преосвященного.

Особого внимания требует миссия в социальных сетях. Ее важность подчеркивалась в постановлениях уже двух Архиерейских Соборов — 2013 и 2016 годов²⁵. В 2015 году Синодальный информационный отдел рекомендовал

всем епархиям открывать в популярных социальных сетях официальные страницы, что и было сделано. Однако в большинстве случаев такие страницы дублируют епархиальные сайты, нет реального диалога между администрациями страниц и читателями. Подобное присутствие в социальных сетях почти не имеет эффекта. Пользователи социальных сетей увлекаются чтением тех страниц, за которыми видят живого человека, который говорит с ними обычным языком и отвечает на возникающие у них вопросы. Это вызывает симпатию и заставляет установить личный контакт, вступить в сообщество читателей такого человека. Социальные сети популярны, потому что позволяют лично узнавать кого-то, знакомиться с его размышлениями, понимать, чем он увлекается, как выглядит, чем делится с другими. Некоторые архиереи, священнослужители и миряне — представители епархий ведут подобного рода страницы, которые становятся местом разговора о Боге. Есть здесь и опасность увлечься собственным образом в социальных сетях, стать священником-блогером, стремящимся высказывать свое мнение по поводу и без повода, а не священником, для которого блог — это лишь одно из средств общения с людьми. Впрочем, не каждому дано умение пользоваться этим инструментом. Нельзя сказать, что даже на уровне синодальных учреждений миссия в социальных сетях уже в полной мере осмыслена и освоена. Но социальные сети — это такая же реальность нашего времени, как телевидение или радио. Ошибкой будет пренебрегать этой реальностью.

Дорогие владыки, следует ясно понимать особенности текущей информационной ситуации. Сегодня очевидно, что часть общества будет негативно реагировать на происходящее в Церкви. И это будет отражаться в том числе и в СМИ. Дело в том, что Церковь не нейтральна к явлениям общественной жизни. Когда таковые явления расходятся с Евангелием, Церковь напоминает о том, что

выбираемый людьми путь не благословлен Богом. И это вызывает раздражение со стороны той или иной части общества. Конечно, негативная реакция усиливается в связи с объективными проступками, недостатками, неосторожными словами или действиями тех или иных священнослужителей. К сожалению, периодически находятся клирики, которые *дают повод ищущим повода* (ср. 2 Кор. 11:12). Конфликты, скандалы распространяются молниеносно и живут в информационном пространстве более длительное время, а эффект от положительных публикаций нередко кратковременен.

Каков должен быть наш ответ на недоброжелательность в адрес Церкви? Мы призваны быть для мира *светом* (ср. Мф. 5:14). Повторю то, что сказал в вводной части моего доклада: язык проповеди Спасителя и апостолов, а следовательно, и нашей проповеди — это язык любви. Участвуя в общественной деятельности, мы должны свидетельствовать об Истине. Печально, когда это свидетельство порицаемо только потому, что мы выбрали неправильный тон или неподходящую форму. Сегодня люди особо чувствительны к словам и ревностно относятся к границам личного пространства. Поэтому возвещая или отстаивая евангельские истины, нам следует быть аккуратными в выборе слов. Следует обличать грех, но не унижать человека. Напоминая о бедственных последствиях отхода от Божией воли, мы не должны своей неосторожностью подталкивать людей к краю пропасти. Пусть наше слово, обращенное к обществу, в том числе через СМИ, будет искренним, а не напыщенным или лицемерным; содержательным, а не декларативным и пустым; ободряющим, а не менторским и осуждающим. Чтобы даже напоминая о запретах, мы в первую очередь заботились о направлении людей к Божественной любви.

Епархиальное управление и взаимодействие в митрополиях

Данный Архиерейским Собором 2011 года импульс развитию разнообразных сторон церковной жизни стал началом процесса учреждения новых епархий, а затем — и создания митрополий. За истекшие годы прояснились как сильные стороны этой новой конструкции, идея которой восходит к Поместному Собору 1917–1918 годов, так и их шероховатости, которые следует сгладить.

Образование единой митрополии предполагает особо тесные, братские взаимоотношения между архиереями епархий, находящихся в одном регионе, а также в среде духовенства этих епархий. Безусловно, каждый епархиальный архиерей самостоятелен в своей канонической деятельности, в кадровых, административных, финансовых, юридических и иных вопросах. К сожалению, случалось, что после учреждения новых епархий митрополит по инерции продолжал устно, а иногда и письменно распоряжаться канонически не подчиненными ему монастырями, приходами или клириками на территории других епархий митрополии. Вместе с тем встречалось ошибочное поведение и со стороны некоторых новопоставленных архиереев, которые, демонстрируя свою самостоятельность, пренебрегали добрыми советами митрополитов или игнорировали значимые для всей митрополии совместные мероприятия. И хотя такие случаи единичны, считаю важным напомнить об основах взаимодействия архиереев митрополии. Глава митрополии призван своим авторитетом содействовать решению важных для всей митрополии задач и наблюдать за тем, чтобы все епархии митрополии развивались. Еще в декабре 2013 года Священный Синод дополнил Положение о митрополиях указанием на то, что митрополит «в пределах митрополии имеет начальственное наблюдение за осуществлением решений Поместных и Архиерейских Соборов, а также

Священного Синода»²⁶. Как показала практика, термин «начальственное» здесь требует пояснения. Едва ли мы исчерпывающе сформулируем необходимые уточнения во время соборных заседаний, поэтому предлагаю обсудить эту тему, а дальнейшую работу поручить Священному Синоду. Важно, чтобы архиереи прислушивались к митрополиту. Более того, они должны уведомлять его о значимых для всей митрополии делах.

Успешному взаимодействию внутри митрополии должно способствовать правильное выстраивание работы архиерейского совета. Согласно Положению о митрополиях этому органу предписывается рассмотрение вопросов, касающихся координации «богослужебной, паstryрской, духовно-просветительской, образовательной, миссионерской, молодежной, издательской, информационной, социальной, благотворительной деятельности епархий ... их взаимодействия с обществом и органами светской власти», а также материального обеспечения и деятельности духовных школ митрополии. На практике работа архиерейских советов порой сводится к определению дат совместных богослужений архиереев митрополии и проведения общих конференций. Впрочем, у многих митрополий есть положительный опыт работы архиерейских советов, которые занимаются такими вопросами, как, например, преподавание Основ православной культуры во всем регионе, прославление подвижников благочестия и развитие почитания уже прославленных в регионе святых, подготовка совместных издательских проектов, соблюдение законодательства при реставрации значимых памятников архитектуры. Все эти темы могли бы рассматриваться и на уровне отдельных епархий, но практика показывает, что их совместное обсуждение архиереями митрополии позволяет добиваться лучших результатов. Полезным может также быть ежегодное проведение расширенного архиерейского совета с приглашением руководителей ключевых епархиальных отделов всех епар-

хий для совместного обсуждения планов и результатов деятельности. Более того, полезно поощрять регулярное взаимодействие однопрофильных епархиальных отделов при соблюдении канонических прерогатив каждого епархиального архиерея.

Поскольку речь зашла о епархиальных отделах, предлагаю также обсудить координацию их деятельности внутри отдельных епархий. Некоторое время тому назад группа руководителей епархиальных отделов социальной направленности обратилась к председателю соответствующего синодального отдела с просьбой инициировать внесение в Устав поправок, предполагающих включение глав всех епархиальных учреждений в епархиальные советы. Предложение обсуждалось на Высшем Церковном Совете, который считал, что такие поправки затруднят административную работу епархиальных советов, поскольку повлекут за собой избыточное увеличение их составов. Вместе с тем поступившее предложение свидетельствует о не вполне адекватном включении руководителей епархиальных отделов в жизнь епархий. Задача этих людей — «держать руку на пульсе» в подведомственной им сфере, координировать по своему направлению работу благочиний и приходов, а также помогать архиерею в принятии решений. Выполнение этих обязанностей затруднено в тех случаях, когда председатели епархиальных отделов никак не вовлекаются в работу епархиального совета. В конце октября этого года, отвечая на вопрос по этому поводу одного из участников VII Общецерковного съезда по социальному служению, я говорил о том, что в епархиях можно было бы организовать координацию руководителей епархиальных отделов наподобие того, как работает Высший Церковный Совет. Для этого не обязательно создавать какой-то особый орган. В практике целого ряда епархий, в том числе Московской, раз в год или чаще — по усмотрению архиерея — проводится расширенное заседание епархиального совета, в котором

участвуют руководители всех епархиальных учреждений и благочинные. Обсуждаются планы и результаты работы по каждому направлению, принимаются совместные решения. Руководители епархиальных отделов также приглашаются на заседания совета в течение года при обсуждении вопросов, связанных с их профилем. Они могут и сами попросить о включении того или иного вопроса в повестку дня совета.

Предлагаю сегодня подробнее обсудить, как выстраивать взаимодействие между епархиями одной митрополии, а также, в каждой епархии, между епархиальными отделами и благочиниями.

Плодотворной деятельности епархиальных отделов способствует активное взаимодействие с ними руководителей синодальных учреждений, которые в соответствии с прошлогодним решением Высшего Церковного Совета²⁷ должны регулярно проводить интернет-совещания с профильными епархиальными руководителями. Такие совещания позволяют не только укреплять взаимодействие между людьми, отвечающими за одну сферу деятельности, но также решать практические вопросы. Прошу председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению, который первый начал проводить подобные совещания на регулярной основе, подробнее рассказать о своем опыте во время дискуссии. В настоящее время в онлайн-совещаниях участвуют преимущественно представители российских епархий. Возможно, стоило бы расширить их географию. Буду рад услышать ваши мнения о том, насколько это можно устроить, и в целом, о результативности подобных онлайн-совещаний.

Помощники благочинных

Нововведением, связанным с соборными решениями в области миссии и катехизации, социально-благо-

творительной деятельности и молодежной работы стало несколько лет тому назад появление института помощников благочинных и настоятелей крупных приходов.

На сегодняшний день должности профильных помощников благочинных замещены в российских епархиях более чем на 90% — это почти пять с половиной тысяч человек. При этом 90% из них являются совместителями. Почти 75% трудятся на добровольной основе. Половина из таких сотрудников — это священнослужители. Другими словами, для подавляющего большинства профильных помощников благочинных эта работа не является основной.

Такая ситуация обусловлена, в первую очередь, материальными причинами. Не все благочиния могут выделить четыре полноценных ставки, особенно с учетом нынешней экономической ситуации. Отсюда много совместителей-добровольцев. Назначение помощниками благочинных клириков также объяснимо. В крупных городах, где на приходах назначены помощники настоятелей из числа мирян, помощники благочинных будут взаимодействовать с таковыми. А в тех благочиниях, которые расположены за пределами крупных городов, помощникам благочинных предстоит в основном взаимодействовать с настоятелями храмов. Практика показывает, что такое взаимодействие нередко плодотворнее, когда помощник благочинного и сам находится в сане.

Добровольное несение обязанностей профильного помощника благочинного, совместительство и, в том числе, совмещение со священнослужением — всё это само по себе неплохо. Плохо, если несение иных церковных послушаний или же светская работа помощника благочинного будет приводить к выполнению им своих обязанностей по остаточному принципу. Ведь известно, что «общественные нагрузки» на добровольной основе нередко воспринимаются как нечто вторичное. Этого можно избежать, если, с одной стороны, помощники

благочинных будут достаточно мотивированы — в том числе материально, а с другой стороны — руководители епархиальных отделов будут активно взаимодействовать с ними, консультировать их, помогать им в работе. Еще достаточно распространена ситуация, когда руководитель епархиального отдела замыкается на своей деятельности или ограничивается пределами своего прихода или города, в котором он служит. Причем работу по своему профилю такие руководители отделов нередко делают хорошо. Но они не всегда обладают организационными навыками в масштабе епархии. Обучить их этим навыкам должны синодальные учреждения. Система подготовки руководителей епархиальных отделов без их чрезмерной нагрузки и без отрыва от епархий давно отработана в Синодальном отделе по церковной благотворительности, к опыту которого можно обратиться.

Необходимо также обучать самих помощников благочинных особенностям их профильной работы. Нашей целью является не замещение этих должностей для ответности, но назначение специалистов, которые являлись бы профессионалами в конкретной области церковной деятельности. В 2013 году Архиерейским Собором были одобрены основные принципы организации подготовки специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности²⁸. Исходя из этих принципов, создается сеть церковных образовательных центров для обучения соответствующих специалистов. На сегодняшний день Учебным комитетом уже одобрены 38 заявок из 35 епархий на открытие таких центров. В ряде епархий ведется подготовка необходимых документов.

Лица, окончившие полный курс в таких центрах, могут, согласно решению Священного Синода, быть рукоположены в диаконский сан, но не в сан священника. Выпускники центров также могут при условии успешной сдачи вступительных экзаменов поступить в семинарию на третий год обучения, т.е. на второй из четырех курсов

бакалавриата с учетом того, что в семинариях действует так называемый подготовительный курс²⁹.

Весной 2017 года Учебным комитетом и профильными синодальными учреждениями были разработаны проекты квалификационных требований к должностям помощников благочинных и настоятелей по каждому направлению деятельности. Это формальные документы, в которых определяется требуемый уровень образования, перечень навыков и знаний, а также обязанности данных сотрудников. Между тем проведенный в этом году мониторинг показал, что на сегодняшний день частично или полностью соответствуют сформулированным требованиям от 20% до 40% помощников благочинных, в зависимости от профиля, что ожидаемо, поскольку эта институция находится в становлении. В связи с этим мною было принято решение отложить рассмотрение упомянутых документов, тем более что обязанности помощников благочинных еще в 2012 году были достаточно подробно описаны в рекомендациях к их деятельности, одобренных по каждому профилю Высшим Церковным Советом. Прежде чем повышать формальные требования к помощникам благочинных, нам необходимо добиться фактического улучшения уровня их подготовки, в первую очередь — через те образовательные инструменты, о которых было сказано ранее.

Полагаю, что настало время всесторонне обсудить первые итоги введения института профильных помощников благочинных. Прошу вас поделиться тем, какие положительные результаты вы видите в их работе, какие возникают сложности и что, на ваш взгляд, стоило бы скорректировать.

Финансы и хозяйство

В финансово-хозяйственной сфере Архиерейский Собор 2013 года определил три задачи. Это формирование

единого реестра церковного имущества³⁰, создание общецерковной бесплатной базы храмовой проектно-сметной документации³¹ и урегулирование взаимодействия предприятия «Софрино» и епархий³².

На сегодняшний день реестр церковного имущества, который охватывает только епархии России, сформирован на 78%. Отсутствие стопроцентного результата обусловлено в первую очередь обновлением реестра в связи с образованием новых епархий. Реестр способствует более эффективной работе общецерковных учреждений по координации передачи недвижимого имущества в собственность епархий. Задачу по формированию реестра можно считать в основном выполненной.

На конец 2017 года в бесплатной общецерковной базе проектно-сметной документации числится 21 проект, которые могут быть предоставлены любой епархии по запросу. В 2016 и 2017 годах в епархии было передано 30 проектов. Повторное использование проектно-сметной документации позволяет экономить существенные средства при строительстве новых храмов, хотя, конечно, проекты порой приходится адаптировать под климатические, сейсмические и иные условия. Поставленную Собором задачу можно также считать выполненной.

Вопросы взаимодействия епархий и их канонических подразделений с Художественно-производственным предприятием «Софрино» обсуждались на Архиерейском Совещании 2015 года, после которого был принят ряд предложений по ценообразованию, организации епархиальных складов, качеству и ассортименту. Предлагаю вновь обсудить положение дел в этой сфере и подвести итог изменениям, произошедшим в межсоборный период.

Церковь и культура

Культура в узком понимании, а именно то, что связано с искусством и творчеством, — это одна из тех сфер

жизни общества, которая вызывает много пререканий и споров, поскольку в искусстве и творчестве открываются громадные возможности для влияния на умы людей. В 2015 году участники Архиерейского Совещания подчеркнули, что «в данной области сегодня особенно требуется *различение духов* (1 Кор. 12:10), умение отличить прекрасное от безобразного, гармонию от дисгармонии, культуру, возвышающую душу человека, от антикультуры, порабощающей его разрушительным порокам»³³. При этом важно, руководствуясь христианской осмотрительностью и заботливым отношением к ближнему, не поддаваться соблазну жесткой сортировки творческих явлений на «приемлемые» и «неприемлемые». Приятие или неприятие того или иного произведения искусства или явления культуры зачастую обусловлено вкусовыми предпочтениями или даже определенной специальной подготовкой человека. Здесь невозможно установить формальные незыблемые нормы, обязывающие, скажем, всех верующих только одним, определенным образом относиться к конкретной книге, спектаклю или фильму. Исключения составляют лишь случаи очевидного кощунства и богохульства, намеренно допускаемого художником в своем произведении. Такие произведения неприемлемы для верующего человека.

Специфика искусства, особенно современного, такова, что порой внешне далекие от гармонии формы скрывают поиск истины и серьезные мировоззренческие раздумья. Это тем более верно в отношении молодежных субкультур, при оценке которых нужно быть особо внимательными, дабы не отвергнуть искренние устремления.

Задачи Церкви стоят выше задач искусства и творчества. Поэтому создание проектов в сфере культуры не относится к непосредственным обязанностям епархий или приходов. Вместе с тем такие проекты могут стать средством проповеди о Христе. Соборным постановлением 2013 года епархиям, «где это возможно», было предло-

жено «создавать культурно-просветительские и духовно-образовательные центры» и «разрабатывать программы епархиальных мероприятий, способствующих развитию отечественной культуры»³⁴. Согласно поступившим из епархий отчетам, на сегодняшний день создано 103 таких центра. Вместе с тем их деятельность весьма различна, а участие в культурной жизни региона во многом зависит от степени внимания епархиального архиерея к культурным проектам. Рад буду услышать ваши соображения по этой теме. Со своей стороны полагаю, что, не форсируя работу в этом направлении, каждому архиерею следует держать ее в поле своего зрения. В частности, стоит обратить внимание на довольно успешный проект Издательского совета по поддержанию и открытию православных библиотек.

С искусством и творчеством неразрывно связано книгоиздание. Соборное поручение создать централизованную систему распространения книжных изданий по епархиям³⁵ столкнулось с кризисом в отрасли. По этой причине, а также в силу ряда других обстоятельств, которые выявил Издательский совет, было принято решение отказаться от создания упомянутой централизованной системы как неэффективной. Адаптируясь к современным условиям, нам следует искать другие формы популяризации книжной продукции. В частности, Издательским советом создан информационный портал «Правчтение», на площадке которого собирается информация об издательствах, о книжной продукции и о ее распространении. Кроме того, в условиях, когда творчество писателей, в том числе религиозного содержания, вызывает умеренный интерес в широких кругах современного общества, важной задачей остается популяризация в епархиях Патриаршей литературной премии³⁶.

В завершение темы, посвященной культуре, напомню, что Церковь разделяет с государством ответственность за сохранность тех памятников, которые находятся в ее пользовании или собственности. Архиерейский Собор

2013 года предписал епархиальным архиереям обращать «особое внимание на правильное использование, сохранение и восстановление движимых и недвижимых памятников культуры, переданных Церкви»³⁷. После утверждения Священным Синодом в 2014 году Положения о должности епархиальных древлехранителей работа в этом направлении получила новый импульс. Древлехранителями назначены, как правило, специалисты высокого класса, которые получили дополнительную квалификацию на курсах, организованных Патриаршим советом по культуре. Этот опыт, опробованный в российских епархиях, может быть полезен и епархиям, находящимся в иных странах, применительно к местному законодательству и возможностям. Во многих регионах России появление древлехранителей позволило выстроить новые взаимоотношения с местным музейным сообществом. Одна из сложностей, возникающая в работе древлехранителей, обусловлена тем, что их профессиональные оценки и рекомендации порой не находят понимания среди духовенства или в епархиальных управлениях, причем причинами тому служат, к примеру, личные вкусовые предпочтения представителей клира. Следует помнить, что в вопросе сохранения памятников лучше прислушиваться к аргументированному мнению профессионала. В продолжение данной темы в 2016 году Священным Синодом был образован Экспертный совет по церковному искусству, архитектуре и реставрации³⁸, который призван проводить экспертизу проектов реставрации памятников архитектуры по запросам епархиальных архиереев, а в обязательном порядке — при реставрации памятников общегосударственного значения и памятников ЮНЕСКО. Священным Синодом также были определены правила, касающиеся реставрации памятников архитектуры местного значения³⁹. Призываю всех с заботой и любовью хранить архитектурный облик исторических монастырей и храмов, которые являются частью нашего драгоценного церковного наследия, одним из выражений духовного опыта Церкви.

Церковно-государственные взаимоотношения в странах канонической ответственности Русской Православной Церкви

Деятельность Русской Православной Церкви имеет ярко выраженный наднациональный характер. Это проявляется, в частности, в том, что она осуществляет свое служение не в одном государстве и окормляет не один народ или этнос, но включает в сферу своего канонического попечения более полутора десятка разных стран.

В каждом государстве архипастыри, клирики и миряне, независимо от личного гражданства, молятся о мире и благополучии той страны, где они живут и трудятся на ее благо. Нередко, наряду с исторически принятым церковнославянским языком, богослужебные тексты произносятся и поются на местных языках, а где-то, как в Японии, национальный язык является основным для богослужений.

В каждой отдельной стране церковно-государственные и церковно-общественные отношения выстраиваются особым образом.

В Российской Федерации в период с 2013 года по сегодняшний день церковными учреждениями были подготовлены поправки к 35 законопроектам и 5 подзаконным актам. Особого упоминания заслуживают законодательные новеллы, касающиеся восстановления прав студентов духовных учебных заведений на отсрочку от призыва на военную службу в период обучения, изменения юридического статуса религиозных организаций, осуществления реставрации памятников архитектуры, находящихся в собственности религиозных общин на средства государственного финансирования, включения в законодательство понятия религиозно-исторического места. Необходимые разъяснения по поводу этих и других изменений в законодательстве были своевременно разосланы Управлением делами Московской Патриархии.

С 2013 года в рамках ежегодных Международных Рождественских образовательных чтений в верхней и нижней палатах Российского Парламента поочередно проводятся Рождественские парламентские встречи. Этот церковно-государственный форум является уникальной моделью взаимодействия Церкви с законодательными органами власти. Являясь постоянным сопредседателем Рождественских парламентских встреч, Предстоятель имеет возможность выступать с докладом на пленарном заседании, координировать программу и работу парламентских встреч. Кроме того, в их рамках ежегодно проходят более десяти круглых столов и тематических конференций.

Успешно ведется работа по замещению штатных должностей военных священников в Вооруженных силах Российской Федерации, что соответствует пожеланиям Архиерейского Собора 2013 года⁴⁰. За межсоборный период число назначенных штатных военных священнослужителей увеличилось на 148 человек и составляет сегодня 176 человек. К этому можно еще добавить 45 кандидатур, которые в настоящее время проходят согласование в Министерстве обороны или оформление в епархиях. Таким образом 84% штатных должностей уже замещены или будут вскоре замещены. На внештатной основе окормляют разные силовые структуры 773 священнослужителя.

Среди пожеланий Собора 2013 года было введение института штатного тюремного духовенства⁴¹. В межсоборный период достигнуто соглашение со светскими властями о введении в каждом субъекте Российской Федерации должности помощника начальника территориального управления Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими заключенными. Это должностное лицо берет на себя административную нагрузку, обеспечивающую допуск священнослужителей к заключенным и работу с ними. В большинстве регионов на упомянутую должность назначены православные священ-

ники, в некоторых регионах – представители других религий, преобладающих среди заключенных. Места лишения свободы в общей сложности окормляют 1 019 пастырей. Трудами Синодального отдела по тюремному служению были организованы курсы повышения квалификации для таких священнослужителей.

В соответствии с указаниями Архиерейского Собора 2013 года⁴² в межсоборный период Синодальный отдел религиозного образования и российские епархии стали более активно участвовать в переподготовке педагогов для преподавания «Основ православной культуры». Как правило, речь идет о чтении епархиальными специалистами тематических лекций в рамках светских курсов в институтах повышения квалификации педагогов. В дальнейшем Синодальный отдел предлагает развивать участие представителей Русской Православной Церкви в подготовке учителей по программам бакалавриата курса «Культура конфессий» в педагогических вузах России. Собор 2013 года также призвал епархии «продолжить работу с родителями школьников для разъяснения им значения» модуля «Основы православной культуры»⁴³. Многие епархии активно взаимодействуют с этой целью со светскими родительскими объединениями. Однако приблизительно в трети епархий взаимодействие с родителями ограничивается участием духовенства в родительских собраниях по выбору модулей в рамках курса Основы религиозных культур и светской этики. Это необходимо, но недостаточно. Помимо уже имеющегося положительного опыта Синодальный отдел религиозного образования и катехизации предлагает расширить сеть крупных региональных православных общественных организаций, занимающихся вопросами образования с их дальнейшим объединением во всероссийское православное родительское движение. Готовы ли мы к такой масштабной работе? Не превратится ли создание такого движения в нечто формальное? Прошу вас высказаться по этой теме.

В соборном документе 2013 года «Позиция Русской Православной Церкви по реформе семейного права и проблемам ювенальной юстиции», в частности, говорилось о важности развития диалога с государством с целью присутствия «представителей духовенства от епархий и благочиний на постоянной основе как наблюдателей, консультантов или экспертов в государственных органах опеки на всех региональных уровнях». Существенного прогресса здесь достичь пока не удалось, при том что Церковь заботится о множестве обездоленных детей, живущих в церковных приютах. Дети, проживающие в государственных приютах, также нуждаются во внимании. Прошу Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальной деятельности продолжить работу над исполнением упомянутого соборного постановления.

Семья и детство — это одна из важнейших тем, возникающих в общественном и, в частности, информационном пространстве. Церковь призвана быть в авангарде дискуссий по этой теме и практических дел. Вокруг семьи и воспитания подрастающего поколения сегодня разыгрываются целые баталии, и присутствие Церкви в этом поле порой вызывает нервную реакцию оппонентов. Представители Церкви должны тактично, но твердо отстаивать ясную, евангельскую позицию, избегая при этом крайних суждений и агрессивного эпатажа, провоцирующего подчас негативную реакцию не только во внешней, но и в церковной среде.

Взаимодействие традиционных религий в России на постоянной основе осуществляется в деятельности Межрелигиозного совета России, который уделяет большое внимание защите традиционных нравственных ценностей и семьи. Так, на заседании в 2016 году было принято заявление «О защите нерожденной жизни», направленное на противодействие абортам. Значительное внимание в своей деятельности Межрелигиозный совет России уделял развитию в нашей стране теологического образования, которое

призвано стать одним из важнейших инструментов противодействия экстремизму под религиозными лозунгами. На заседании в октябре сего года было принято заявление «О культуре, свободе творчества и нравственной ответственности», в котором представители традиционных религий подчеркнули, что свобода творчества, «как и любая другая свобода, не является абсолютной, ее реализация должна ограничиваться требованиями общественной морали и уважения прав других людей, мировоззренческих групп и религиозных сообществ». Члены Межрелигиозного совета заявили о своей открытости «для диалога с представителями творческого сообщества». Опыт Русской Православной Церкви в межрелигиозном диалоге свидетельствует, что близость традиционных религий в моральной оценке многих социальных явлений позволяет сотрудничать, внося совместный вклад в утверждение нравственных ценностей, укрепление гражданского согласия и общественного благополучия.

На протяжении уже почти четырех лет вся полнота Русской Православной Церкви возносит ко Престолу Вседержителя горячие молитвы о прекращении кровавого разделения на территории **Украины**. Блаженнейший митрополит Онуфрий, епископат, духовенство и все верные чада Украинской Православной Церкви действительно нуждаются в сугубых молитвах. События последних лет подтверждают, что Украинская Православная Церковь остается единственной силой, способной объединять украинское общество. Мужественная, взвешенная позиция ее Священноначалия, не позволяющего втянуть Церковь в конфликт ни на одной из его сторон, приносит свои благие плоды. Приносят свои плоды усилия Церкви по освобождению пленных, в значительных объемах оказывается гуманитарная помощь мирным жителям Донбасса, пострадавшим от военных действий. В миротворческом подвиге Украинской Православной Церкви проявляется ее любовь к Украине, ее подлинный патриотизм.

Несмотря на это, растет давление на Украинскую Православную Церковь со стороны неканонических религиозных групп, радикальных политических сил и общественных организаций Украины. Иногда даже возникает впечатление, что такое давление усиливается тем больше, чем ярче Церковь проявляет в себя качестве миротворческой, объединяющей силы. Ведется информационная кампания против Церкви. По-прежнему продолжаются рейдерские захваты храмов с изгнанием из них верующих; судебные решения в пользу пострадавших общин Украинской Православной Церкви не выполняются, власти зачастую оказывают поддержку захватчикам.

Особое беспокойство вызывают попытки со стороны определенных политических сил вмешиваться в вопросы внутренней жизни Церкви, препятствовать регистрации ее общин, закрепить религиозную дискриминацию на законодательном уровне. В связи с подготовкой к принятию соответствующих законопроектов последовало обращение Патриарха Московского и всея Руси к Предстоятелям Поместных Православных Церквей, Папе Римскому Франциску, генеральному секретарю ООН, главам государств «Нормандской четверки» и генеральному секретарю Всемирного совета церквей. Большинство Предстоятелей братских Поместных Православных Церквей высказалось в поддержку канонической Церкви Украины и выразило опасения в связи с готовящимся принятием этих законопроектов. Сказали свое слово и представители крупнейших религиозных конфессий Украины, международных религиозных и правозащитных организаций.

Сохраняя многочисленную паству во всех регионах Украины, Украинская Православная Церковь доказывает, что она — поистине Церковь своего народа, своей страны. Она является силу духа своих архиепископов и епископов, благочестие и сплоченность своих верующих. Свидетельством тому стал беспрецедентный Всеукраинский крестный ход в июле 2016 года, объединивший сотни

тысяч верующих по всей Украине, а также многотысячный крестный ход в Киеве 27 июля 2017 года. Любые попытки подорвать единство канонической Церкви на Украине политическими методами обречены на неудачу до тех пор, пока ее верующие остаются со своей Церковью, неизменно готовы выразить ей свою любовь и поддержку. И мы, вся полнота Русской Церкви, присоединяясь наши горячие молитвы о укреплении наших православных собратьев на Украине в их подвиге веры и благочестия, о умножении любви и искоренении вражды, о возвращении мира и благодеяния на исстрадавшуюся украинскую землю.

В Республике Беларусь Соглашение между Белорусской Православной Церковью и государством, подписанное почти 15 лет назад, дает возможность Церкви осуществлять взаимодействие с государственной властью в уникальном для этой страны формате. Традиционными сферами церковно-государственного соработничества остаются миротворчество, гражданский диалог, духовно-нравственное воспитание и культурно-просветительское служение, образование, здравоохранение, защита населения от воздействия деструктивных и экстремистских влияний.

Выполнение практических задач в различных областях сотрудничества возложено на совместные церковно-государственные органы — координационные советы или рабочие группы. Эти структуры помогают воплощать в жизнь достигнутые соглашения Церкви с органами власти. В частности, особое значение в сфере общественного и культурного строительства, а также сохранения культурного наследия Беларуси имеет Общественный совет по нравственности.

Отрадно наблюдать положительные тенденции в сфере церковно-государственного соработничества в **Республике Молдова**. В последнее время со стороны высшего руководства страны отмечается внимание к служению предстоятеля, епископата и духовенства Православной Церкви Молдовы.

Следует отметить, что представители органов государственной власти на протяжении многих лет оказывали существенную поддержку восстановлению православных святынь, однако в последние годы наметилась тенденция к сокращению финансирования программ, нацеленных на реконструкцию и реставрацию многих храмов и монастырей, представляющих особое культурное значение для страны.

На протяжении нескольких лет развивается церковно-государственное соработничество в области работы с военнослужащими, полицией и заключенными в учреждениях пенитенциарной системы страны.

Вместе с тем православная общественность Молдавии обеспокоена реализацией принятого в 2012 году закона «Об обеспечении равенства» и возможным расширением его правоприменения. Этот закон стал причиной негативных явлений в общественной жизни страны и в сфере контактов государства и религиозных объединений.

Республика Азербайджан в своей религиозной политике придерживается принципа равенства религиозных общин. Ввиду опасности распространения псевдорелигиозного экстремизма, азербайджанская правовая система ограничивает внешнее влияние на религиозные организации, препятствует пропаганде потенциально опасных радикальных идей. В рамках противодействия экстремизму с осени 2016 года в школах республики большее внимание уделяется преподаванию учебных дисциплин, связанных с изучением религий.

Бакинская епархия уже много лет поддерживает дружеские и конструктивные отношения с Управлением мусульман Кавказа и с его председателем шейх-уль-исламом Аллахшукюром Паша-заде, а также с иудейской и католической общинами, представленными в стране, что позволяет сообща предлагать государству различные инициативы по развитию религиозной жизни и решению

актуальных общественных проблем в стране. Отрадно, что этот диалог становится поводом свидетельства о целенаправленности традиционных религий к миру и согласию среди народов.

Сложившийся за годы взаимодействия диалог властей Азербайджана и епархии предоставляет широкие возможности для решения насущных вопросов и проблем православных верующих.

Республика Казахстан уже много лет является примером конструктивных церковно-государственных взаимоотношений. Взаимодействие архиереев и клириков с представителями государственной власти происходит на разном уровне (от местного и муниципального до республиканского). Православное духовенство по согласованию с областными управлениями по делам религий принимает участие в общественной жизни. Важную роль в развитии межрелигиозного диалога играют проводимые в Астане на регулярной основе при активной поддержке государства съезды религиозных лидеров, позволяющие консолидировать их позиции по многим актуальным проблемам.

20 июня 2017 года был принят закон «Об утверждении Концепции государственной политики в религиозной сфере в Республике Казахстан на 2017–2020 годы». В этой Концепции, ввиду опасности радикализации общества и угроз религиозного экстремизма, подчеркивается светский характер государства. Выражая твердую надежду на то, что деятельность Митрополичьего округа в Республике Казахстан и впредь будет пользоваться поддержкой государства и общества, а законодательные изменения не приведут к ограничению социальной и просветительской деятельности Церкви.

В ходе первосвятительского визита в **Республику Кыргызстан** в мае этого года я с большим удовлетворением увидел плоды церковно-государственного соработничества в этой стране. Государство видит в Бишкекской епархии союзника в решении многих актуальных обще-

ственных задач, в частности – в борьбе с экстремизмом. Проблеме псевдорелигиозного радикализма уделяется должное внимание на высшем уровне, а к работе над ее разрешением привлекаются все традиционные религии.

Основой государственного законодательства о религии является Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на период 2014–2020 годов, утвержденная в 2014 году. Одно из основных направлений в данной концепции – это реформирование и повышение качества религиозного и религиоведческого образования, которые были выделены как отдельные задачи в Плане действий по реализации концепции, утвержденном распоряжением правительства Кыргызской Республики в 2015 году. Клирики и миряне Русской Православной Церкви входят в состав консультативных органов, деятельность которых направлена на координацию государства и религиозных организаций в решении вопросов государственной политики в религиозной сфере.

В Латвийской Республике взаимоотношения Церкви и органов власти страны складывались в непростой и подчас весьма напряженной обстановке. Сегодня достигнут устойчивый консенсус, обеспечивающий взаимопонимание, заложены основы для дальнейшего сотрудничества. Одной из таких основ стали доброжелательные межконфессиональные взаимоотношения.

Вместе с тем тревогу вызывают попытки пересмотра традиционных ценностей, в том числе семейных, на законодательном уровне. Не меньшую озабоченность вызывают проекты изменения школьных программ с целью внесения в них уроков по половому воспитанию, угрожающих нравственности детей и молодежи, а также активизация идеологов эвтаназии.

Взаимодействие Церкви и государства в Литовской Республике носит продуктивный и взаимно благожелательный характер. Являясь, согласно Конституции, свет-

ским государством, не имеющим официальной религии, Литва признает в качестве традиционных девять религий и христианских конфессий, в число которых входит и Православие. Такое положение Православной Церкви в стране дает ряд возможностей для осуществления Виленской епархией храмоздательской, информационной и просветительской деятельности, а также гарантирует духовенству обеспечение социальными льготами.

С 2016 года для религиозных организаций в стране был отменен налог на занимаемые ими земельные участки. В связи с этим епархия инициировала процесс перевода церковных земель в собственность: ранее храмы по преимуществу владели землей на основании договоров долговременной и безвозмездной аренды.

Положительным опытом отмечено взаимодействие с местными администрациями. Беспрецедентной стала ситуация, сложившаяся в связи с восстановлением Троицкого храма в городе Швенчонисе, требовавшем капитального ремонта. Государство планирует профинансировать до 80% ремонтно-восстановительных работ.

Церковно-государственные отношения в **Республике Таджикистан** отличаются стабильностью, взаимоуважением и налаженным взаимным сотрудничеством по многим актуальным вопросам. Со стороны государственной власти Душанбинской епархии было неоднократно оказано содействие при строительстве храмов, организации благотворительной деятельности и в реализации культурно-просветительских программ и иных общественно значимых мероприятий.

Одним из актуальных вопросов церковной деятельности в регионе является развитие религиозного образования на приходах и гармонизация взаимоотношений между титульной нацией и русскоязычным населением.

Положение Церкви в **Республике Туркменистан** регламентировано вступившим в силу в 2016 году законом «О свободе вероисповедания и религиозных орга-

низациях». По этому закону священнослужители могут заниматься паstryрским окормлением в местах лишения свободы и в социальных учреждениях, более того — администрация учреждений обязана содействовать просьбам находящихся в них граждан в удовлетворении своих религиозных потребностей. К сожалению, сохраняются ограничения в отношении преподавания религиозных предметов в образовательных учреждениях. В этих условиях значительным достижением является создание духовно-образовательных центров на приходах Патриаршего благочиния в Туркменистане.

При стабильном развитии церковно-государственных отношений в стране имеют место некоторые затруднения. В частности, это вопросы открытия новых храмов и передачи храмовых помещений, а также возникающие иногда сложности с предоставлением виз священнослужителям, не имеющим туркменского гражданства. Надеюсь, что эти вопросы будут благополучно разрешены в диалоге государственных властей и руководства Патриаршего благочиния.

Сохраняются сложности и в отношении ввоза религиозной литературы из-за рубежа. Вместе с тем в июне 2017 года прецедентом, позволяющим надеяться на улучшения в этом вопросе, стала презентация в Туркменистане книги Притчей Соломоновых на туркменском языке, перевод и печать которых были осуществлены в России.

Положительная динамика наблюдается в церковно-государственном взаимодействии в **Республике Узбекистан**, которую я посетил осенью этого года. Диалог Ташкентской епархии и государственной власти приносит результаты, способствующие формированию и сохранению атмосферы мира и взаимопонимания как в национальной сфере, так и в религиозной.

В феврале этого года была принята Стратегия развития Узбекистана на 2017–2021 годы, одним из приоритетных направлений которой является обеспечение

межнационального и межрелигиозного согласия. Одна из важных сфер церковно-государственного взаимодействия — это воспитание молодежи в духе солидарности и взаимоуважения. В частности, при участии церковных экспертов, выступающих с лекциями в вузах Ташкента, реализуется программа по пресечению деятельности сект и проповедников псевдорелигиозных учений. В октябре 2017 года было принято решение выделить религиоведение в высших учебных заведениях в отдельную дисциплину. Убежден, что эта и другие меры, принимаемые на высоком государственном уровне, будут способствовать профилактике псевдорелигиозного экстремизма и радикализма на религиозной почве.

В Эстонской Республике высшее государственное руководство стремится поддерживать с Церковью конструктивные взаимоотношения. Существенно вопрос общественный авторитет Церкви. Всё большее число общественных организаций социальной и культурной направленности приглашают представителей Эстонской Православной Церкви принимать участие в различных общественных и культурно-просветительских проектах. Есть и примеры плодотворного сотрудничества приходских общин с органами местного самоуправления. Так, нередко главы территориальных образований оказывают существенную поддержку в восстановлении храмов, признанных архитектурными памятниками, проведении приходских мероприятий, содействуют улучшению условий жизни священнослужителей.

Актуальнейшей проблемой Православия в Эстонии остается вопрос церковного разделения. Предпринимаемые Священноначалием меры по урегулированию этого вопроса, в том числе и его имущественной стороны, до настоящего времени не встречают содействия в лице государственной власти и руководства константинопольской юрисдикции.

К сожалению за время, прошедшее с Архиерейского Собора 2013 года, в законодательство Эстонии были включены положения, размывающие традиционные представления о семье и открывающие возможности для общественных преобразований в соответствии с новой идейной парадигмой, лишенной христианского нравственного начала. Усугубление и распространение этих тенденций вызывает глубокую обеспокоенность православных жителей страны.

Оценка документов Критского собора

Внешнецерковная деятельность Московского Патриархата по милости Божией осуществляется благополучно. Выстроенные в течение многих лет братские отношения с другими Поместными Православными Церквами и благожелательные отношения с другими конфессиями и религиями поддерживаются на должном уровне. С основными этапами этой деятельности вы можете регулярно знакомиться в журналах Священного Синода и в публикациях на сайте Отдела внешних церковных связей. Информация о текущей работе этого учреждения за межсоборный период приведена в приложениях к моему докладу.

Остановлюсь на двух важных событиях, которые требуют нашего общего осмысления: это Собор, прошедший на Крите весной 2016 года, и моя встреча с Предстоятелем Римско-Католической Церкви в феврале того же года.

Со времени прошлого Архиерейского Собора произошли немаловажные события в сфере межправославных отношений. На июнь 2016 года было запланировано проведение Всеправославного Собора на острове Крит. Подготовка к нему, как вы знаете, велась многие десятилетия. Вопросы, связанные с участием во Всеправославном Соборе, составляли основную повестку дня Архиерей-

ского Собора в феврале минувшего года. Большинство из сидящих здесь Преосвященных архипастырей были членами этого Собора и помнят, как мы знакомились с проектами соборных документов, которые незадолго до того по настоянию Русской Православной Церкви были опубликованы и принципиально одобрили участие нашей Церкви в предстоящем Соборе. При этом Архиерейский Собор выразил «убежденность в том, что необходимым условием проведения Всеправославного Собора является свободное участие в нем делегаций всех общепризнанных автокефальных Православных Церквей», а также отметил особую важность «разрешения до Собора проблемы, возникшей во взаимоотношениях Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов». Архиерейский Собор тем самым подтвердил позицию, которую Русская Церковь последовательно занимала в предсоборном процессе.

Представители Московского Патриархата принимали активное участие во всех последовавших затем подготовительных к Собору мероприятиях. Священным Синодом была сформирована делегация нашей Церкви. Однако развитие событий вынудило нас незадолго до намеченной даты открытия Собора отказаться от участия в нем. Необходимое условие проведения Всеправославного Собора, о котором заявил наш Архиерейский Собор 2016 года, оказалось невыполненным.

1 июня 2016 года Болгарская Православная Церковь призвала отложить проведение Собора и заявила о своем неучастии в нем в случае его проведения в объявленные сроки. Через несколько дней с подобными заявлениями выступили Антиохийская и Грузинская Церкви, а также Сербская Православная Церковь, позднее изменившая свое решение и участвовавшая в Соборе. Причинами, побудившими эти Церкви к такому решению, было возникновение в ряде Поместных Церквей критических замечаний к проектам соборных документов, которые были опубликованы по завершении работы Собрания Пред-

стоятелей Православных Церквей в Шамбези в январе 2016 года, а также продолжающееся отсутствие общения между Антиохийским и Иерусалимским Патриархатами, которое так и не удалось преодолеть в предсоборный период, не удается и доныне. Необходимо подчеркнуть, что Антиохийская Церковь с самого начала заявляла, что сможет участвовать во Всеправославном Соборе лишь в том случае, если будет своевременно разрешен ее конфликт с Иерусалимской Церковью, вызванный спором вокруг церковной юрисдикции над Катаром. По этой причине представителями Антиохийской Церкви не были подписаны ни Решения Собрания Предстоятелей в Константинополе 2014 года, постановившего созвать Собор в 2016 году, ни Решения Собрания Предстоятелей в Шамбези в минувшем году, назначившего точную дату его проведения. Не был подписан также и разработанный в Шамбези Регламент организации и работы Святого и Великого Собора Православной Церкви.

В этих непростых условиях дважды проводились внеочередные заседания Священного Синода нашей Церкви. На заседании 3 июня было принято решение направить Святейшему Патриарху Константинопольскому Варфоломею и Предстоятелям всех Поместных Церквей предложение провести в ближайшее время экстренное Всеправославное предсоборное совещание, на котором можно было бы постараться прийти к согласию по принципиальным вопросам. На том же заседании Синод отметил, что неучастие в Соборе хотя бы одной из общепризнанных автокефальных Православных Церквей «составляет непреодолимое препятствие для проведения Святого и Великого Собора». Синодом также были утверждены поправки нашей Церкви к вызвавшим более всего критических замечаний двум проектам соборных документов, «сформулированные на основе высказанных суждений архиереев, клириков, монашествующих и мирян».

К сожалению, предложение Русской Церкви о со- зыве экстренного Всеправославного совещания не было принято. 13 июня — менее чем за неделю до намеченной даты открытия Собора — члены Синода вновь собрались на внеочередное заседание в Москве и, внимательным образом изучив сложившуюся ситуацию, приняли специ- альное заявление «О ситуации, возникшей в связи с отка- зом ряда Поместных Православных Церквей от участия в Святом и Великом Соборе Православной Церкви». В этом заявлении подробно описаны события, произошедшие в предсоборном процессе с момента Собрания Предстоя- телей в Шамбези в январе 2016 года, изложена аргумен- тированная позиция Московского Патриархата, а также сообщается о решении Синода поддержать предложение вышеупомянутых Церквей о переносе Собора на время, «которое надлежит в дальнейшем установить по итогам общеправославного обсуждения и при непременном ус- ловии согласия Предстоятелей всех общепризнанных Поместных автокефальных Православных Церквей». Синод с глубоким сожалением признал невозможным участие в Соборе делегации Русской Церкви в том случае, если он все же будет создан в ранее намеченные сроки. Как мы знаем, Собор на Крите тем не менее был проведен, в нем приняли участие десять из четырнадцати общепризнан- ных Поместных автокефальных Церквей (напомню, что автокефальный статус Православной Церкви в Америке в настоящее время признан не всеми в православном мире).

Решение не участвовать в Соборе было непростым, но, убежден, единственным возможным в сложившейся си- туации. С самого начала многолетней подготовки Святой и Великий Собор мыслился как Собор всей Православной Церкви, как Собор, в котором примут участие пред- ставители всех общепризнанных Поместных Церквей, как Собор, призванный видимым образом явить миру единство Православия. Очевидно, что вследствие не- участия в Соборе на Крите целого ряда Церквей таковая

задача осталась невыполненной. Принцип консенсуса во всех участников предсоборного процесса с очевидностью был здесь нарушен.

Кроме того, встает вопрос о том, как учитывались голоса даже тех, кто прибыл на Собор. К примеру, документ «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром», вызвавший более всего критических замечаний в Поместных Церквях, не подписали 17 из 24 архиереев-членов делегации Сербской Православной Церкви. Несмотря на это, документ официально считается принятым Собором на Крите, в том числе и братской Сербской Церковью. Всё это ставит вопрос не только о соблюдении всеправославно утвержденной процедуры на Крите Соборе, но и том, насколько принятые на нем документы действительно отражают подлинный консенсус, подлинное единомыслие в нашей православной семье.

Кратко остановлюсь на официальных решениях Поместных Православных Церквей в связи с Собором на Крите, принятых не участвовавшими в нем Церквами.

На следующий день после завершения работы Собора Священный Синод Антиохийской Православной Церкви принял заявление, в котором Собор на Крите признается не «Святым и Великим Собором Православной Церкви», но лишь «предварительным собранием на пути к Всеправославному Собору». Констатировалось, что принятые на Крите документы не имеют окончательного характера, открыты для дальнейших дискуссий и не являются обязательными для Антиохийского Патриархата. Члены Синода Антиохийской Церкви единогласно решили «отказаться от придания соборного характера любой из православных встреч, в которых не участвуют все автокефальные Православные Церкви, и подчеркнуть, что принцип единогласия остается неизменной основой отношений между всеми православными. На основании этого Антиохийская Церковь отказывается называть

встречу на Крите „Великим Православным Собором“ или „Великим Святым Собором“.

Синод Болгарской Православной Церкви, состоявшийся в ноябре прошлого года, констатировал, что Собор на Крите «не является ни Великим, ни Святым, ни Всеправославным ввиду неучастия в нем ряда Поместных автокефальных Церквей, а также из-за допущенных организационных и богословских ошибок». Было выражено критическое отношение к некоторым принятым на Соборе документам, которые «подлежат дальнейшему богословскому обсуждению с целью исправления, редактирования, коррекции или замены на другие (новые документы)».

В декабре 2016 года свое отношение Критскому Собору высказал Священный Синод Грузинской Православной Церкви, решения которого в целом совпадают с уже упомянутым мною заявлением Антиохийского Патриархата. В постановлениях Синода подчеркивается, что Собор на Крите «не может быть назван всеобщим, Всеправославным Собором», поскольку в его работе «не принимали участие представители четырех Поместных Православных Церквей». Констатируется нарушение принципа консенсуса и подчеркивается, что «постановления Критского Собора не могут быть обязательными для Грузинской Православной Церкви». Синод отметил, что в принятых на Крите документах «не выражены по существу представленные Церквами основательные замечания», в связи с чем необходимы их последующие переработка и исправление.

Результаты состоявшегося на Крите Собора обсуждались на заседании Священного Синода нашей Церкви 15 июля прошлого года. Отметив, что «основу общеправославного сотрудничества на протяжении всего соборного процесса составлял принцип консенсуса», Синод констатировал, что «проведение Собора при отсутствии согласия со стороны ряда автокефальных Церквей нарушает этот

принцип, вследствие чего состоявшийся на Крите Собор не может рассматриваться как Всеправославный, а принятые на нем документы — как выражающие общеправославный консенсус». Вместе с тем Священный Синод признал, что «состоявшийся на Крите Собор, в котором приняли участие Предстоятели и архиереи десяти из пятнадцати автокефальных Православных Поместных Церквей, явился важным событием в истории соборного процесса в Православной Церкви, начатого Первым все-православным совещанием на острове Родос в 1961 году».

Священный Синод нашей Церкви на том же заседании поручил изучение принятых на Крите документов Синодальной библейско-богословской комиссии, которая подготовила соответствующее заключение. Ныне оно представлено на рассмотрение Архиерейского Собора. Это заключение вы можете найти в папке, которую каждый из вас получил при регистрации.

Полученные нами копии документов Критского Собора Комиссия сравнила с теми предсоборными текстами, которые уже были рассмотрены нашим Архиерейским Собором в феврале 2016 года. Документы «Важность поста и его соблюдение сегодня» и «Автономия и способ ее провозглашения» были приняты Критским Собором без внесения существенных содержательных поправок.

Анализ документа «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром» показал, что в целом он претерпел изменения в лучшую сторону с учетом высказывавшейся в его адрес критики. Так, в документ было внесено важное упоминание об отвержении униатства. Тем не менее многие формулировки остаются не вполне ясными и удовлетворительными, они могут быть поняты в том смысле, что речь идет о восстановлении единства христиан, а не о восстановлении единства с Церковью отделенных от нее христианских сообществ. Некоторыми критиками документа именно так и был прочитан этот соборный текст. К сожалению, наши поправки не были учтены.

Терминология документа «Таинство брака и препятствия к нему» также требует прояснения. В частности, представляется неясным, что означает термин «гражданский союз» в отношении лиц разных полов, который, как отмечено в документе, Церковь не признает возможным для своих членов.

Документ «Миссия Православной Церкви в современном мире» по-прежнему содержит ряд неоднозначных формулировок, без доработки которых документ не может быть признан вполне удовлетворительным.

Неопределенность, требующая разъяснения, присутствует и в новой формулировке, включенной на Соборе в документ «Православная диаспора».

В подготовленных и принятых непосредственно на Соборе «Послании Собора» и «Окружном послании Собора» также содержится ряд не вполне ясных выражений. С некоторыми из них наша Церковь, по моему убеждению, не сможет согласиться. Вместе с тем понимание социальных вопросов, выраженное в посланиях Собора, в целом не противоречит социальному учению Русской Православной Церкви.

Настоящему Архиерейскому Собору в числе других важных решений предстоит высказать отношение нашей Церкви к состоявшемуся на Крите Собору и к принятым на нем документам. При этом я хотел бы особенно подчеркнуть, что дискуссии и даже разногласия в нашей православной семье по поводу Собора на Крите не омрачили братского взаимодействия Святейших Православных Церквей. Совместное служение Божественной литургии, участие в межправославных встречах и мероприятиях как и прежде объединяет все автокефальные Церкви как участвовавшие в Соборе, так и воздержавшиеся от участия. Радуюсь, что и в эти дни мы ожидаем прибытия в Москву по моему приглашению дорогих Собратьев-Предстоятелей и членов делегаций братских Церквей, чтобы совместно отметить памятные для нас события. Всякий раз вместе

предстоит у престола Божия, мы явственно чувствуем, что составляем одну Святую Православную Церковь.

Завершая свой рассказ о произошедших важных событиях в предсоборном процессе, хотел бы выразить уверенность в том, что проведение подлинно всеправославного Собора, авторитетного во всем православном мире, является чаянием всех Святейших Православных Церквей. Убежден, что подготовка такового Собора должна быть сопряжена со свободным и деятельным участием всех автокефальных Церквей в редактировании соборных текстов при равном уважении к мнению каждой Поместной Церкви, даже самой небольшой по числу верующих, при готовности заменить те формулировки в документах, которые вызывают наибольшую критику в тех или иных Церквях. Полагаю, что только в таком случае может состояться Святой и Великий Собор, способный стать тем, чем он и должен быть — согласованным, сильным и единым голосом Вселенской Православной Церкви.

Встреча с Папой Римским Франциском

Последние годы охарактеризовались развитием сотрудничества между Русской Православной Церковью и Римско-Католической Церковью в сфере общественной проблематики. Высокая степень взаимопонимания была явлена в ходе моей встречи с Папой Римским Франциском 12 февраля в Гаване. В России и мире это событие имело очень широкий положительный резонанс. Уверен, что встреча на Кубе стала важным шагом на пути к решению наиболее актуальных вопросов современности совместными усилиями двух крупнейших Церквей христианского мира.

Главной причиной организации встречи на Кубе стала трагическая ситуация, в которой оказались христиане на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Архиерейский Собор в феврале 2016 года постановил «сделать всё воз-

мокное, чтобы геноцид, развязанный против христиан экстремистами, кощунственно прикрывающими свои злодеяния религиозными лозунгами, прекратился», и призвал к тому, чтобы 2016 год стал годом особых усилий, предпринимаемых в данном направлении». Встреча в Гаване стала конкретным и действенным шагом во исполнение этого решения. В Совместном заявлении, которое мы с Папой Франциском подписали по итогам встречи, содержится призыв к мировому сообществу сделать всё возможное для прекращения насилия в ближневосточном регионе, чего невозможно добиться без скоординированных действий всех сил, противостоящих экстремизму. Хотел бы особо подчеркнуть, что вскоре после нашего совместного обращения трагедию христиан в Сирии на Западе стали открыто называть геноцидом, соответствующие заявления сделали Государственный департамент и Конгресс США. Теперь настало время всерьез задуматься о разрешении проблем, с которыми Сирия столкнется после установления мира в этой стране. Важнейшим вопросом является создание условий для безопасного проживания христиан и возвращения беженцев. Необходимо восстановление разрушенных храмов, инфраструктуры и жилья. Русская Православная Церковь будет всемерно содействовать этому процессу.

Конкретным шагом по развитию православно-католического взаимодействия в этой области стал визит группы представителей Русской Православной и Римско-Католической Церквей в Ливан и Сирию в апреле 2016 года. Проведенные в ходе поездки консультации с представителями местных конфессий должны послужить основой для разработки дальнейших совместных проектов, направленных на поддержку терпящих бедствие братьев и сестер.

Следуя призыву, прозвучавшему на встрече в Гаване, в 2017 году православные и католики организовали ряд совместных мероприятий в защиту ближневосточных

христиан. Так, в январе 2017 года в Париже прошел V Европейский православно-католический форум, посвященный проблеме террористической угрозы, напрямую связанной с ситуацией на Ближнем Востоке и затрагивающей сегодня всех без исключения. В своем заключительном послании участники форума заявили о необходимости тесного взаимодействия православных и католиков перед лицом невиданных доселе вызовов, которые переживает современный мир, выразили солидарность со страждущими христианами Ближнего Востока, Африки и Азии и осудили любые формы дискриминации по религиозному признаку.

Важным событием стал Всемирный саммит в защиту гонимых христиан, прошедший в мае этого года в столице США Вашингтоне и собравший 600 делегатов из 136 стран. Саммит был организован благодаря совместной инициативе Русской Православной Церкви и Евангелистской ассоциацией Билли Грэма. К участию в нем были приглашены представители Поместных Православных Церквей, Римско-Католической Церкви, различных протестантских деноминаций, а также Древних Восточных (ориентальных) Церквей. Самое активное участие в саммите приняли архиепископ Вашингтонский кардинал Дональд Вюрл и представители Папского совета по содействию христианскому единству.

В марте 2017 года Комиссией по международному сотрудничеству Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации было принято решение о создании специальной рабочей группы, которая бы координировала деятельность российских религиозных общин в деле оказания помощи населению Сирии. Христианские и мусульманские общины России, в том числе Русская Православная Церковь и Римско-Католическая Церковь, объединят свои усилия по сбору средств, необходимых для страждущего населения Сирии.

Важное место в подписанной нами с Папой Совместной декларации занимает призыв к деятельному миротворчеству и общественной солидарности на Украине. И Священноначалие Русской Православной Церкви, и Святой Престол не раз подчеркивали, что единственным способом решить украинский конфликт является претворение в жизнь Минских соглашений. Важной предпосылкой для достижения межконфессионального согласия на Украине стало заявление о том, что уния не является средством для достижения единства между Церквами и что в православно-католических отношениях недопустим прозелитизм в любых видах. Впервые в истории такая оценка унии и прозелитизма была сделана не только с православной стороны, но и со стороны главы Римско-Католической Церкви.

Мы благодарны Святому Престолу за поддержку Украинской Православной Церкви, выразившуюся в осуждении дискриминационных по отношению к крупнейшей на Украине христианской общине законов № 4128 и № 4511, проекты которых были вынесены на обсуждение Верховной рады.

Наконец, положительным результатом встречи в Гаване стало беспрецедентное событие — принесение части мощей святителя и чудотворца Николая из Бари в Москву и Санкт-Петербург в мае-июле 2017 года. Только благодаря договоренности, достигнутой в ходе Гаванской встречи, стало возможным принесение в Россию мощей святителя Николая Чудотворца, в течение 930 лет никогда не покидавших Бари. За два месяца пребывания честных мощей в Москве и Петербурге им смогли поклониться миллионы верующих из России, Белоруссии, Молдовы и других стран.

* * *

Дорогие собратья-архипастыры!

Со дня Пятидесятницы и поныне силою, действием и наитием Святого Духа Церковь даже до края земли (Деян.

1:8)неизменно и неустанно возвещает людям истину о Христе Распятом и Воскресшем.

Переживая радость нынешней встречи, мы единими устами и единственным сердцем благодарим Господа за обилие милостей и благодеяний, многочастно и многообразно являемых Русской Православной Церкви с древнейших времен и доныне.

Пройдя через горнило испытаний в минувшем XX веке, преодолев смути и нестроения, пострадав *даже до крови*, она смогла сохранить главное: единство, святость, соборность, апостольское преемство и верность Христу Спасителю.

Сегодня, в реалиях современной общественной жизни, перед лицом новых вызовов секулярного мира все мы — и Патриарх, и архиепастиры, и пастыры, и монашествующие и миряне, — составляющие церковную Полноту, призваны являть пример *веры, действующей любовью* (Гал. 5:6), утверждать высокие нравственные нормы человеческого бытия, созидать мир и гражданское согласие, помышлять только о том, что *справедливо, что чисто, что любезно, что достославно* (Флп. 4:8).

Ныне, как и прежде, Церковь спасает души своих чад, стоит на страже евангельских истин, апостольского предания и святоотеческого учения, православных догматов и канонов. Она открыта к диалогу и сотрудничеству со всеми людьми доброй воли.

Немало накопилось важных вопросов, требующих соборного обсуждения и взвешенных решений. Призываю всех вас в духе братской любви усердно потрудиться к *вящей славе Божией*, странам и народам, составляющим единое духовное пространство Московского Патриархата, — на пользу.

Да спопшествует нам в этом Основатель и Глава Церкви — Христос Спаситель, да укрепит всех нас *могуществом силы Своей* (Еф. 6:10) в единомыслии и мире (2 Кор. 13:11) совершить предстоящие деяния. Да почнет на

нас Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия (Ис. 11:2).

Примечания

¹Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. Москва, 2002. С.810–811.

²Пленум прошел в Москве 23–24 января 2017 г. Президиум заседал в Москве 30 января 2017 г. и в Московской духовной академии 17 июля 2017 г.

³Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 36.

⁴Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 36.

⁵Из материалов, представленных к Собору Синодальным отделом по делам молодежи.

⁶Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 16.

⁷Журнал № 61 от 29 июля 2017 г.

⁸Кандидатские и докторские диссертации защищаются на основании «Положения о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви» и «Положения о докторских диссертационных советах в Русской Православной Церкви», которые дополняют и частично заменяются собой документ 2011 г.

⁹Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 17.

¹⁰Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 16.

¹¹Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 16.

¹² Определение Архиерейского Собора 2011 г. «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», п. 20.

¹³Журнал № 120 от 27 декабря 2016 г.

¹⁴Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 18.

¹⁵Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 23.

¹⁶Постановления Архиерейского Собора 2016 г., п. 16.

¹⁷Журнал № 156 от 25–26 декабря 2013 г.

¹⁸Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 21.

¹⁹Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 22.

²⁰Журнал Священного Синода №16 от 09.03.2017 г.

²¹Постановления Архиерейского Собора 2016 г., п. 26.

²²Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 33.

²³Постановления Архиерейского Собора 2016 г., п. 15.

²⁴ Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 43.

²⁵Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 44. Постановления Архиерейского Собора 2016 г., п. 20.

²⁶ Журнал № 153 от 27–28 декабря 2011 г.

²⁷Протокол ВЦС № 32 от 23. 03. 2016.

²⁸ Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 32.

²⁹Журнал Священного Синода № 63 заседания Священного Синода от 15 июля 2016 г.

³⁰Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 12.

³¹Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 13.

³²Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 15.

³³Постановления Архиерейского Совещания 2015 г., п. 15.

³⁴Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 40.

³⁵Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 42.

³⁶Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 40.

³⁷Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 41

³⁸ Журнал № 8 от 16 апреля 2016 г.

³⁹ Журнал № 90 от 6 октября 2017 г.

⁴⁰ Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 34.

⁴¹ Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 39.

⁴² Постановления Архиерейского Собора 2013 г., п. 22.

⁴³Там же.

Митрополит Волоколамский Иларион

МУЧЕНИКИ, МУЧЕНИЧЕСТВО, ХРИСТИАНСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО *

Te, кто не желал подлинной победы Воскресшего, должны были изничтожить всякую о Нем память и, в первую очередь, умертвить свидетелей.

Из слова Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии на Бутовском полигоне 21 мая 2016 г.

Гонения на христиан стали сегодня фактором, подталкивающим христианские общины всего мира к совместному солидарному свидетельству о Воплощенном Слове. Православные, католики и протестанты объединяют свои дипломатические гуманитарные усилия для поддержки страждущих братьев и сестер во Христе. «Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы — тело Христово, а порознь — члены», — пишет апостол Павел (1 Кор. 12:26–27).

Гонения вовсе не являются чем-то новым для Церкви Христовой. Сам Господь сказал: «Блаженны вы,

*Выступление митрополита Волоколамского Илариона на совместной конференции Русской Православной Церкви и Евангелической церкви в Германии 2 ноября 2017 г.

когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5:10). Тема мученического свидетельства проходит основным мотивом через всё учение Христа. Посылая апостолов на проповедь, Он предрекает: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками... Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется» (Мф. 10:16–22).

Вся христианская история носит на себе печать мученичества. Подвиг мучеников, готовых отдать за Христа свою жизнь, стал живым свидетельством того, что и врата ада не одолеют Христову Церковь (Мф. 16:18). Борьба с христианами привела не к уничтожению последователей Спасителя, а к увеличению их числа. Сами мучители удивлялись крепости духа христиан.

Церковь Христова была повсеместно гонима в первые три века своего существования. В течение последующих веков христиане в разных регионах мира претерпевали гонения со стороны арабов, монголов, турок и других народов. Начало XX века было ознаменовано таким страшным событием, как геноцид христианских народов в Османской империи. Ровно сто лет назад в Российской империи произошла революция, которая привела к невиданным доселе гонениям на Церковь. Она подверглась почти повсеместному разгрому: архиереев и священников расстреливали, храмы взрывали и оскверняли, монастыри и духовные школы закрывали.

Подвиг мучеников — это общее достояние христиан разных конфессий. В годы гонений в СССР преследованиям подвергались и православные, и католики, и протестанты. Зачастую представители разных течений ока-

зывались в одной тюремной камере. То, что объединяло христиан в те годы, было гораздо более значительным, чем то, что разделяло их, ибо объединяющей силой стала любовь и верность Христу.

В XX веке и в других регионах мира имели место гонения на христиан, например, в гитлеровской Германии и Мексике. Верующих во Христа не предавали на смерть за те или иные поступки или преступления, но планомерно и систематически уничтожали только за то, что они исповедовали Христа Богом и Спасителем.

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел», — объясняет Спаситель (Ин. 15:18). Взаимоотношения между христианами и земным миром так характеризуются евангелистом Иоанном: «В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (Ин. 1:10). Он же свидетельствует о пророческих словах Спасителя: «Даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня» (Ин. 16:2–3). Эти слова как нельзя лучше характеризуют сегодняшние гонения на последователей Христовых. Террористы, которые преследуют христиан на Ближнем Востоке и в Африке, скандируют религиозные лозунги.

Совершая свои злодеяния, убивая христиан, экстремисты утверждают, что делают это во имя Аллаха. Однако мусульманские лидеры всего мира решительно осуждают их преступления.

Наиболее тяжелая для христиан обстановка сложилась на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Христиане оказались на пути политических или экономических интересов тех государств, которые не гнушаются использовать для достижения своих целей террористов, выдавая их за борцов за свободу и демократию.

Систематическое истребление христиан на протяжении последних лет привело к тому, что христианское присутствие в регионе стремительно сократилось. В

Ираке до 2003 года проживало около полутора миллионов христиан, принадлежавших к разным Церквам, сегодня осталось около полутора сотен тысяч. Из Сирии за шесть лет уехали до трех четвертей христиан. В Ливии христианство практически полностью уничтожено. Страшные преступления совершают экстремисты в Нигерии и других странах Африки: христиан убивают целыми деревнями, жгут церкви, похищают священников и пасторов. Во многих других странах тысячи христиан ежедневно подвергаются дискриминации и гонениям.

Русская Православная Церковь была одной из первых, которая во всеуслышание заявила о гонениях на христиан. Московский Патриархат с самого начала «арабской весны» выражал серьезную озабоченность положением христианского населения Ближнего Востока и Африки. Мы поставили своей целью повсеместно говорить о страданиях единоверцев, прорывать тот «заговор молчания», который организовали средства массовой информации.

30 ноября 2011 года Московский Патриархат провел в российской столице первый международный форум на тему гонений на христиан, он носил название «Свобода вероисповедания: проблема дискриминации и преследования христиан». На эту конференцию собрались религиозные лидеры и эксперты из многих стран мира.

В течение всех последующих лет Русская Православная Церковь прилагала и ныне прилагает разносторонние усилия для защиты прав гонимых христиан.

Тема преследований и дискриминации христиан регулярно поднимается нами на площадках международных организаций. Представители Московского Патриархата неоднократно выступали в защиту прав христиан в Организации Объединенных Наций и в Совете ООН по правам человека. Мы говорим о бедственном положении христиан в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в Европейском парламенте и других международных организациях.

Не проходит практически ни одной встречи Святейшего Патриарха Московского и всея Руси и председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, где не поднимался бы вопрос положения христианских общин Ближнего Востока и Африки.

Темы борьбы с терроризмом и защиты христиан мы постоянно поднимаем в диалоге с политическими лидерами. Московский Патриархат призывает к созданию единой всемирной антитеррористической коалиции, которая объединила бы политических и религиозных лидеров всего цивилизованного мира.

Сегодня благодаря решительным действиям российской армии террористы почти полностью разгромлены в Сирии. Стремительно тает их присутствие в Ираке.

Главным вопросом, который сейчас необходимо решать, является вопрос возвращения христиан в родные места. А для этого необходимо, во-первых, обеспечение безопасности, во-вторых, восстановление жилья и инфраструктуры, в-третьих, реставрация храмов и молитвенных помещений.

Восстановление храмов и общинных центров — один из ключевых факторов, способствующих возвращению христиан. Таков результат исследования ситуации в Ираке, проведенного совместной группой благотворительных христианских организаций¹. Есть свидетельства того, что в Ираке и Сирии христиане возвращаются в те места, которые очищены от боевиков и где восстанавливаются храмы. В Сирии быстро движется восстановление храмов Маалюли, в иракской Ниневии открывают свои двери храмы Каракоша, Бартеллы, Тель-Эскофа. Во многом это стало возможным благодаря успешной борьбе с террористами, стимул которой задала Россия своей операцией в Сирии. Следует сказать, что российские военные с пониманием относятся к необходимости оказания помощи беззащитным христианским общинам и оказывают содействие в доставке гуманитарных грузов. Российские саперы зани-

маются разминированием храмов в сирийском Алеппо и других городах.

Мы полагаем, что роль христианских Церквей, выступающих с мирными и благотворительными инициативами, должна быть активной. А потому в последние годы поиск практических путей поддержки страждущих христиан является одной из основных тем в повестке диалога Русской Православной Церкви с различными христианскими конфессиями.

Так, главным мотивом состоявшейся в феврале прошлого года на Кубе встречи Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла стала наша общая озабоченность страданиями христиан в современном мире, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Значительная часть совместной декларации, подписанной Предстоятелем Русской Православной Церкви и главой Римско-Католической Церкви, была посвящена этой теме. Лидеры двух крупнейших христианских мировых общин призвали международное сообщество «к незамедлительным действиям для предотвращения дальнейшего вытеснения христиан с Ближнего Востока», призвали сплотиться, чтобы «покончить с насилием и с терроризмом и одновременно через диалог содействовать скорейшему достижению гражданского мира». Одним из главных результатов этой встречи стал ощутимый рост в глобальном масштабе внимания к проблеме массового исхода христиан из того региона, где началось распространение нашей веры, и тем трагическим событиям, которые унесли тысячи жизней, оставив без крова и средств к существованию миллионы людей, привели к уничтожению святынь, храмов и монастырей.

Первым этапом нашего взаимодействия по поддержке христианского населения на Ближнем Востоке практически сразу после гаванской встречи стал визит в Ливан и Сирию группы представителей Русской Православной Церкви и Римско-Католической Церкви. Двусторонняя делегация имела возможность встретиться

с главами Маронитской и Сиро-Яковитской Церквей, с Апостольскими нунциями Ливана и Сирии, а также с представителями ряда других христианских общин. Проведенные в ходе поездки встречи и консультации стали основой для разработки дальнейших совместных проектов, направленных на поддержку терпящих бедствие братьев и сестер. В качестве одного из шагов в этом направлении ведется работа по созданию перечня разрушенных святынь древней сирийской земли. Это важно для более системного их восстановления в будущем. Опыт показывает, что существование храма или сохранение хотя бы небольшого молитвенного помещения как центра общественной жизни и консолидации христианского населения региона имеет очень большое значение для сохранения христианского присутствия в соответствующих городах и селениях.

Еще до встречи Патриарха и Папы, в марте 2015 года в Совете ООН по правам человека было принято заявление «В поддержку прав человека христиан и других общин, в особенности на Ближнем Востоке», которое инициировали Россия, Ватикан и Ливан при участии Русской Православной Церкви. Этот документ, подписанный 65 странами, стал первым заявлением такого уровня, где происходящее с христианами на Ближнем Востоке было названо геноцидом.

В свете целенаправленных усилий по оказанию помощи страждущим христианам Ближнего Востока и Северной Африки приобрели новое значение контакты Русской Православной Церкви с ориентальными Церквями. Плоды так называемой «арабской весны» и бедственное положение местных христиан мы могли впервые лично увидеть в ноябре 2011 года, когда состоялся визит Святейшего Патриарха Московского и всея Руси в пределы Антиохийской Православной Церкви в Сирию и Ливан. В 2014–2015 годах состоялись визиты в Россию Патриарха-Католикоса Ассирийской Церкви Востока Мар Дынхи IV,

Патриарха Коптского Феодора II, Сиро-Католического Патриарха Антиохийского и всего Востока Игнатия Иосифа III Юнана, Сиро-Яковитского Патриарха Игнатия Ефрема II. Гостями отмечалась важная роль Российской государства и Русской Православной Церкви в деле защиты христиан на Ближнем Востоке.

Для поддержки наших сирийских братьев мы также стараемся использовать потенциал сотрудничества с инославными христианами и другими религиозными общинами в России. При организационном содействии Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации жителям Сирии оказывается гуманитарная помощь. В рамках этого Совета была сформирована специальная межрелигиозная рабочая группа, в состав которой включены представители не только христианских Церквей, но и мусульманских общин нашей страны, государственные и общественные деятели, представители военного ведомства. Проходит сбор средств для закупки предметов первой необходимости. На сегодня уже две партии гуманитарных грузов доставлены в Сирию и распределены непосредственно среди пострадавших от конфликта людей. Самое активное участие в сборе средств для приобретения первых партий гуманитарной помощи приняли православные храмы Москвы.

Несколько недель назад по просьбе Русской Православной Церкви и при содействии Центра по примирению враждующих сторон представители Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство» привезли для двух с половиной тысяч учеников православных воскресных школ в Латакии всё, что нужно для школьных занятий, а также игры и игрушки из России. В ближайшее время в московских воскресных школах планируется акция по сбору помощи воскресным школам в храмах сирийских городов, пострадавших от войны.

За последние годы при нашем участии были проведены несколько крупных международных форумов,

посвященных теме преследования христиан. Так, совсем недавно в столице Венгрии прошла конференция на тему: «В поиске подходящих ответов на кризис, который долго не хотели признавать». В ней приняли участие руководство страны и лидеры христианских общин, в том числе с Ближнего Востока.

При участии Русской Православной Церкви Ассоциация Билли Грэма в мае этого года организовала в Вашингтоне Всемирный саммит в защиту гонимых христиан, в котором приняли участие представители многих стран, в том числе те, кто сами побывали в руках террористов или явились свидетелями преследований и гонений христиан. Во время моей встречи с вице-президентом США Майклом Пенсом на полях саммита я донес нашу общую озабоченность до сведения американского руководства, поскольку оно является одним из ключевых центров принятия решений, влияющих на ситуацию в регионе. Мы будем развивать инициативу проведения подобных форумов.

Надеемся также использовать международный авторитет Всемирного совета церквей и других межхристианских организаций в привлечении внимания к данной проблеме, совместно отслеживать ситуацию, касающуюся положения христиан в отдельных странах Ближнего Востока и Африки, и развивать межхристианское сотрудничество по противодействию преследованиям и дискриминации христиан.

Предлагаю Евангелической Церкви в Германии присоединиться к нашим усилиям. Хотел бы надеяться, что общее стремление сохранить христианство на Ближнем Востоке будет обретать всё более осозаемые формы практического сотрудничества.

Интересы гонимых христиан Русская Православная Церковь защищает и на полях межрелигиозного диалога. Мы обсуждали этот вопрос в контактах с Организацией исламского сотрудничества, которая официально выступила

против преследований христиан в 2014 году. Свою позицию мы доносили до собеседников в Организации по культуре и исламским связям Ирана и Управлении по делам религии Турции. Я посещал исламский университет «Аль-Азхар» в Египте, встречался с его руководством, преподавателями и студентами. Вопрос преследований христиан поднимался нами перед исламскими лидерами Сирии, Ирака, Йемена и других регионов. Он постоянно обсуждается в диалоге с политическими лидерами мусульманских стран.

Межрелигиозный диалог является эффективным инструментом для защиты наших гонимых братьев и сестер. Так, в России мусульманские и иудейские лидеры неоднократно высказывались в защиту христиан Ближнего Востока. На заседании Межрелигиозного совета России 21 февраля этого года Святейший Патриарх Кирилл высказал им слова благодарности за проявленную солидарность. В защиту христиан высказывались и мусульманские лидеры Сирии, Турции, Египта, ОАЭ, Марокко, Иордании.

Поле межрелигиозного диалога — это та перспектива, которая обеспечит христианам Ближнего Востока мирное и уважительное отношение со стороны мусульманского большинства.

Сегодня наступило время, когда феномен гонений на христиан требует исчерпывающего осмысления, дабы обеспечить верное и полноценное понимание дальнейших действий и перспектив.

Нам известно, что христианские исследователи в Германии ведут немалую работу над богословским научным осмыслением феномена современных гонений на христиан. Внимания заслуживают разносторонние труды профессора Томаса Ширрмакера, который не только анализирует факты преследований христиан в своих публикациях, но и участвует в мероприятиях на эту тему, занимается вопросами межрелигиозного диалога².

Отмечу также многочисленные богословские труды профессора религиозных исследований и миссиологии Ле-

венского Евангелистского теологического факультета Кристофа Сауэра, который внес большой вклад в богословское осмысление современного христианского мученичества³.

Следует упомянуть и деятельность главы право-защитной организации «Международная христианская солидарность» д-ра Джона Эйбнера. Он опубликовал на английском и немецком языках свои выступления в Кестонском институте, посвященные деятельности Московского Патриархата в защиту христиан Ближнего Востока⁴.

В возглавляемой мной Общецерковной аспирантуре и докторантуре имени святых Кирилла и Мефодия ведется научная работа по изучению современных гонений на христиан. В настоящий момент защищено несколько магистерских диссертаций и готовятся к защите кандидатские работы. Наши исследователи при написании своих работ активно обращаются к трудам европейских коллег.

В прошлом году в России произошло историческое событие: теология была признана государством в качестве научной специальности. Мы приложили немало усилий для того, чтобы осуществить этот проект. Свой вклад в это признание внес Межрелигиозный совет России, в Президиуме которого я представляю Русскую Православную Церковь.

В этом году мы опубликовали под эгидой Межрелигиозного совета России сборник, посвященный межрелигиозному диалогу и его роли в защите христиан Ближнего Востока от преследований. В него вошли статьи, посвященные положению христиан в Сирии, Ираке и Египте, путем их защиты, статусу христианских храмов в исламском праве, теории и практике межрелигиозного диалога.

Несколько месяцев назад Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир» и Институт востоковедения Российской академии наук выпустили книгу, посвященную историческому и современному положению ближневосточных христиан⁵.

Я рассказал об этой работе потому, что в российской богословской и светской науке тема гонений на христи-

ан приобретает всё большую актуальность. Российский подход к анализу ситуации на Ближнем Востоке характеризуется высоким уровнем понимания комплекса исторических, политических и этноконфессиональных факторов, формирующих пеструю мозаику этого региона. Вместе с тем, мы обладаем большим потенциалом межрелигиозного подхода как одного из путей защиты гонимых ближневосточных христиан.

Полагаю, что российским и европейским ученым было бы весьма полезно войти в контакт друг с другом для обмена опытом, совместной работы над изучением феномена преследований и дискриминации христиан. Убежден, что такое сотрудничество даст очень востребованную аналитическую подпитку глобальным процессам объединения межхристианских усилий в поддержку гонимых христиан.

В завершение своего выступления хотел бы выразить надежду на то, что наша сегодняшняя встреча откроет возможности сотрудничества, дипломатического, гуманитарного и академического, в деле поддержки наших страждущих братьев на Ближнем Востоке. В эти дни им выпал черед нести мученическое свидетельство о Спасителе мира, а наш христианский долг — поддерживать и помогать им, нести в мир свидетельство об их подвиге.

Примечания

¹Christians ‘excluded’ from Iraq’s reconstruction plans. – <https://www.worldwatchmonitor.org/2017/01/christians-excluded-from-iraqs-reconstruction-plans/>

² <http://www.thomasschirrmacher.info/en/bio/curriculum-vitae/>

³ <https://www.etf.edu/en/staff/christof-sauer/>

⁴ Eibner, J. Das MoskauerPatriarchat und die verfolgte Kirche im-NahenOsten.CSI-Schweiz, 2015. — 32 pp.

⁵ Сарабьев А.В. Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра? / отв. ред. В. В. Попов / Группа стратегического видения «Россия – Исламский мир»; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2017. – 264 с.

БИБЛЕИСТИКА

Игумен Арсений (Соколов)^{}*

**ПОЛИТИКА ИЗРАИЛЬСКОГО ЦАРСТВА
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ**
Комментарий к книге пророка Осии, 7:3–12

В статье на основании отрывка из книги пророка Осии (Ос. 7:3–12) и комментариев к нему рассматривается внешняя политика Израильского царства в последний период его независимости, указываются видимые и истинные причины политического и нравственного кризиса, приведшего к завоеванию Северного царства Ассирийской державой.

Ключевые слова: Ассирия, Египет, Израильское царство, пророк Осия, Самария, Таргум Осии.

^{*}Автор — профессор Общеперковной аспирантуры и докторантуре им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, д-р богословия, настоятель подворья Русской Православной Церкви в Бейруте (Ливан), представитель Патриарха Московского и всея Руси при Патриархе Великой Антиохии и всего Востока.

Непосредственным слушателям пророческих речей или первым читателям пророческих текстов вряд ли надо было объяснять, о каких событиях говорит тот или иной пророк или на кого из их участников он намекает. Нам же, отделенным от современников израильских пророков тысячелетиями, да к тому же имеющим под рукой не всегда хорошо сохранившиеся тексты их книг, как это в случае с книгой пророка Осии, часто крайне сложно, а порой и вовсе невозможно точно определить их исторический контекст.

Некоторые современные исследователи считают, что в пассаже Ос. 7:3–7 описывается какой-то дворцовый заговор или военный переворот¹. Такие интерпретации вполне допустимы, ведь вся последняя четверть века истории Израиля, от смерти Иеровоама II в 747 году до н.э. до взятия ассирийцами израильской столицы Самарии в 722 году до н.э. — т.е. время, в которое проповедовал Осия — была непрерывной чередой военных и дворцовых переворотов, заговоров, смен династий и разгула анархии. Из шести царствовавших после Иеровоама II (787–747) царей четверо умерли не своей смертью, причем все четыре цареубийства были совершены в течение менее чем полутора десятков лет².

В пассаже Ос. 7:8–12 пророческой критике подвергается внешняя политика Израильского царства, вектор которой при последних монархах постоянно менялся.

Цареубийство. Ос. 7:3–7

*Злодейством своим они увеселяют царя
и обманами своими — князей.
Все они пылают прелюбодеянием,
как печь, растопленная
пекарем, который перестает поджигать ее,
когда замесит тесто и оно вскиснет.
«День нашего царя!» —*

*говорят князья, разгоряченные до болезни вином,
а он протягивает руку свою к кощунам.
Ибо они коварством своим
делают сердце свое подобным печи:
пекарь их спит
всю ночь,
а утром она горит,
как пылающий огонь.
Все они распалены, как печь,
и пожирают судей своих;
все цари их падают,
и никто из них не взывает ко Мне.*

Ос. 7:3–7 «иллюстрирует» то, о чем было сказано в 4-й главе пророческой книги: *Клятва и обман, убийство и воровство, и прелюбодейство крайне распространялись, и кровопролитие следует за кровопролитием* (Ос. 4:2).

Злодейством своим они увеселяют царя... Они – это, видимо, приближенные к царской особе придворные. К концу истории Израильского царства моральное разложение при царском дворе дошло до того, что *злодейство* (*תַעַרְאָה*), совершаемое подданными, лишь веселило очередного монарха, чье имя не названо. Взобравшись на трон с помощью злодейства — например, принародно убив законного царя, как Шаллум (Селлум), или прикончив своего венценосного предшественника в тиши царских палат, как Пеках (Факей) — последние правители Северного царства вряд ли были чувствительны к нарушениям порядка и законности, напротив, зло, по свидетельству пророка, их *увеселяло*.

Мы не знаем ни имени царя (или, по версиям LXX и Таргума Пророков, где соответствующее слово стоит во множественном числе — *царей*), о котором говорит Осия (Стевано Виргулин считает, что речь идет о последнем, тезоименитом пророку царя Осии³, но это мнение невозможно обосновать), ни имен и функций негодяев, весе-

ливших своего господина злыми поступками, ни того, в чем, собственно, состояло совершающее ими злодейство.

Если под злодейством понимать само цареубийство, то тогда *царь*, который веселится — это новый царь, взошедший на престол вместо убитого заговорщиками.

В BHS⁴ предлагается конъектура *וְשָׂמַחַתִּים pomazyают* вместо *וְשָׂמַחַתִּים uveselaют* (меняются местами *שׂ* и *מַ*), но в этом нет необходимости, ведь и *uveselaют* вполне соответствует общему контексту и подтверждается LXX и Таргумом.

...и обманами своими князей. Итальянский библеист Джузеппе Бернини полагает, что в 7:3–7 описывается царский пир, во время которого и совершаются злодейство и обманы: заговорщики во время пиршества убивают одного царя и вместо него воцаряют другого. На пиру присутствуют и *князья* (*רָשֶׁב sarim*) — эти «жадною толпой стоящие у трона»⁵ вожди и начальники, которые тоже увеселяются, будучи свидетелями произведенного с помощью обманов цареубийства, а может и участвуя в нем. «Заговор против царя, представителя Бога, — пишет Бернини, — является двойным злодейством и вероломством: как убийство, произведенное с помощью обмана, и как действие, направленное против помазанника Божия⁶». «Заговорщики умеют выждать подходящий момент, используют для осуществления дворцовый праздник», — пишут испанские комментаторы Луис Алонсо-Шёкель и Хосе-Луис Сикре-Диас⁷. В комментарии к авторитетной франкоязычной Иерусалимской Библии (La Bible de Jérusalem, BJ) так описывается исторический контекст 7:3–7: «Заговорщики скрывают свои замыслы, а затем, после ночной оргии убивают пьяного царя»⁸. Под *обманами* в таком случае можно понимать измену царю. В еврейском тексте здесь стоит то же слово, что и в 4:2: *שָׁפֵךְ kahaš*, только во множественном числе и с местоименным суффиксом 3-го лица мн. числа: *מְשָׁפֵךְ kahaše'ym* — *их обманы*. Существительное *שָׁפֵךְ kahaš* встречается в книге Осии четырежды — 4:2; 7:3; 10:13; 12:1. А глагол того же корня — один раз: в 9:2.

Все они пылают прелюбодейством, как печь, рас-топленная пекарем, который перестает поджигать ее, когда замесит тесто, и оно вскиснет. Образ печи (*תַּנּוּר*) является центральным в отрывке 7:3–7, на нем всё построено. Почему заговорщики сравниваются с пылающей, растопленной печью? Нидерландский библеист Йохем Даума объясняет использование образов пекаря и печи так: «(Пекарь) с утра ... занят растапливанием печи, и огонь в ней пылает, чтобы пекарь больше не занимался печью, а смог замесить тесто и оставить его подниматься. Так мы должны представить себе заговорщиков, у которых сердце, как эта печь ... Огонь может тлеть целую ночь, а утром огонь снова воспламеняется, и тогда их гнев пожирает их князей, которые падают один за другим. Пламя ненависти больше невозможno потушить!»⁹. «Сравнение с печью, — пишет в свою очередь Виргулин, — подчеркивает ярость заговорщиков. Конусообразная глиняная печь с отверстием вверху ... топилась вечером и растоплялась утром, горела прерывисто. Чтобы вынуть испеченный хлеб, необходимо было осторожно регулировать жар. Так и заговорщики, не обнаруживая своих планов, ожидают подходящего момента. В Библии немного страниц, описывающих в столь выразительной форме революционный пыл заговорщиков»¹⁰. Виргулину вторит Бернини: «Печь обычно конструировалась в форме конуса с отверстием вверху. Хлебное тесто полагалось вдоль внешних стен. Хлебопек разогревает печь изнутри довольно сильно, чтобы хлеб был пропечен. Но прежде чем начать выпекать, он ждет, чтобы тесто поднялось. До этого момента печь продолжает разогреваться, но не видно ни языков пламени, ни дыма. Таковы и заговорщики: внутри они кипят политическими страстями, но скрывают их до подходящего момента»¹¹. Русская печь, если ее хорошо растопить с вечера, утром еще продолжает хранить в себе жар, и если пошуровать внутри нее кочергой, то обнаружишь горячие угли. Таковы и законспирировавшиеся заговор-

щики — внешне холодны и невозмутимы, они внутри себя, в сердце своем коварно хранят яростный огонь ненависти, готовый в подходящий момент вырваться наружу.

Неверные царю заговорщики *пытают прелюбодейством* (*דְּבָרַת נָאָזָן*). Видимо, этот термин (представляющий собой причастие от глагола *לִזְבֹּחַ* — *прелюбодействовать*) выбран для того, чтобы с наибольшей выразительностью показать неверность заговорщиков своему господину, предательство по отношению к нему этих, пользуясь выражением поэта, «наперников разврата»¹². Стилю Осии вообще, по верному замечанию Вероники Андросовой, «свойственны живость и эмоциональная выразительность»¹³.

Однако в Таргуме *прелюбодейство*, о котором здесь говорится, понимается в прямом смысле. Таргум Ос. 7:4 представляет собой целую проповедь об этом: *Все они страстно желают прелюбодействовать с женами ближнего своего, раскаленные, как печь, которую разжег опытный пекарь. Поэтому они скоро отправятся в плен из своих городов, как те, которые спешат исполнить свой злодейский замысел, а также за то, что не помнили знамений и чудес, совершенных для них в день, в который они были выведены из Египта, от времени замешивания теста, пока оно не вскисло.* Интересен ход мысли таргумиста: израильтяне отправятся в изгнание из своей земли не только за то, что страстно желают прелюбодействовать, но и за то, что не помнили знамений и чудес, совершенных Богом во время исхода из Египта. К теме знамений и чудес, совершенных в Египте, Таргум Пророков, в том числе Таргум Осии (ср., напр., Таргум Ос. 2:16 и Таргум Ос. 2:17)¹⁴, обращается регулярно. Особенность же Таргума Ос. 7:4 состоит, по наблюдению текстологов Карбоне и Рицци, в том, что здесь «грех народа возводится к эпохе отцов»¹⁵.

С парофразой Таргума перекликается комментарий преподобного Ефрема, что по общности культурной среды немудрено¹⁶. Сирийский учитель также заводит речь

о двух пленах — минувшем египетском и предстоящем ассирийском: «Как разжигается печь, в которой пекут хлебы, так и они распаляются на блудодеяние и грабительство ... Пленяющие будут понуждать их к поспешному исшествию. Сие испытали на себе отцы их в Египте. Когда они не спешили воспользоваться своим освобождением из Египта, египтяне понуждали их идти на свободу и не давали им времени, чтобы вскисло заквашенное ими тесто»¹⁷. Далее к историческому толкованию Ефрем прибавляет христианско-эсхатологическое: «Христос придет в конце времен, когда род человеческий вскиснет закваскою злобы своей, и Христос, очистив его от кваса сего, заквасит новым квасом»¹⁸.

Содержание 7:4 у LXX в целом соответствует МТ¹⁹, за одним лишь исключением: в тексте LXX нет *пекаря* (как нет его и в 7:6 по версии LXX). Поэтому и в толкованиях греческих отцов на эти стихи никакого *пекаря*, естественно, тоже нет.

Древнехристианская экзегеза видит в 7:4 (и во всем отрывке) пророческую критику идолопоклонства. Согласно святителю Кирилу Александрийскому, *прелюбодеяством* у пророка иносказательно названо идолопоклонство, которому северные десять колен предались со временем Иеровоама I: «Когда отложились десять колен и над ними воцарился нечестивый Иеровоам ... он, ненавистный Богу и жалкий, замышляет освятить для них золотых телиц и придумывает способ нечестивого идолослужения ... Об этом-то и напоминает нам в настоящем случае пророческое слово ... Предавшись духовному любодеянию или отступлению от Бога (это и есть любодеяние), они уподобились как бы раскаленным печам, готовым для варения того, что в них будет вложено. Они были исполнены пламени — очевидно, жара и как бы воспламененной похоти. Они уподобились пышному тесту, имеющему уже закваску, но совершенно вскисшему в день царя их, когда ... Иеровоам открыто объявил, что на-

добно приносить жертвы телицам и совершать в честь их праздники, и они на это возглашали „это — день царя“, как об этом, как я сказал, свидетельствует предание. Тогда-то вскисло совершенно, т.е. окончательно состоялось распоряжение, утверждающее нечестие. Итак, имея души, воспламененные горячими и неудержимыми пожеланиями к преступлению, и как бы всквашенные таким образом в день царя, они дошли до крайнего нечестия»²⁰.

Историю Иеровоама I вспоминают в своих толкованиях также блаженный Феодорит и блаженный Иероним. Феодорит: «Все, распаляясь непотребством, уподобились разженной печи, готовой принять в себя вскиснувшее тесто для печения хлебов ... Как закваска замешенную муку претворяет в нечто однокачественное с нею, так квас нечестия, привнесенный первым царем вашим Иеровоамом, всем вам, и в продолжение времени царствовавшим у вас, сообщил свое зловоние»²¹. Иероним: «Все те, которые своими злодеяниями увеселяли царя, суть прелюбодеи, и Иеровоам разжег в них огонь идолослужения, как в печи, чтобы печь хлеб нечестия, и, возжегши в душах их пламя заблуждения, подобно тому, как сначала разжигают огонь в горниле и печи, он на некоторое время успокоился, чтобы не действовать много на народ, а предоставить его собственной воле, пока не перебродит весь обман, потому что всё, делаемое по принуждению, скоро прекращается, а что делается добровольно, это долго продолжается. Метафора, взятая здесь от печи, растапливаемой для печения хлебов, удерживается и далее, так что примесь закваски означает сочувствие всего народа, вследствие чего и царь, и народ с одинаковым жаром устремились к идолослужению»²². Итак, и Кирилл, и Феодорит, и Иероним считают, что пророк здесь говорит не столько о современных ему событиях, сколько о делах давно минувших дней, о схизме Иеровоама I (3 Цар. 12)²³.

У Оригена, в его гомилиях на книгу Левит, встречается нравственно-аллегорическое толкование Ос. 7:14:

«Да найду в Писании печь, в которой смогу испечь жертву мою, да примет ее Бог. И я думаю, что уже нашел — в книге Осии-пророка ... Печь есть сердце человека. Сердце же это, если распалият его пороки или разожжет его дьявол, будет не печь, но жечь. Если же разожжет его Тот, кто сказал: „Я пришел послать огонь на землю“ (Лк. 12:49), то тогда я не сожгу хлеб Священных Писаний и глаголов Бога, который принял я в сердце, но испеку его для жертвоприношения»²⁴.

«День нашего царя!»... Современные русские переводы, следуя общей тенденции и учитывая конъектуру, предлагаемую в BHS (**בַּיּוֹם מִלְכָנוּ**), передают, в отличие от Синодального перевода и перевода Макария Глухарева, это выражение **יֹם מִלְכָנוּ** не прямой речью, а рассказом в третьем лице: *в день нашего царя* (перевод Андрея Десницкого²⁵); *в праздничный день царя нашего* (перевод под ред. Кулаковых²⁶); *днем они... нашего царя* (перевод РБО²⁷). Но всё же эти слова звучат выразительней, если понимать их как прямую речь — как тост, поднимаемый князьями за своего царя, или как какой-то возглас, аналогичный современному российскому «ура!» при поднятии бокалов за верховного главнокомандующего. Пророк в таком случае цитирует коварных заговорщиков.

День царя — это праздничный, торжественный для всех поданных день, возможно, годовщина восшествия царя на престол. Одним из главных мероприятий в такой день бывает обычно торжественный прием во дворце, а затем банкет с многоразличными яствами и обильной выпивкой. С веками и тысячелетиями мало что меняется в этой сфере.

У LXX *день царя* превращается в *дни царей*.

...князья, разгоряченные до болезни вином... Праздничный банкет в разгаре, князья изрядно пьяны. Пьян, видимо, и царь. Он потерял бдительность и —

...протягивает руку свою к кощунам. Видимо, кощунами, кощунниками (**לְצִיזִים** **לוֹצֵעַם**) пророк называет князей. **לְצִיזִים** — это *haraخ legomenon*, причастие **לְלוֹצֵעַ**

нигде в Танахе больше не встречается ни в единственном, ни во множественном числе, нет и других форм с таким корнем. Быть может, **לְצַחַק** — это северный (израильский) вариант термина **צַחַק** лэц? Последний очень часто встречается в Танахе, особенно в разделе Писаний (**כתביהם**) и означает *насмешника* или того, кто говорит о других изdevательски, глумливо, хульно²⁸. Через *насмешников* передано **לְצַחַקִים** в переводе под редакцией Кулаковых, тогда как переводчики РБО перевели это слово через *наглецов*, а Десницкий — через *негодяев*. Для полноты картины отметим, что в переводе Макария Глухарева **לְצַחַקִים** названы *смехотворцами*.

Блаженный Иероним называет стихи 7:5–7 «темным местом»²⁹. Действительно, текст в этом месте выглядит плохо сохранившимся и непонятным. Зачем царь *протягивает* (или, по переводу Десницкого, *подает*) свою руку (³⁰**עַד יָד**? Что означает этот жест? Бернини в своем комментарии пишет, что из-за неясности смысл этих слов можно понять по-разному: 1) царь, полагаясь на верность сотрапезников, пребывает в полном спокойствии, не додгадываясь о заговоре; 2) царь способствует заговорщикам в реализации их подлого замысла³¹. Иероним: «Когда царь (согласно Иерониму, это Иеровоам I) увидел, что ... князья, как бы находясь в опьянении и в исступлении, не знают, что говорят, то он протянул руку свою льстецам (*illusoribus*) и исторг согласие у тех, которые льстили ему пустыми похвалами»³².

На заре истории Северного царства, когда Израиль обрел независимость от ига Давидидов, при похожих обстоятельствах закончилось недолгое царствование Эльы (Илы), четвертого по счету израильского царя: «Составил против него заговор раб его Замврий, начальствовавший над половиной колесниц. Когда он в Фирце напился допьяна в доме Арсы, начальствующего над дворцом в Фирце, тогда вошел Замврий, поразил его и умертвил его» (3 Цар. 16:9–10)³³. Да уж, поистине «не царям пить вино» (Притч. 31:4).

Согласно Таргуму, руки простирают другие, не царь. Вот о чём говорит арамейская парадигма 7:5: *В день, когда они выбрали себе царя над ними, начальники воссели на пиру, чтобы пить с ним вино, пьяницы (или: обманщики)³⁴ простерли руки в знак дружбы.*

Преподобный Ефрем: «Действительно, как пьяные и крепкие винопийцы, низводят и возводят они царей»³⁵.

Ибо они коварством своим делают сердце свое подобным печи... Консонантный текст *כִּקְרָבוּ כַּתְנָור לְבָם בָּאַרְבָּם* можно перевести и так: *Когда они приближаются, как печь, сердце их коварное* (букв.: *в засаде*); т.е. заговорщики приближаются к царю, чтобы убить его. Так переводят многие современные переводчики, в том числе русские: *Когда подходят ближе, их лукавые сердца подобны печи* (перевод РБО); *Они приближаются к нему, строя козни против него исподтишка; словно тлеющий огонь в печи...* (перевод под ред. Кулаковых). Такое понимание соответствует Таргуму (*אֲרֵי אַתְקָרְבוּ לְעִיצַת הַטְאָעָן וְלֹא עָכִיבוּ כַתְנָורָא בֶּעָר לִיבָהוּן בְעַתְכָמְנָהוּן*) — ибо они приблизились к совету грешников и не поколебались, как печь горит сердце их в заговоре их...), но не находит подтверждения у LXX (*διότι ἀνεκαύθησαν ὡς κλίβανος αἱ καρδίαι αὐτῶν ἐν τῷ καταράσσεν αὐτούς — ибо разгорелись, как печь, сердца их при свирепстве их*).

Красивый перевод этого места предлагает «Восточный перевод Священного Писания»³⁶, выполненный международной переводческой организацией Biblica и предназначенный, в основном, для русскоязычных читателей стран Средней Азии: *Их сердца, словно тандыр, горят интригами.*

...пекарь их спит всю ночь... Как и в 7:4, у LXX и в Таргуме пекаря нет.

У LXX вместо *пекаря* (*פֶּאָה оָפֵא*) — Ефрем (Ефраим): видимо, еврейский текст, которым пользовались греческие переводчики, отличался в этом месте от того, который огласовывали масореты.

В Таргуме в этом месте сказано: *всю ночь продолжается ярость их* (גָּרְאַבְתִּים). Так же и в Пешитте на месте пекаря — ярость. Перевод под ред. Кулаковых руководствуется в этом месте Таргумом и Пешиттой: *всю ночь злоба теплится*.

«Приходят они в ярость от вина, жаждут крови судей и царей своих. Ни успокаивающий сон, ни веселящее вино не смягчают ярости их, и не приходят они в здравый ум», — описывает ситуацию преподобный Ефрем³⁷.

…а утром она горит, как пылающий огонь. Утром пекарь разжигает печь так сильно, что она — *как пылающий огонь*. Сквозь отверстие вверху печи огонь вырывается наружу, готовый попалить находящихся рядом с печью. Так же и гнев заговорщиков — *распаляется*, как сказано в следующем стихе, и *пожирает* тех, кого достигает: *Все они распалены, как печь, и пожирают судей своих...* В Танахе *וְשׁוֹבֵדֶת* — это не только судья, но и *вождь, правитель*. Словно вырвавшийся из печи огонь, *пожирает* их ярость заговорщиков.

Таргум актуализирует это место: *своими лживыми языками вводят в грех судей своих*. Видимо, для арамеоязычных общин времен таннаев и амораев, для которых составлялись Таргумы, предвзятость судей, коррумпированность судебной системы была насущной проблемой, не меньшей, чем для современных нам обществ.

…все цари их падают... Со смертью в 747 году Иеровоама II начался последний, самый трагический период истории Израильского царства, завершившийся его полным уничтожением в 722 году. Почти все цари этого периода *пали от рук* заговорщиков. «Цареубийство, — отмечает Иеремиас, — стало обычным средством для реализации политических проектов, будь то политика подчинения Ассирии, несмотря на огромную налагаемую ею дань, будь то восстание против Ассирии (как это сделал Пеках³⁸, вступив в антиассирийский альянс с арамеями)... Спасение ожидается от политических изменений, от Ассирии, от Египта»³⁹.

…никто из них не взвывает ко Мне. Их пожирают одного за другим, они все падают замертво, но и не думают взвывать с мольбой к YHWH, Богу своему. Бернини комментирует: «Больше не ставили целью построить теократическое государство народа YHWH. Израиль стал всего лишь одним из народов земли, движимый исключительно политическими устремлениями». В этом, считает итальянский автор, и состояла главная причина исчезновения Израильского царства⁴⁰. Пророческие предостережения (4 Цар. 17:13) не подействовали ни на правителей Израиля, ни на народ. Катастрофический конец Израильского царства показал, что призывы Осии и других пророков (4 Цар. 17:23) не были приняты. Вместо того чтобы возвзывать к YHWH, своему истинному Суверену, Израиль мечется между языческими странами, за что будет подвергнут критике в следующих стихах 7-й главы. Внутренние проблемы агонизирующего царства усугубились просчетами во внешней политике, приведшими его к крушению.

Ошибочная внешняя политика. Ос. 7:8–12

*Ефрем смешался с народами,
Ефрем стал как неповороченный хлеб.
Чужие пожрали силу его,
и он не замечал;
седина покрыла его,
а он не знает.
И гордость Израиля унижена в глазах их,
и при всем том они не обратились к Господу Богу
своему
и не взыскали Его.
И стал Ефрем как глупый голубь, без сердца:
зовут египтян, идут в Ассирию.
Когда они пойдут,
Я закину на них сеть Мою;
как птиц небесных низвергну их,
накажу их, как слышало собрание их.*

Внутриполитические события, происходившие в слабеющем Израильском царстве, о которых говорилось выше, были напрямую продиктованы внешнеполитической обстановкой, и прежде всего всевозрастающей гегемонией Новоассирийской державы. Всю третью четверть VIII века над Ближним Востоком нависала грозная тень могучей, всесокрушающей военной машины Ассирии. Состоять в вассальном договоре со сверхдержавой или вступать в альянсы против нее? В израильской армии и в правящем классе израильского общества были разные взгляды на то, куда должен быть направлен вектор внешней политики царя. Проассирийская и антиассирийская придворные партии соперничали между собой. То одна партия побеждала в этой борьбе, то другая. В зависимости от того, какие настроения господствовали в армии и при дворе, на престоле оказывался то сторонник вассального союза с Ассирией, то его противник. Поэтому за убийством одного царя и заменой его другим обычно следовала и смена внешнеполитического курса страны. Нередко и сама Ассирия вмешивалась во внутренние дела Израиля, поддерживая проассирийски настроенных князей и военачальников и инспирируя насильственную смену царской власти.

За кого же Осия, за Ассирию или за Египет? Ни за кого. Для него не существует этой дилеммы. Любые внешнеполитические союзы приносят лишь беды. Искать надо альянса не с Ассирией или Египтом, а с YHWH, стремиться к вассальной зависимости только от Него, истинного Царя Израилева. А находиться под игом ассирийского императора или искать защиты от нее в альянсах с арамеями и Египтом — это для Израиля, народа YHWH, слишком мелко и суетно: и то и другое, согласно пророку, не приведет ни к чему, кроме потери идентичности и независимости — к смешению с народами:

Ефрем смешался с народами, Ефрем стал как неповороченный хлеб. Повернется к Ассирии — подгорит с одного боку, к Египту — с другого. Сравнение Ефрема (Израиля)

с хлебом, который с одной стороны подгорел, а с другой остался непропеченым — продолжение метафоры, развернутой в 7:3–7.

Глагол בָּلְלַ смешивать, встречающийся в Танахе более сорока раз, обычно используется, когда речь идет о смешивании муки с елеем; однако, дважды этот глагол употреблен, когда речь идет о смешении языков при описании вавилонского столпотворения (Быт. 11:7, 9). Причем во всех случаях — в простой породе qal, и только здесь единственный раз во всем Танахе — в рефлексивной породе (в данном случае — редкая порода hitpoel): תִּבְלֹלֵל смешиваться. Ефрем «вляпался» в отношения с другими народами, перемешался с ними, стал с ними единым, как бы одним тестом; язык Ефрема (иврит) подвергся сильно-му иностранному влиянию, смешался с языками народов⁴¹.

Израильское царство, в отличие от Иудейского, никогда не было моноэтничным. Но тотальному перемешиванию с другими народами евреи подверглись на территориях, отобранных у Израиля Тиглатпаласаром III и превращенных им в ассирийские провинции, т.е. в 733 году (4 Цар. 15:29). Тогда Израильское царство потеряло около 4/5 своей территории и сжалось до Самарии и окрестностей, а с захваченных ассирийцами территорий часть населения была депортирована в коренную Ассирию, а те, кого ассирийская администрация оставила жить на своей земле, были смешаны с пришлым населением (ср. 4 Цар. 17:24)⁴². Однако тогда смешение не было для израильтян добровольным. У Осии же, скорее, звучит критика добровольного со стороны Израиля смешения с народами, то есть ошибочной внешней политики.

Слово הַע uga может означать пирог или лепешку. Через лепешку переводят его Десницкий и Кулаковы, а через пирог — переводчики РБО. Это хлебобулочное изделие непригодно в пищу, оно бли הָאַפּוּחָה — буквально: без переворачивания (הָפּךְ значит «переворачивать»). Кому нужна лепешка, которая с одного боку обгорела, обугли-

лась, а с другого не пропечена и представляет собой сырое тесто? Ее, как несъедобную, выбрасывают. Пророческое сравнение Ефрема с уга бли гафуха понятно: Израильское царство, как более не пригодное Богу, будет отброшено.

LXX перевели πῦ через ἐγκριφίας. Словарь Вейсмана дает греческому термину определение «хлеб, печеный в горячей золе»⁴³. «Царство десяти колен, — комментирует блаженный Иероним, — стало подобным … испеченному в золе хлебу, который не поворачивают, т.е. оно не покаялось». Объяснение Иеронима заставляет вспомнить пророчество Ионы о «переворачивании» ассирийской столицы Нинве (Ниневии), в котором использован тот же самый глагол τέπ, что и в МТ Ос. 7:8: «Еще сорок дней — и Ниневия будет перевернута (⁴⁴לְכֹפֵל)!» (Иона. 3:4). Какой контраст с Израилем, который *не поворочен, не перевернут!*

Чужие *пожрали силу его...* «Чуждыми, — поясняет святитель Кирилл, — называются иноплеменников и иностранцев»⁴⁵.

В военно-политическом отношении Израиль в последний период своей двухсотлетней истории, наступивший со смертью Иеровоама II и окончившийся взятием ассирийскими войсками Самарии, уже не представлял из себя чего-то значимого. А после неудачной сиро-эфраимитской войны рухнули последние надежды на восстановление былого могущества, такого, какое было при Омридах: хищная Ассирия *пожрала силу его* и аннексировала львиную долю его территории, самые плодородные земли. Израильское царство начало стремительно таять, чтобы навсегда исчезнуть из истории человечества.

Американский археолог и библеист Эдвард Кэмпбелл пишет, что «ассирийская завоевательная политика ... работала в трехступенчатой прогрессии: требовала добровольного подчинения местных правителей; захватывала территории силой, если добровольного подчинения не происходило; устанавливала над территорией полный контроль, наказывая любое неповинование или мятеж

и депортируя всё местное руководство»⁴⁶. Израильскому царству довелось пережить все три этапа взаимоотношений с Ассирией. Израиль признавал вассальную зависимость от ассирийского царя и выплачивал ему дань, как это было при Менахеме⁴⁷; пережил потерю большей части своей территории, как это произошло по окончании сиро-эфраимитской войны; наконец, оказался безжалостно раздавлен железной колесницей ассирийской армии, когда его последний царь Осия в отчаянии решил искать спасения от Ассирии у Египта. В 722 году Ассирия полностью *пожрала* Израильское царство. Но и в предшествующие годы, когда Израиль был ее покорным вассалом, она *пожирала силу его*. Так всегда бывает с государствами-вассалами: свою силу, свои ресурсы они отдают тому, чью верховную власть признают над собой. Вассальные договоры выгодны лишь сюзеренам. Но Израиль не отдает себе в этом отчета:

...и он не замечал... На самом деле в МТ дважды, здесь и в конце стиха, после слов о седине стоит одинаковое выражение — *а он не знал*: *עַתָּה וְאֵלֶּה לֹא יְדַעַת*. В 7:8 дважды повторяется имя Эфраим (Ефрем); здесь, в 7:9 дважды — *а он и не знал*; три строки подряд, 7:8–9а начинаются с буквы *א*. Столь регулярные повторы, по замечанию Алонсо-Шёкеля и Сикре-Диаса, «описывают фатальный процесс», происходящий с Израилем⁴⁸. Для политики Израильского царства нет ничего хуже альянсов с иностранными державами, но увы, недальновидные израильские цари и начальники этого не понимают. Образ, с помощью которого описывается этот фатальный процесс, меняется вновь:

...седина покрыла его, а он не знает. Этим грустным образом старости изображается упадок Израильского царства, его политическая и экономическая деградация⁴⁹. «Израиль стареет, приближается к смерти, но — вот что действительно невозможно понять — отказывается думать об этом, не обращает никакого внимания на прибли-

жающийся конец», — комментирует эти слова Йеремиас⁵⁰. Старческие седины не прибавляют ума.

Таргум заменяет *седину* (*שִׁבְעָה סֵйֶב*) на *унижение* (*אֲלֹתַת הַלְּשׂוֹן חָלִישָׁתָה*), видимо, намекая на плен⁵¹.

И гордость Израиля унижена в глазах их... Буквально повторяется 5:5а. *גָּאֹן* гаон в прямом значении может обозначать что-то высокое (напр., разлив реки, как в Иер. 12:5, или морские волны, как в Иов. 38:11), а в переносном — величие (напр., величие YHWH, как в Ис. 2:10, 19, 21; 24:14) или человеческую гордыню (как, напр., в Ис. 13:11). Через *величие* перевел здесь (как и в 5:5) это слово Десницкий; в переводах РБО и под ред. Кулаковых — *гордыня*. Некоторые современные комментаторы без достаточных оснований считают 7:10 вставкой позднейшего редактора.

...не обратились к Господу Богу своему и не взыскали Его. «Корень трагедии, — комментируют Алонсо-Шёкель и Сикре-Диас, — в невозвращении к Господу». Израильяне, пишут испанские авторы, «заняты лишь поиском человеческих решений — сменой династий и внешнеполитических союзов, т.е. всем тем, что никак не связано с обращением к Господу»⁵² (Ср. Ам 4:6, 11).

...стал Ефрем как глупый голубь, без сердца... *נָנוֹן יְהוָה* — существительное женского рода, поэтому лучше переводить не через *голубя*, а через *голубицу*. Эта голубица названа *плॅ пота* — причастие женского рода от глагола *плэ*, который в породе *qal* означает «дать себя обольстить» или «быть несмышленым, наивным». Поскольку израильян никто не обольщает, а они сами ищут союзов то с одним государством, то с другим, контексту больше соответствует второе значение: Ефрем — глупая, наивная голубица. «Образ наивной голубицы⁵³, порхающей туда-сюда в поисках пропитания и не чувствующей угрозы со стороны птицелова, — пишут итальянские экзегеты Лоренцо Каттанео и Даниэле Мантегацца в совместном исследовании, посвященном книге пророка Осии, — пластиично передает опасную переменчивость внешней политики

Израиля, то вынужденного вступить в альянс с Ассирией, то желающего высвободиться из него с помощью Египта. Израиль не понимает, что такая политическая ненадежность лишь рассоривает его с обеими державами»⁵⁴. Такое же объяснение этого образа предлагал еще в начале XX века отечественный исследователь книги пророка Осии Иосиф Бродович: «Голубь, ища пищи, по своему неразумию бросается в расставленные сети»⁵⁵.

В представлениях семитов сердце (**לב** лэв) является вместелищем не только чувств, но и помыслов, разума. Поэтому **בַּזְבֻּן** здесь вполне допустимо переводить *без ума, без рассудка*, как, собственно, и делают современные русские переводчики. Израильтяне наивны и безрассудны, ибо —

…зовут египтян, идут в Ассирию. Ср. 12:1: *заключают союз с Ассуром, в Египет отвозится елей.* Безрассудная внешняя политика закончится для Израиля тем, что он *возвратится в Египет* (9:3). Египет (**מצרים** Мицраим) для еврейского народа на все времена — «символ рабства и исторической смерти»⁵⁶. Когда-то YHWH *вызвал Израиля из Египта* (11:1), из этого «дома рабства», сделал его Своим *сыном* (11:1). Для истории Израиля нельзя представить себе конца трагичней, чем возвращение евреев обратно в Египет. Но Осия с настойчивостью повторяет: это непременно произойдет, *они возвратятся в Египет* (8:13). Как известно, переселение евреев (иудеев) в Египет было массовым значительно позже, после разрушения Иерусалима вавилонянами в 586 году; сколь массовой была эмиграция туда северных колен в конце VIII века, и была ли она вообще, историкам неизвестно. Можно лишь догадываться, что слабый Египет того времени мог казаться израильтянам приветливей сильной и жестокой Ассирии. Отсюда и стремление, аналогичное тому, которое зафиксировано в 14-й главе книги Чисел: тогда израильтяне, оказавшись на пороге Обетованной земли, испугались обитателей Ханаана и стали призывать друг

друга возвратиться в Египет (Числ. 14:3–4); теперь они обращаются к египтянам из страха перед ассирийцами.

Как бы там ни было, «возвращение» евреев в Египет еще впереди, а пока власти агонизирующей страны лихорадочно ищут выхода из вассальной зависимости от Ассирии и на свою голову зовут *Египет* (*מִצְרָיִם*). Возможно, как предполагает Йеремиас, речь здесь идет об антиассирийской политике Пекаха⁵⁷. Но еще больше сказанное в 7:11 соответствует последним годам истории Северного царства, когда, как сказано в Четвертой книге Царств, последний израильский царь, тезоименитый пророку Осия сначала «давал дань» ассирийскому царю Салманасару V (4 Цар. 17:3), а потом перестал это делать (может, просто нечем стало ее выплачивать, ведь после сиро-эфраимитской войны страна лишилась всех своих плодородных земель, а казна давно уже была пуста). «И заметил царь ассирийский в Осии измену, так как он посыпал послов к Сигору, царю египетскому, и не доставлял дани царю ассирийскому каждый год ... И пошел царь ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии» (4 Цар. 17:4–5). Шаг, предпринятый царем Осией, не помог: Египет был слишком слаб, чтобы защитить Израиль от Ассирии, даже если б он и захотел это сделать⁵⁸. Израиль остался один на один с Ассирийской империей, самым могущественным и беспощадным государством того времени, и дни его были сочтены.

Вместо того чтобы взвывать к УНВН, Богу своему (7:7b), израильтяне зовут *египтян!* (и в 7:7b, и здесь, в 7:11b – один и тот же глагол *אֶתְנַחֲתָה*); вместо того чтобы взыскать Господа (7:10b), покорно отправляются в *Аишур* (*אֵשׁעַר*)! «Египта взыскал, и к ассириянам взят невольно», по выражению аввы Исаии⁵⁹. По объяснению преподобного Исидора Пелусиота, Израиль оказался несмысленным потому, что «один из двух народов, зараженных самодержеством, ненавистью и давней любостяжательностью, призывал на помощь, а к другому бежал, ища спасения.

Посему кто же, говорит пророк, несмысленное Ефрема, стремящегося к тем, которым и снится только одно — плен и рабство его?»⁶⁰. «Ефрем, — комментирует блаженный Иероним, — как голубь неразумный и не имеющий сердца, оказывается настолько бессмысленным, что, позвав египтян, пошел в Ассирию. Ибо он умолял египтян о помощи, и он же был уведен в плен ассирийцами»⁶¹.

Напрасно дезориентированные правители Израиля так лихорадочно меняют вектор своей внешней политики: судьба Израиля — в руке Божией. Только Его рука, не рука египтян и не рука ассирийцев, может спасти (7:13) Израиля (ср. 5:13). Но Господь не будет больше спасать Свой народ, на сей раз в Его руке — гибельная сеть птицелова (7:12). Этой сетью станет ассирийская армия. Исаия для описания полной покорности Ассирии воле Всевышнего будет использовать другие образы — образы различных орудий в руке хозяина: «О, Ассур, жезл гнева Моего! и бич в руке его — Мое негодование!.. Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его; как будто палка поднимается на того, кто не дерево!» (Ис. 10:5,15). Все, даже самые могучие державы полностью покорны воле Единого Господина — YHWH. Проблема Израиля состоит в том, что он этого не понимает и не видит ни опасных для него тенет, ни Того, в чьей они руке.

В Таргуме поведение голубицы вызвано тем, что она лишена птенцов: *Дом Израилев похож на голубицу, лишенную рассудка* (или бесстыжую: *אַלְפִ'שׁ*), чьи дети унесены... Арамейская парафраза намекает, несомненно, на плен. Интересно, что и у блаженного Феодорита мы встречаем такое же объяснение: «Как голубь, когда отнимают у него птенцов, не летит прочь, но кружится в тех же местах, так и они, многократно и непрестанно истребляемые и порабощаемые то теми, то другими, прибегали и к ассириянам, и к египтянам, не получая от них никакой пользы»⁶².

Когда они пойдут, Я закину на них сеть Мою; как птиц небесных низвергну их... YHWH — птицелов, а Израиль — пойманная в Его сеть птичка. Израиль скоро окажется в сети (תַּשְׁ решет) — сначала в осажденной ассирийцами столице, а затем в ассирийском пленау. «Как мрежею некоей, — парофразирует блаженный Феодорит, — обложу их тучею врагов и всех уловлю наподобие птиц»⁶³.

…накажу их, как слышало собрание их. Критический аппарат в BHS предлагает на место **םִלְתָּעַל עַמְּךָ** (*как слышало собрание их*) конъектуру **םִלְתָּעַל עַל־עֲדָה** (*за их зло*). Йеремиас настаивает, что в такой конъектуре нет необходимости: слова МТ вполне могут продолжать образ птиц, если в термине **פֶּתַע אֵדָה** видеть здесь не *собрание*, а *стадо*⁶⁴.

Пешитта и Таргум в этом месте соответствуют МТ, а у LXX смысл другой: *ἐν τῇ ἀκοῇ τῆς θλίψεως αὐτῶν — в слух скорби* (или: *мучения, род. п. ед. ч.*)⁶⁵ *их*. Возможно, под рукой у LXX был еврейский текст, отличавшийся от того, который позднее огласовывали масореты, а может быть, как предположил Бродович⁶⁶, авторы LXX по схожести написания приняли **םִלְתָּעַל** за **םִלְתָּעַצְתָּמָן** (*скорби их, или: мучения их*).

Примечания

¹ Например, переворот, произошедший в 732 г., когда был убит Пеках (Факей русского Синодального перевода) и к власти пришел последний израильский царь (4 Цар. 15:30). С этим, последним в истории Израиля цареубийством связывает описываемое в Ос. 7:3–7, например, Йорг Йеремиас: *Jeremias J. Osea. Brescia, 2000. P. 140*. Однако, в последнем стихе отрывка (7:7) говорится не об одном царе, а о царях. Поэтому весь отрывок можно понять и как критику цареубийства вообще, как описание многократно повторяемой, типичной для истории Израильского царства ситуации.

² См.: Арсений (Соколов), игумен. Последние цари Израиля. Альманах «Скрижали», вып. 8 (Минск, 2014). С. 61–82.

³ Bibbia Piemme. Casale Monferrato, 1995. P. 2110.

⁴ Здесь и далее BHS — Biblia Hebraica Stuttgartensia. 4 ed. Stuttgart, 1990.

⁵ Лермонтов М. Смерть поэта.

⁶ Bernini G. Osea — Michea — Naum — Abacuc. Cinisello Balsamo, 1997. P. 112. Практиковалось ли у последних израильских царей помазание, неизвестно. Вряд ли в Израиле при постоянных переворотах и сменах династий традиция помазания на царство хранилась так же твердо, как в Иудее, история которой знает лишь одну династию — династию Давидидов, и где покушаться на царя значило то же, что покушаться на Бога, ср. Пс. 21/20:13: «Они предприняли против Тебя злое, составили замыслы».

⁷ Alonso Schökel L., Sicre Diaz J.L. Profetas Vol. II. Madrid, 1980. P. 894.

⁸ Ср. смерть царя Эллы (Илы русского Синодального перевода), описанную в 3 Цар. 16:9. См. комм. к 7:5.

⁹ Даума Й. Дорогами Ветхого Завета. Т. В. Малые пророки. Черкассы, 2012. С. 28.

¹⁰ Bibbia Piemme. Ibid. P. 2110.

¹¹ Bernini G. Ibid. P. 112–113.

¹² Лермонтов М. Там же.

¹³ Андросова В. Библия для всех: курс 30 уроков. Т. I. Москва, 2016. С. 254.

¹⁴ По общепринятой нумерации стихов; в русских переводах — 2:14 и 2:15.

¹⁵ Carbone S.P., Rizzi G. Il libro di Osea. Bologna, 1992. P. 153.

¹⁶ Отсылаем читателя к работе Марка Гиршмана, посвященной взаимовлиянию иудейской и христианской экзегезы в общей для обеих экзегетических традиций арамейской (сирийской) языковой среде: Гиршман М. Еврейская и христианская интерпретации Библии в поздней античности. Иерусалим — Москва, 2002. С. 118–128, особ. 119–122.

¹⁷ Ефрем Сирин, преп. Толкование на книгу пророчества Осии. Творения. Т. 6. Сергиев Посад, 1901. С. 101.

¹⁸ Ефрем Сирин, преп. Там же. С. 102.

¹⁹ Здесь и далее МТ — масоретский текст.

²⁰ Кирилл Александрийский, свт. Толкование на пророка Осию.

Творения. Ч. IX. Москва, 1892. С. 194–196.

²¹ Феодорит Кирский, блаж. Толкование на пророка Осию. Творения. Ч. IV. Москва, 1857. С. 279.

²² Иероним Стридонский, блаж. Три книги толкований на пророка Осию, к Паммахию. Творения. Ч. 12. Киев, 1894. С. 238.

²³ О схизме Иеровоама I см., напр., экскурс «Грех Иеровоамов» в кн.: *Арсений (Соколов), игумен*. Книга пророка Амоса: введение и комментарий. Москва, 2012. С. 77–83.

²⁴ Цит. по: Феррейро А. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. XIV. Двенадцать пророков. Под ред. Д. Бирюкова. Тверь, 2010. С. 31.

²⁵ Здесь и далее перевод Десницкого цитируется по изд.: Книги малых пророков. «Альфа и Омега», № 64–65 (2012). С. 100–112.

²⁶ Здесь и далее перевод под ред. Кулаковых цитируется по изданию: Библия в современном русском переводе. Москва, 2015.

²⁷ Здесь и далее перевод РБО цитируется по изданию: Библия. Современный русский перевод. Изд. 2-е. Москва, 2015.

²⁸ В комментарии к Пс. 1:1 Радак (авторитетный, кстати сказать, средневековый знаток библейского иврита) определяет термин γַּל так: «Тот, кто обращает свою хитрость ко злу и заносчиво говорит о людях дурное и выискивает в них недостатки и пороки и выдает другим чужие тайны» (Книга Восхвалений с толкованием Давида Кимхи. Том I. Иерусалим–Запорожье, 2008. С. 17). В русском Синодальном переводе первого псалма מִצְלָה передано через «губители».

²⁹ Иероним Стридонский, блаж. Там же. С. 239.

³⁰ А в мишнаитском иврите выражение ḥeshet ḥayyim приобретает значение «отводить руку». См., напр.: Levy J. Wörterbuch über die Talmudin und Midraschim. Vol. III. Berlin–Wien, 1876. P. 275. Ehrlisch A.B. Randglossen zur hebräischen Bibel. Vol. V. Leipzig, 1912. P. 182.

³¹ Bernini G. Ibid. P. 113.

³² Иероним Стридонский, блаж. Там же. С. 240.

³³ То цареубийство надолго запомнилось в израильском народе, а само имя убийцы и узурпатора נֶמֶר זִימָר (Замврий русского Синодального перевода), по свидетельству 4 Цар. 9:31, стало нарицательным. Об убийстве Зимри см., напр.: Nobile M. 1–2 Re. Milano, 2010. P. 196.

³⁴ Концовка стиха в Таргуме представляет трудность с точки зрения текстологии. См.: *Carbone S.P., Rizzi G.* Ibid. P. 153.

³⁵ Ефрем Сирин, преп. Там же. С. 102.

³⁶ Священное Писание. Смысловой перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила. Атаскадеро, 2014.

³⁷ Ефрем Сирин, преп. Там же. С. 102.

³⁸ Факей русского Синодального перевода.

³⁹ *Jeremias J.* Ibid. P. 140–141.

⁴⁰ *Bernini G.* Ibid. P. 115.

⁴¹ В аккадском языке *balālu* также иногда используется для обозначения смешения народов.

⁴² См., напр.: *Liverani M.* Oltre la Bibbia. Storia antica di Israele. Roma–Bari, 2003. P. 159–163. *Finkelstein I., Silberman N.A.* *Finkelstein I., Silberman N.A.* The Bible Unearthed. Archaeology's New Vision of Ancient Israel and the Origin of Its Sacred Texts. New York, 2001. P. 214–222.

⁴³ *Вейсман А.* Греческо-русский словарь. Санкт-Петербург, 1899. Столб. 365.

⁴⁴ В русском Синодальном переводе — «будет разрушена».

⁴⁵ *Кирилл Александрийский, свт.* Там же. С. 199. Далее святой отец ошибочно называет их персами.

⁴⁶ *Campbell E.F.* A Land Divided. In: *Coogan M.D. (ed.)*. the Oxford History of the Biblical World. Oxford, 1998. P. 237.

⁴⁷ В русском Синодальном переводе — Менаим.

⁴⁸ *Alonso Schökel L., Sicre Diaz J.L.* Ibid. P. 894.

⁴⁹ С такой же ностальгией в XIV в. Франческо Петрарка изобразил упадок родной ему Италии: «*Italia mia, benché 'l parlar sia indarno / a le piaghe mortali / che nel bel corpo tuo sí spesse veggio... / Vano error vi lusinga: / poco vedete, et parvi veder molto...*».

⁵⁰ *Jeremias J.* Ibid. P. 143.

⁵¹ Др. значение термина חֲלִשָׁה (или חֲלִשָׁתָא) — слабость: *Jastrow M. (red.)*. Dictionary of the Targumim, Talmud Bavli, Talmud Yerushalmi and Midrashic Literature. Leipzig, 1903. P. 469.

⁵² *Alonso Schökel L., Sicre Diaz J.L.* Ibid. P. 895.

⁵³ Кстати, в итальянском *colomba* — тоже женского рода.

⁵⁴ *Cattaneo L., Mantegazza D.* Ha parlato per mezzo dei profeti. Per una introduzione al profetismo. Lettura e commento del libro del profeta Osea. Gorla Minore, 2006. P. 246.

⁵⁵ Бродович И. Книга пророка Осии. Введение и экзегезис. Киев, 1901. С. 266.

⁵⁶ Nobile M. Il valore strutturale e teologico di «šwb» e «yšb» nel libro di Osea. Un tentativo di esegesi linguistico-strutturale. “Antonianum”, №4 (1992). Р. 483.

⁵⁷ Jeremias J. Ibid. Р. 144.

⁵⁸ О проблеме, связанной с Сигором (в евр. тексте — κισ Со) и о царствовании последнего израильского царя Осии см.: Арсений (Соколов), игумен. Последние цари Израиля. Альманах «Скрижали», вып. 8 (Минск, 2014). С. 61–82.

⁵⁹ Авва Исаия, преп. Слова к ученикам, IV, 62. В: Добротолюбие. Т. I. Москва, 1895. С. 301.

⁶⁰ Исидор Пелусиот, преп. Письма. Т. II. Письмо 39, монаху Ориону. Москва, 2001.

⁶¹ Иероним Стридонский, блаж. Там же. С. 246.

⁶² Феодорит Кирский, блаж. Там же. С. 281.

⁶³ Феодорит Кирский, блаж. Там же. С. 281.

⁶⁴ Jeremias J. Ibid. Р. 131. До Йеремиаса такого же мнения придерживались Ниберг (Nyberg H.S. Studien zum Hoseabuche. Uppsala, 1935. Р. 56–57) и Рудольф (Rudolph W. Hosea. Kommentar zum Alten Testament, 13/1. Gütersloh, 1966).

⁶⁵ θλῆμις — давление; мучение, угнетение, горе. См.: Вейсман А. Там же. Столб. 609.

⁶⁶ Бродович И. Там же. С. 268.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

*Протоиерей Алексий Ястребов**

ПЕТР ТОЛСТОЙ И ПАПА КЛИМЕНТ XI
Первый русский посол в Константинополе и его связи
с Католической Церковью

Статья посвящена неизвестным страницам деятельности российской дипломатической миссии на Босфоре, где первый посол России в Турции Петр Андреевич Толстой благодаря своим терпению и уму в крайне невыгодных для себя обстоятельствах сумел выстроить доверительные отношения с султанским двором и представителями европейских держав, проживавшими в Константинополе.

В дни Полтавской победы и накануне русско-турецкой войны 1710–1711-х годов Толстой с помощью венецианского грека Г. Поликала устанавливает прямую связь со Святым Престолом, одновременно оказывая услуги Католической Церкви в Турции. Папа Римский Климент XI пишет ответ на письмо русского дипломата и удостаивает его кавалерского звания за прошлые заслуги и в надежде на будущие старания в деле пропаганды католической веры в России.

*Автор — кандидат богословия, доктор философии, настоятель прихода святых жен-мироносиц (Венеция, Италия), Русская Православная Церковь, Управление заграничными учреждениями Московского Патриархата.

Мы публикуем доселе неизданные документы, касающиеся этого эпизода. Новые данные позволяют дополнить ранее известные факты о связях Толстого с Ватиканом и представителями Католической Церкви в Константинополе, а также о роли в этих контактах его сотрудников из числа подданных Венецианской республики.

Ключевые слова: Петр Толстой, Петр I, Россия, Османская империя, Константинополь, Климент XI, Раймондо Галлани, Георгий Поликала.

Контакты Москвы и Рима за десятилетие, прошедшее между 1699 и 1709 годами, претерпели существенные изменения. После заинтересованного общения Петра с католиками в Австрии и Польше в конце Великого посольства (1699) Папа надеялся, что молодой царь немедленно предпримет решительные шаги к принятию Русской Церковью уния.

По результатам Карловицкого мирного конгресса (1698–1699) Москва считала себя обманутой, поскольку все государства-члены Священной лиги вместо того, чтобы сообща отстаивать перед Турцией свои победные условия, договорились с султаном по отдельности. Часть переговоров велась тайно, как в случае с Австрией, и на конгрессе была уже оглашена, по сути, согласованная позиция. В таких условиях предшественник Климента XI (1700–1721) Папа Иннокентий XII (1691–1700) чувствовал себя обязанным приложить усилия, чтобы сподвигнуть не слишком обязательных союзников помочь России установить окончательный мир с султаном, тем более что эти труды обещали быть вознаграждены обильной духовной жатвой среди «схизматиков» [1. С. 229]. Поэтому понтифик поручил своим нунциям ходатайствовать перед европейскими правительствами о том, чтобы их дипломаты способствовали продвижению интересов России на Босфоре и скорейшему заключению мира¹.

Но все шло не так, как хотелось бы русскому царю. Он оказался разочарован лукавством партнеров и факти-

ческой неспособностью Рима как-либо повлиять на них. Первые восторженные европейские впечатления прошли, отношения со Святым Престолом остались в целом доброжелательными, но ни о каком объединении Церквей речи больше не шло.

Послание же П.А. Толстого к Папе Клименту XI, которое публикуем в приложении № 2, вообще ознаменовало собой рубеж эпох, ибо написано в дни, которые с полным правом можно назвать водоразделом российской внешней политики вообще и по отношению к Риму в частности. Полтавская битва и связанный с нею новый статус русского государства сделали более ненужными услуги Римского первосвященника.

Впрочем, и до 1709 года диалог сторон не всегда был простым [2. С. 195–196]. В связи со сказанным выше понятно, почему в Риме так обрадовались получению этого письма: понтифик написал любезный ответ и возвел русского посла в кавалерское достоинство.

Несомненно, что мы имеем дело с уникальным историческим документом. Дело в том, что до Толстого русским официальным лицам за исключением самодержцев не доводилось обращаться напрямую к Римским Папам². Приемы наших посланников в Риме стали при Петре обыденным делом, однако письмо, отправленное русским представителем от своего лица, выглядит все же довольно необычно.

В нем он ходатайствует за Георгия Поликала, грека, венецианского подданного на царской службе. Известно, что Поликала, трудившийся в Стамбуле в качестве посольского агента, имел право читать даже самые секретные донесения, если в случае опасности их было необходимо уничтожить³. Это может означать, что паломнические цели и торговые интересы эллина были лишь прикрытием более важных дел. Совершенно точно, что он пробыл в Римской курии некоторое время. Так, в заседании Конгрегации пропаганды веры от 16 декабря 1709 года

сообщается: «В Курии находится господин доктор Джордже Поликала — грек, римский католик...»⁴ Послание было отправлено через три дня после Полтавской виктории, о которой Толстой тогда еще ничего не знал⁵.

Бессспорно, это послание является также эпизодом русско-греческого сотрудничества, которое при Толстом вышло в Царьграде на совершенно новый качественный уровень и в результате привлекло в Россию ряд выдающихся деятелей Петровской эпохи.

Кстати, Поликала был венецианским подданным⁶. О нем есть еще интересное и важное свидетельство иезуита А. Верзо (Verzeau), который посыпает записку неизвестному адресату в Орден в качестве рекомендательного письма для грека всего через два дня после написания послом своего письма Папе. Несомненно, он знает его содержание и уверен, что Поликала добрый католик. Публикуем его в приложении № 3.

Знакомство Толстого с Римской Церковью было давним. Оно состоялось еще в 1697–1698-х годах во время его пребывания в Италии и Далмации, а в Вечном городе он побывал с 13 по 18 августа 1698 года, оставив яркие и подробные воспоминания об его христианских и античных памятниках, о повседневной жизни его обитателей, их обычаях и устройстве общественных учреждений [5. С. 188–226].

Конечно, тема отношений П.А. Толстого с латинянами, являющаяся собственно производной от темы «Петр Великий и Католическая Церковь», тоже могла бы стать объектом отдельного исследования. П. Пирлинг посвятил этому вопросу важные страницы своего фундаментального труда [6. Р. 233], где он сетует, что после Полтавы интерес государя к сотрудничеству с Папой совершенно пропал — факт, объясняющийся исключительно политическими целями, которые Петр преследовал в развитии этих контактов до 1709 года [6. Р. 226]. Лишь П.А. Толстой, да еще, пожалуй, князь Б.И. Куракин остались, по крайней мере внешне, благожелательны в отношениях с Римом⁷.

О первом Пирлинг пишет, что тот слыл в Риме «скромным и надежным другом», называет его «послом со склонностью к унии» [6. Р. 223, 269]. Действительно, еще в дневнике периода своего двухлетнего пребывания в Италии Толстой отзывается о католических обрядах и установлениях с неизменным уважением, хотя «склонность к унии» в устах ученого иезуита звучит как «желаемое», но отнюдь не «действительное».

В 1709–1710 годах два прелата Римской Церкви активно ходатайствовали о награде для Толстого: архиепископ Антивари (Албания) Де Абдуа и упомянутый уже викарий латинского патриарха Константинополя Р. Галлани. И первый, и второй имели свои мотивы.

Де Абдуа являлся по совместительству администратором Сербии, где Печский Патриарх Калинник I (1691–1710) обложил католиков данью. Архиепископ ходатайствовал перед Толстым, а тот с помощью Саввы Владиславича-Рагузинского дошел до царя, который сумел повлиять на сербского Предстоятеля. Дань была отменена. Это дало, кроме прочего, очередные надежды на расположеннность Петра к объединению Церквей⁸. О кавалерском титуле просят Папу и для Саввы Владиславича, которого называют здесь же католиком⁹.

В свою очередь с просьбой о награде для них неоднократно обращался в Рим архиепископ Анкирский монсеньор Раймондо Галлани. Так 16 августа 1709 года он писал своему непосредственному начальнику, латинскому патриарху Константинополя Лодовико Пико делла Мирандола: «В моих предыдущих почтительнейших посланиях я представил необыкновенное рвение, с которым этот пре восходительный господин посол Московии потрудился на благо прелатов, миссионеров и католиков-мирян Албании и Сербии, гонимых греческом Печским патриархом...»¹⁰. Одно из таких посланий, датированное 22 марта 1709 года и адресованное префекту Конгрегации пропаганды веры, публикуем в приложении № 1.

Впоследствии он не только упоминает о роли Толстого в разрешении проблем с Сербским Патриархом, но говорит и о столичных делах. Случилось так, что в тот момент французский посол оказался смешенным со своей должности, но остался по-прежнему в Константинополе. Это дало даже повод объявить его умалишенным, чтобы таким образом полностью его дезавуировать. Викарий называет русского «министра» единственным, к кому, в отсутствие своего покровителя, легитимного дипломатического представителя Франции, он мог бы прибегнуть для решения текущих дел. Это немало озадачивает, ведь тогда в столице находились австрийский и венецианский послы, глубоко вовлеченные в проблематику Католической Церкви, однако архиепископ Анкирский пишет именно так¹¹!

Вообще заметно, что монсеньор Галлани был настроен весьма оптимистично и считал католиками не только всех соратников русского посла, но и самого Толстого! Так он пишет, что тот «демонстрирует всяческое расположение и все чувства доброго католика, гнущаясь греков, из которых лишь одного держит по необходимости в своем окружении, представленном исключительно его соотечественниками и латинянами»¹².

В заседании Конгрегации пропаганды веры от 27 января 1710 года в ответ на неоднократные просьбы апостольского викария о награде для Толстого наложили такую резолюцию: «Уже исполнено, и господин секретарь занимается тем, чтобы был послан ответ на письмо, написанное московским послом»¹³. Действительно, Папа Климент удостоил Петра Андреевича кавалерского титула и направил ему грамоту, в которой благословил «преуспевать в благом деле» [6. Р. 223].

Мы видим, как благодаря стараниям Толстого возросла роль русского посла: если в своих первых депешах он сообщает, что находится в презрении как у турок, так и у дипломатов западных держав, то в 1709–1710 годах мо-

гущественная Римская Церковь просит помоши именно у него, а не у кого-то из представителей католических стран¹⁴.

В дальнейшем посланник продолжал оставаться в тесных сношениях с апостольским префектом в Константинополе. Он, например, просил его доложить в Рим о состоявшемся союзе Карла XII и Ахмеда III и о возможном присоединении к этому пакту польского короля Станислава Лещинского с целью не допустить этого союза с помощью Папы¹⁵. Через несколько месяцев тот же Галлани сообщает в Рим о начавшейся русско-турецкой войне и о том, что Толстого бросили под стражу в Эдикуле¹⁶.

Итак, Толстой помогал католикам в таких частных вопросах, как названная «сербская проблема». Его посулы и намеки в отношении серьезного продвижения латинства в России хоть и стоили недорого, но удерживали интерес Римской курии, благодаря чему можно было рассчитывать на ее поддержку тех или иных маневров царя на международной арене. Вообще посол всеми силами привлекал Святой Престол на сторону России, и мы видим, что отчасти его старания увенчались успехом.

Известно, что Толстой развел в Турции многостороннюю деятельность, направленную на поддержание мира с Портой, установление партнерских отношений с западными державами, развитие коммерции и вербовку специалистов для военного флота России.

Отдельной сферой приложения усилий царского посланника стали контакты России и Рима, в которых, как мы успели заметить, Толстой сыграл не последнюю роль. Ведь заключение мира между Россией и Турцией при содействии венецианского и австрийского «министров» проходило именно по просьбе Святого Престола. Со своей стороны русский посол оказывал услуги католикам в Сербии и Османской империи.

Отметим, что при изучении писем Сената в Константинополь и депеш венецианских послов бросается в глаза религиозная составляющая работы дипломатов. Большие части донесений посвящены пастырской и административной деятельности латинской Церкви, которой они обязаны были оказывать помощь¹⁷. Из Венеции же им приходили инструкции по поддержке церковных структур. Сенаторы прямо пишут, что долг дипломатов, по примеру прежних «министров», защищать миссионеров от еретиков и оттоманов»¹⁸.

Болезненной была тема святых мест, отнятых османами у греков и переданных французским франциканцам¹⁹. Послу Венеции предписывалось поддержать просьбу Конгрегации пропаганды веры к султану о разрешении на починку купола храма Гроба Господня, что, конечно же, было ничем иным, как претензией на права хозяйствующего субъекта²⁰.

Русский представитель должен был отстаивать интересы единоверцев, при этом оставаясь в добрых отношениях с Римской курией и западными «партнерами»²¹. При такой вовлеченности европейских дипломатов в конфессиональные вопросы очевидно, что хорошие отношения русского посланника с латинскими прелатами и самим понтификом были весьма важны, в том числе и в деле продвижения интересов Православной Церкви.

Впрочем, положение католиков тоже было непростым, и если султан сделал дружеский жест в адрес союзной Франции, то он совершенно не хотел помогать Святому Престолу, который все-таки при первой возможности не упускал случая расширить свои владения, в том числе и за счет собственности православных²².

Бессспорно, что способность Петра Андреевича найти общий язык не только с единоверцами, но также с католиками и турками вкупе с его умением анализировать полученные от греков-информаторов данные и практически использовать эти сведения, послужили

теми мощными средствами, благодаря которым он умел находить единственно верное решение в исключительно тяжелых условиях противодействия внешней политике России как со стороны противников, так и со стороны так называемых союзников.

Приложения

1. Депеша монс. Раймондо Галлани, архиепископа Анкирского, апостольского патриаршего викария Константинополя в Конгрегацию пропаганды веры от 22 марта 1709 г.²³

Публикуется впервые. Документ хранится в архиве Конгрегации пропаганды веры (ИАПФ, Scritture originali riferite nelle congregazioni generali, vol. 569, f. 377).

Прелат развернуто пишет о заслугах Толстого и Рагузинского перед Католической Церковью, о своих надеждах на дальнейшее взаимодействие с русским послом и усиленно просит кардинала Сакрипанте о награде для обоих²⁴.

Орфография подлинника сохранена.

Eccellenissimo e Reverendissimo Signore mio Signore e Padrone Collendissimo!

Colli scorsi mesi di Novembre e Genaro humilai alla S.Congregatione L'aviso di quanto ha operato questo Eccellenissimo Signor Ambasciatore di Moscovia appresso il Patriarca di Pecchia a beneficio, e solievo d'i Prelati, Missionarij e Fedeli dell'Albania e Servia, e perch' hora comprendo dal di lui discorso che havrebbe molto a caro se fosse da Vostra Eccellenza, o dalla S. Congregatione con lettera speciale attestato il gradimento, mi troovo in debito di avanzarle alla notitia questo suo desiderio, et insieme supplicarla, come humilmente faccio, accit si degni compiacerlo, mentre da simil dimostrazione s'eccitara la di lui singolar pieta a favorirmi in altre occorrenze con maggior fervore. E quando ancora il sommo

Преосвященнейший и преподобнейший господин мой, господин и глубокоуважаемый владыка!

В ноябре и январе я подал в священную конгрегацию почтительные сообщения о том, как его превосходительство господин посол Московии помог в разрешении вопроса с Печским Патриархом в пользу и облегчение прелатов, миссионеров и верующих Албании и Сербии. И поскольку сейчас понимаю из разговоров с ним, что ему было бы весьма приятно, если бы со стороны Вашего Преосвященства или священной конгрегации было бы направлено письмо с изъявлением признательности, чувствуя себя обязанным напомнить вам об этом его желании и вместе с тем просить вас, что и делаю со смирением, чтобы вы удостоили его этой милостью. Тако-

zelo dell'E.V. ottenesse dalla Santita di Nostro Signore un Brevetto commenda-
tio delle sue operationi a beneficio della S.Fede, e de suoi Ministri et esortatorio ad ulteriori impegni, accrescerebbe si in lui a maggior segno il consenso, e l'obligo. Per di lui nome et Conte Pietro Andrievich Tolstoij Ambasciatore estra-
ordinario alla Porta Ottomana.

Parimenti l'Ecceletissimo Signor Sava Vladislavich favorito dela Maesta del Zarro di Moscovia mostran-
dosi singolar favore de Latini in quella Corte, con haver anco ottenuto alli PP. Giesuiti la facolta di fabricar la loro Chiesa di pietre, et imressarsi per tal opera tre milla reali senza alcun interes-
se, et offerendosi presentemente assister con tutta charita alli PP. Missionarij, che di la passaranno alla China, supplica divotamente essere dalla Santita di Nostro Signore decorato col carattere di Cavaliere, e dalla S. Congregazione con quello di suo Agente, e Commissario in quelle parti. Io sapendo di certa scienza esser egli tanto amato dalla Maesta del Zarro che piu d'una fiata con prorie mani s'ha levato li habiti d'adosso, e vestito a lui, e che nell'anno decorso li habbi donato un Palazzo con un Giardino stimato 50 mille reali, e finalmente nel partire verso l'esercito havesse commandato al conseglie lasciato al governo di Mosca, non non risolvessero cosa alcuna senza il di lui intervento, ho reso l'ardire di humiliar queste notitie all'Ecceleta Vostra e supplicarla, accit si dega impetrarsi d'onore dalla Santita di Nostro Signore, e dalla S. Congregazione puotendo accertarsi, che il tutto rindondara in grandissimo vantaggio del nostro rito in quelle parti.

вое проявление внимания сподвигнет его исключительное благочестие помогать мне в будущем с большим рвением. И если бы еще благодаря высочайшему усердию Вашего Преосвященства удалось получить от нашего Святейшего Владыки бреве²⁵ об его и его агентов действиях в пользу святой веры покровительственное и вместе побуждающее к дальнейшим трудам, возросло бы в нем чувство согласия и долга. Его имя: граф Петр Андриевич Толстой, чрезвычайный посол при Оттоманской Порте.

Равным образом и превос-
ходительный господин Сава Владиславич, фаворит его величества царя Московии, показал примерное расположение к католикам при том дворе: он добился для оо. иезуитов разрешения выстроить каменную церковь и ссудил им для этого бес-
процентно 3000 реалов, а недавно с любовью предложил свои услуги оо. миссионерам, которые должны идти в Китай. Он почтительно просит Его Святейшество быть удостоенным титула кавалера, а от священной конгрегации звания агента и комиссара в тех краях. Поскольку я точно знаю, что его очень любит Его Величество царь, который не раз снимал с себя верхнюю одежду и одевал на него, а в прошлом году подарил ему дворец с садом стоимостью в 50000 реалов²⁶ и, наконец, отправляясь к во-
йску, приказал совету, оставленному управлять Москвой, чтобы не решали никакого дела без его участия, я на-
брался дерзновения со смиренiem сообщить эти новости Вашему Преосвященству и прошу вас умолить о награде (для Толстого и Владислави-
ча) от нашего Святейшего Владыки и священной конгрегации. Будьте уверены, что все это послужит к

Con che baciandole riverentemente la
Sacra porpora, mi raffermo qual sono

[Della] Vostra Eccellenza
Humilissimo Obligatissimo et
Ossequissimo servo
Gallani Arcivescovo d'Ancira e
Vicario Patriarcale

Pera di Costantinopoli li 22
Marzo 1709

All'Eccellentissimo Cardinale
Scripante. Roma

большой пользе нашего обряда в тех
краях.

Почтительно лобызая вашу
священную порфиру, неизменно
Вашего Преосвященства сми-
реннейший, признательнейший и
почтительнейший слуга Галлани, ар-
хиепископ Анкирский и патриарший
викарий

Пера Константинопольская, 22
марта 1709.

Преосвященнейшему кардина-
лу Сакрипанте²⁷. Рим.

2. Письмо П.А. Толстого Папе Римскому Клименту XII от 30 июня (ст.ст.) 1709 г.²⁸

Письмо на латыни опубликовано А. Тейнером [7. P. 433]. Оригинал хранится в Неаполитанском архиве, копии — в Ватиканском Тайном и в архиве Конгрегации пропаганды веры (НГА, Litterae principum, vol.146, f.95; ИАПФ, Scritture riferite nei congressi M.P.R. dal 1700 a tutto 1719. Tom 3, f.284–284 р.). В последнем документ обнаружил Е.Ф. Шмурло, который упоминает о нем в своем сборнике «Россия и Италия» [13. С. 229–230]. При переводе сличались версия Тейнера и копия из архива Конгрегации.

Если бы мы оставались в поле классификации царских посланий, то письмо можно было бы отнести к разряду верительных («верующих») грамот. Жанр же обращения государственного чиновника к главе государства и Церкви для русских до сих пор просто не существовал. Поэтому проще назвать его рекомендательной запиской.

Орфография подлинника сохранена, но сочетание «ij» заменено на «ii».

Beatissime Pater!

Mutui illius, quod Sanctitatem Vestram inter et Czaream Maiestatem intercedit, amicitiae, commercii conscius, ac praesertim summa illa, qua Graecos homines complecteris, benignitate fretus, haud quaquam dubitavi, praesentium latorem, qui et apud clementissimum Czarem Dominum meum, (quippe Medici in familia mea fungitur munere) opera sua meretur, et natione Graecus, Beatitudini Vestrae maiorem in modum commendare. Est is Georgius Polycala nobilis civis ex Insula Cephaloniae oriundus, vir ob preclaras animi dotes, peritiam, humanitatem, et pietatem mihi carissimus. In Italiam rerum suarum peragendarum causa proficiscitur, nec non Urbem, sacraque loca perlustrare illi animus est. Quamdui igitur Romae commoraturus, eum, ipsiusque negotia, quae et expedita *et cum dignitate ac laude coniuncta*²⁹, Beatitudini Vestrae, ita commendabo, ut intelligat, ipsem commendationem meam, apud Te vulgarem minime fuisse. Quo mihi nihil gratius accidere potest, quin et hominem acceptorum a Beatitudine Vestra beneficiorum maxime memorem fore, laudesque tot, tantisque virtutibus *tuis*³⁰ debitas, ubique terrarum celebraturum praestare audeo. Ad me, quod attinet, Beatitudini Vestrae cum omni grati animi sensu gratias referam quam possum maximas, pollicorque nullam a me in posterum praetermissum iri occasionem, qua Rem Catholicam in viciniis nostris iuvare, *uti et hactenus feci*³¹, et mutuum Beatitudinem Vestram inter, et Czaream Maiestatem amorem fovere *queam*³².

Interim me totum Beatitudinis Vestrae favori commando. Vale.

Constantinopoli 30 Junii 1709

Humillimus, et obsequentiissimus servus Petrus Talstoi

Блаженнейший Отец!

Зная о той взаимности, дружбе и коммерции, которые установились между Вашим Святейшеством и Его Царским Величеством, и особенно полагаясь на доброту, которой ты окружаешь греков, настоятельно и без тени сомнения рекомендую Вашему Блаженству подателя сего, подданного господина моего царя (и моего домашнего доктора). Будучи греком, он заслуженно носит свое звание. Это благородный Георгий Поликала, гражданин острова Кефалонии, муж прекрасной души и достоинств, весьма дорогой мне своей опытностью, человечностью и благочестием. Он отправился в Италию по своим делам, и, конечно, хотел бы посетить Рим и святые места. Пока он будет находиться в Риме, я препоручаю Вашему Блаженству его и его дела (которые приведены в порядок, а также полны достоинства и заслуживают похвалы), чтобы сам он понял, что моя рекомендация перед тобой не была пустыми словами. Для меня нет ничего приятнее, чем показать себя человеком, хорошо помнящим благодеяния, полученные от Вашего Блаженства. И я дерзко возвещать по всей земле похвалы, которых заслуживают Ваши столь многочисленные и столь великие добродетели. Что касается меня, то я от всей души приношу наибольшую благодарность Вашему Блаженству. Также обещаю не упускать ни единой возможности оказать содействие Католической Церкви в наших областях (как это делал и до сих пор) и поддерживать взаимное чувство любви между Вашим Блаженством и Царским Величеством.

Полностью предаю себя милости Вашего Блаженства. Прощайте!

Из Константинополя 30 июня 1709 года
Смиреннейший и почтительнейший слуга
Петр Толстой

3. Письмо иезуита, отца Адриано Верзо из Константино-
поля в Рим от 2 июля 1709 г.³³.

Документ входит в рукописный сборник «Varia spectantia ad Moscoviam et Moscovitas collecta anno 1710», копия которого хранится в Архиве Академии наук в Санкт-Петербурге (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 377. Л. 274–274 об.). Публикуется впервые.

Послание представляет собой рекомендательное письмо Верзо, начальника иезуитской миссии в Смирне, неназванному корреспонденту, находившемуся в Вечном городе. Очевидно, что адресат занимает важное положение в Обществе Иисуса.

Первой и главной темой является представление Георгия Поликала, о котором узнаем некоторые новые подробности. Так, в частности, сообщается, что в Турции он продолжал учебу у иезуитов, а также хотел приобрести в Италии диплом по медицине, хотя это кажется странным, поскольку он окончил с дипломом Падуанский университет, и вообще к тому моменту ему было не менее 55 лет.

Разумеется, он «добрый католик».

В письме упоминается Иоанн Хризоскол, племянник всемогущего драгомана Александра Маврокордато, невозвра-
щенец, иезуит и впоследствии медик [14. Р. 209–211].

Наконец, Верзо пишет о событиях, связанных с низложе-
нием сразу двух Патриархов Константинопольских — Киприана I (1707–1709) и Кирилла IV (который еще будет Патриархом в 1711–1713 гг.) и избранием Афанасия V Маргуния (1709–1711).

Орфография подлинника сохранена.

Copie delle lettere scritte da
Costantinopoli a Roma dal P. Adriano
Vezeau della nostra Compagnia Mis-
sionario in Grecia

Dal 2 Luglio 1709

Vi scrivo questa mia per vi
raccomandare il Sig. Policala Greco di
Nazione e di Rito, ma buon Cattolico,
e nostro buon e sincero amico. Ha
studiato il Latino e la filosofia sotto
il P. Cachod Missionario della nostra
Comp. in Grecia. Io gl'ho insegnato
ancora qualche parte della filosofia.
Il un homo di capacita, ha studiato

Копии писем, отправленных
из Константинополя в Рим от отца
Адриано Верзо нашего Общества,
миссионера в Греции.

От 2 июля 1709 г.

Пишу Вам это письмо с тем,
чтобы рекомендовать господина
Поликала, грека по происхождению
и обряду, но доброго католика и на-
шего доброго и искреннего друга. Он
штудировал латинский язык и фило-
софию у отца Кашода, миссионера
нашего Ордена в Греции. Я также
ему преподавал некоторые части

sotto il medico Spaletti. И stimato in questo paese, et i medico del Sig. Ambasciatore di Moscovia in questa corte, dal quale Ambasciatore riceviamo tutti i contrassegni di bonta, et il quale scrive una bellissima lettera latina a Sua Santita ancora che il Sig. Policala sia dottissimo nella sua arte desiderarebbe pert pigliare il dottorato in qualche universita d'Italia, fatto di tal maniera ut cognoscat meam commendationem non esse vulgarem.

Lui andera in Moscovia col Sig. Ambasciatore Moscovita, e potra essere assai utile a nostri padri Missionarii in quello paese dove hanno multe Residenze, et ho inteso della Bocca medesima del Sig. Ambasciadore che alla sua raccomandazione il Czar, vuol fare gran bene alla nostra Compagnia.

Se nostro R. P. Segretario Generale il R. P. Olivieri si deigna presentare a Sua Santita il Sig. Policala, questo fara piacere al Sig. Ambasciadore di Moscovia, il quale se ne sentira obligato.

Il Sig. Maurocordato non vuol sentir parlare del suo nipote il Maestro Crisoscoco. Sinch' sia morto non potremo mai far niente con i suoi parenti, i vecchio e molto infermo. Vi ho scritto che, il Sig. Maurocordato era stato sul punto di morire poco tempo fa. Io conservo i Regali di devozione che il Maestro Crisoscoco mi consegnò a Roma per suoi parenti, i quali non vogliono, t piuttosto non hardiscono riceverli per risguardo del vecchio Maurocordato.

Il Patriarca Greco è stato deposto da Principali Metropolitani della loro chiesa, e stato fatto prigioniero una settimana in circa per ordine del gran vizire; fratanto hanno proceduto all'elezione d'un altro Patriarca, il quale doppo la sua elezione fu condotto alla

filosofia. Он способный человек, изучал медицину у доктора Спалетти. Его уважают в этой стране, и он является личным врачом господина посла Московии при этом дворе, от которого мы получаем всевозможные знаки расположения. Он написал Его Святейшеству по-латински прекрасное письмо. Хотя господин Поликала прекрасный специалист в своем деле, ему хотелось бы получить диплом в каком-нибудь итальянском университете, и [хорошо бы] это сделать таким образом, чтобы он понял, что моя рекомендация не была пустыми словами³⁴.

Он поедет в Москвию с господином послом и сможет быть весьма полезен нашим отцам-миссионерам в этой стране, где у них много работы, и я сам слышал из уст господина посла, что по его ходатайству царь хочет освятить наш Орден благодеяниями.

Если наш преподобный отец генеральный секретарь, Его Преподобие отец Оливьеи будет так любезен и представит господина Поликала Его Святейшеству, это доставит удовольствие господину послу Московскому, который будет весьма обязан.

Господин Маврокордато не хочет слышать о своем племяннике учителе Хризосколе. Мы с родственниками последнего ничего не сможем сделать, пока жив дядя, а он стар и болен. Я писал Вам, что господин Маврокордато был при смерти несколько времени назад³⁵. Я сохраняю почтительные подарки, переданные мне учителем Хризосколом в Риме для его родных, которые не хотят, вернее, не дерзают принять их из-за страха перед старым Маврокордато.

Греческий Патриарх был низложен главными митрополитами их Церкви и по приказу великого визиря в течение примерно недели находился под стражей. Тем временем приступили

chiesa patriarcale, dove fu riconosciuto da tutti i Vescovi ed il popolo; ma il nuovo Patriarca, accompagnato da tutti quei che l'havevano eletto essendo andato al gran vizire per riceverne il Caftan, cion la veste; fu deposto dal medesimo vizire, il quale mise in suo luogo l'Arcivescovo d'Adrianopoli. A questa occasione un papas greco mi disse con una grazia singolare ch'il Spirito Santo haveva abbandonato la loro chiesa per andar allogiarsi nella testa del vizire. Questo modo di parlare in lingua greca e molto piu grazioso che nella lingua francese.

к избранию другого Патриарха, которого затем привели в патриаршую церковь, где он был признан всеми епископами и народом. Однако новый Патриарх, сопровождаемый всеми теми, кто его избрал, по приходе своем к великому визирю с тем, чтобы получить от него «кафтан», то есть облачение, был низложен этим самым визирем, поставившим на его место архиепископа Адрианополя. По этому поводу один греческий священник с особым удовлетворением сказал мне, что Святой Дух оставил их Церковь, чтобы поселиться в голове визиря. Эти мысли по-гречески звучат намного более изящно, чем по-французски.

Сокращения

ГАВ — Государственный архиве Венеции.

ГАН — Государственный архив Неаполя.

ИАПФ — Исторический архив Конгрегации пропаганды веры.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.

Литература

Шмурло Е.Ф. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого: 1697–1707 // Историки-эмигранты: Вопросы русской истории в работах 20–30-х гг., Отв. ред. А.Н. Сахаров, М.: ИРИ РАН, 2002. С.210–257.

Ястребов А.О., протоиерей. Петр Великий и Римская Церковь // Церковь и время 2 (75) 2016, С. 190–207.

царствования императора Петра Великого. Ч. 1. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1903. 728 с.

Письма и бумаги Петра Великого / Письма и бумаги императора Петра Великаго. В 13-ти томах. Годы выпуска 1887–2003, СПб.: Государственная типография, 11000 с.

Шмурло Е.Ф. Сборник документов, относящихся к истории Ольшевская Л.А., Травников С.Н. (под ред.) Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 // Литературные памятники. М.: Наука 1992. 382 с.

Pierling P. La Russie et le Saint-Siège, vol. IV, Paris: Librairie Plon, 1907. 464 p.

Theiner A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michailowitch, Fyodor III et Pierre Le Grand czars de Russie: Extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome: Impr. du Vatican, 1859. — XXII, 556 p.

Turgenev A.I. (сост.) Historica Russiae monumenta ex antiquis exterarum gentium arcivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio. V. I–II. Petropoli: Typographia E. Pratz, 1841–1842 (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек, собранные А. И. Тургеневым, СПб: Типография Э. Праца 1841–1842).

Benzoni G. Venezia e la Grecia // Il Veltro. Rivista della civiltà italiana 3–4 anno XXVII Maggio–Agosto 1983. P. 421–438.

Predelli R. (a cura di) I libri dei Commemoriali della repubblica di venezia, Regesti. T. I–VIII. Venezia: Premiato stabilimento grafico Cav. Federico Visentini 1876–1914.

Preto P. I servizi segreti di Venezia. Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milano: Il Saggiatore, 2010. 638 p.

Лещиловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII веке. СПб.: Алетейя, 2006. 296 с.

Шмурло Е.Ф. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Том IV. Л.: Изд. Академии наук СССР, 1927. 337 с.

Del Chiaro A.M. Istoria delle moderne rivoluzioni della Valachia: Con la descrizione del paese, natura, costumi, riti e religione degli abitanti. Venezia: A. Bortoli, 1718. 232 p.

Примечания

¹ Католические державы прислушались к этому призыву. Так, посол Венеции в Стамбуле Лоренцо Соранцо сообщает в 1700 г. в Сенат, что всемерно стремится содействовать прибывшим в

столицу русскими послам во главе с Е. Украинцевым во исполнение предписания правительства, к которому обратился папский представитель в республике Святого Марка. ГАВ, Senato, Dispacci ambasciatori e residenti. Constantinopoli, Filza 164, f. 169.

Конечно, дальше небольших услуг помочь западных держав не шла, что и вызывало недовольство Петра — он рассчитывал на серьезный дипломатический нажим со стороны Вены и Венеции.

² Из писем такого рода можно, пожалуй, еще назвать «супплику» А. Курбатова Папе Иннокентию XII (апрель 1698 г.). См.: [3. Ч. 1. С. 359–362].

³ Такой случай произошел с ним всего через год с небольшим после его посещения Рима, в 1711 г.

⁴ «Trovandosi presente in Curia il sig. dottore Giorgio Policala Greco Cattolico Romano...» ИАПФ, Acta Sanctae Congregationis 1709, vol. 79, f. 546, Ср.: ИАПФ, Scritture originali riferite nelle congregazioni generali, vol. 569, f. 575 р.

⁵ Грамота Петра I П.А. Толстому с объявлением о победе датирована днем самого сражения, 27 июня ст.ст. См.: ПБПВ, IX (1), С. 233. Днем позже отдельное сообщение ему написал Г.И. Головкин (впрочем, отправил его только 2 июля, а получено оно было 22 июля). Первые же известия посол получил 16 июля ст.ст., причем не от царя и не от канцлера, а от турецкого чиновника, Юсуп-паши силистрийского, приславшего из Бендер гонца с сообщением к великому визирю и к Толстому. См.: [4. Т. IX (2). С. 996–998].

⁶ Вполне возможно, что посол познакомился со своим будущим домашним врачом, которого впоследствии примет на русскую дипломатическую службу, еще в период своего первого пребывания в Венеции в 1697–1698 гг. После 1711 г. Поликала за свою преданность будет отмечен царем и назначен лейб-медиком Екатерины. До конца своего пребывания в России (1725 г.) он останется в близких отношениях с Толстым, который будет употреблять его влияние и знания в собственных интересах.

Впрочем, документ совпадает по времени с изменением личного отношения Петра Андреевича к грекам, которое от оптимистического к концу его турецкого мандата стало весьма

скептическим, если не сказать отрицательным.

⁷ О надеждах католиков на Куракина имеется ряд указаний в архивных источниках. Например: ИАПФ, *Acta Sanctae Congregationis*, vol. 80, 1710, f. 24 r.

⁸ См.: ИАПФ, *Acta Sanctae Cogregationis* 1709, vol. 79, f. 327–328 доклад в Конгрегацию пропаганды веры от 1 июля 1709 г.

⁹ Там же, f. 328.

¹⁰ СПБФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 377. Л. 281–281 об. Благодарю Галину Ивановну Смагину за обнаружение в Архиве Академии наук нужного мне рукописного сборника, а также сотрудников упомянутого архива за любезное предоставление в мое распоряжение необходимых мне документов.

¹¹ ИАПФ, *Acta Sanctae Cogregationis* 1709, vol. 79, f. 509–509 r. Доклад от 16 декабря 1709 г. Ср.: Там же, *Scritture originali riferite nelle congregazioni generali*, vol. 569, f. 379 r.

¹² ИАПФ, *Acta Sanctae Cogregationis* 1710, vol. 80, f. 26. Доклад от 27 января 1710 г. (на основании письма Галлани от 2 ноября 1709 г. Ср.: ИАПФ, *Scritture originali riferite nelle congregazioni generali*, vol. 570, f. 116–116 r.).

¹³ «*Ad proximus § = jam provisum, et d. secretarius curet pro secretariae status respondevi literae scriptae Sanctitatis Suae ab Oratore moscoviae. Ad § avvisa = relata*». ИАПФ, *Scritture originali riferite nelle congregazioni generali*, vol. 570, f. 117 r.

¹⁴ РГАДА, фонд 89, Сношения России с Турцией, Оп. 1, 1703, ед. хр. 2, ЛЛ. 218 об.–219.

¹⁵ Письмо датировано июлем 1710 г. Опубликовано [7. Р. 442].

¹⁶ Письмо от 19 декабря н.ст. 1710 г. Опубликовано [8. Р. 302–304].

¹⁷ Напр.: ГАВ, Senato, *Dispacci degli ambasciatori e residenti, Costantinopoli*, filza 166, f. 99–100, filza 167, f. 59–61, 77–80, 101–101 r., 105–105 r., 139–145.

¹⁸ ГАВ, Senato, *Deliberazioni, Costantinopoli, Registri*, 36, f. 53. Под еретиками, естественно, подразумеваются прежде всего греки. Ср.: [9].

¹⁹ ГАВ, Senato, *Deliberazioni, Costantinopoli, Registri*, 36, f. 46.

²⁰ ГАВ, Senato, *Deliberazioni, Costantinopoli, Registri*, 36, f. 70 r.–71. Письмо Сената от 3 марта 1703 г.

²¹ Патриарх Иерусалимский Досифей усиленно просил Петра заступиться за греков, что тот и делал неоднократно через наших послов П. Возницына на конгрессе в Карловцах (1698–99) и Е. Украинцева во время переговоров в Константинополе в 1701 г., а также в личных письмах к султанам Мустафе II (от 30 января ст.ст. 1701 г.) и Ахмеду III (29 июня ст.ст. 1709 г.). Венецианский посол Соранцо в 1702 г. пишет о трудностях, с которыми столкнулись францисканцы в Иерусалиме, и прямо винит в их проблемах Россию. См.: ГАВ, Senato, Dispacci degli ambasciatori e residenti, Costantinopoli, filza 166, f. 143–152, а также [10. Р. 112].

²² Л. Соранцо доносит о том, что кроме общего негативного настроя турок в отношении латинян и некоторых притеснений, которые имели место, случались еще досадные недоразумения несистемного порядка. Так, например, могущественный Маврокордато был раздражен против «католической религии» из-за того, что его племянник Хризоскол (которого Соранцо ошибочно именует Христодулом), отправленный в Италию на учебу, вздумал сделаться иезуитом. В Рим, куда юноша перебрался из Падуи, был послан из Константинополя некий архимандрит, чтобы убедить его вернуться, однако тот не слушал увещаний. Посол сообщает, что старается всячески задобрить драгомана и «молится, чтобы это событие не навредило религии в этих землях». Далее он пишет, что по просьбе самого Маврокордато ссыжал через своего сына, прокуратора республики, деньги посланному архимандриту, который, по-видимому, задержался в Риме значительно дольше запланированного. Соранцо не забывает заметить, что Маврокордато не вернул ему эти средства, хотя и сам посол посчитал ненужным просить его об этом. См.: ГАВ, Senato, Dispacci ambasciatori e residenti. Constantinopoli, Filza 167, f. 300; ГАВ, Archivi propri degli ambasciatori, Constantinopoli, pezzo 28, f. 477 r.– 478.

Сенаторы отмечают факт обращения племянника в католичество и несколько издевательски пишут: «Мы уверены, что упомянутый министр (Маврокордато — А.Я.) будет им доволен» (ГАВ, Senato deliberazioni, Costantinopoli registri 36, f. 60). Наконец, Прегади одобрит поведение посла Соранцо и его сына, ссудивших греков деньгами, и гарантирует компенсацию (Там же, f. 89–89 r.).

Повод для соблазна подавали и сами миссионеры, которые, например, устроили обструкцию апостольскому визитатору, чиновнику, который по поручению понтифика прибыл в Турцию для инспекции тамошних церквей и монастырей. Францисканцы-реформаты, капуцины, доминиканцы и иезуиты не позволили визитатору-кармелитину посетить их общину, несмотря на имеющееся у него папское бреве — официальное предписание, обязательное к исполнению (ГАВ, Archivi propri degli ambasciatori, Constantinopoli, 28, f.587–587 r. депеша от 19 ноября 1703 г.). Были и другие случаи неблаговидного поведения членов различных религиозных конгрегаций.

²³ Перевод А.О. Ястребова.

²⁴ О связях архиепископа с Петром I имеются сведения в периодическом издании XVIII в.: Novelle letterarie pubblicate in Firenze, Vol. 2. Firenze: Stamperia Granducale, 1771. Р. 762. Там высказывается фантастическая мысль о том, что именно его хотел назначить царь Патриархом Московским после заключения унии с Римской Церковью. О секретной переписке с царем стало известно в Риме, и Галлани отправили из Константинополя в Рагузу. Приведем здесь цитату из книги П. Прето «Спецслужбы Венеции»: “Figura centrale dei servizi segreti veneziani a Costantinopoli tra il 1715 e il 1719 и monsignor Raimondo Gallani, vescovo di Ancyra, visitatore apostolico delle isole egee e vicario patriarcale della capitale, che sotto il nome di Macario Dimistraschi, mercante in Filippopoli, manda dispacci in cifra al solito Simone Arrivabene di Smirne, che li inoltra a Venezia via Livorno-Marsiglia oppure via Vienna: a guerra finita riceve compensi e lodi dagli Inquisitori che il 9 marzo 1720 accettano la sua offerta di continuare il flusso informativo anche in tempo di pace.” [11. Р. 256]. Благодарю М. Корти за любезное указание на вышеназванные издания.

²⁵ Разновидность папского послания.

²⁶ См.: [12. С. 274].

²⁷ Кардинал Джузеппе Сакрипанте (1642–1727) был префектом Конгрегации пропаганды веры (1704–1727).

²⁸ Перевод: А.О. Ястребов, Г.С. Беликов. Благодарю Григория Сергеевича Беликова за консультации при переводе письма.

²⁹ Слова, выделенные курсивом, у Тейнера отсутствуют.

³⁰ В копии ИАПФ — «suis».

³¹ Слова, взятые курсивом, в копии ИАПФ взяты в скобки.

³² В копии ИАПФ — «queo».

³³ Перевод: А.О. Ястrebов.

³⁴ Фраза, выделенная курсивом, написана по-латыни.

³⁵ Александр Маврокордато скончался в декабре того же, 1709 г.

*Священник Александр Сухарев**

О НАЧАЛЕ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

Литургическое движение — уникальное по характеру и масштабу явление в жизни Католической Церкви XIX–XX вв., направленное на активное и сознательное участие христиан в богослужении. Результатом литургического движения стал II Ватиканский собор и последовавшие за ним богослужебные реформы. Вследствие разных причин в 20-е гг. XX в. одним из центров литургического движения стала Германия. В представленной статье содержится краткий обзор начального периода литургического движения в Германии (1913–1923), анализируются его истоки и основные направления,дается характеристика его главных деятелей, рассмотрены главные противоречия, возникшие между ними в процессе совместной работы по обновлению церковной жизни.

* Автор — магистр богословия, пресс-секретарь Московской епархии, клирик Новодевичьего монастыря г. Москвы.

Ключевые слова: Католическая Церковь, литургическое движение, Ильдефонс Хервеген, аббатство Мария Лаах, Католический союз академиков, Херманн Платц, Романо Гвардини, наука о литургии, месса, молодежное движение, Abendland-Idee, Gemeinschaft.

Литургическое движение — неотъемлемая часть сложного процесса обновления церковной жизни в первой половине XX века. Его основная цель — углубление христианской жизни посредством активного участия в литургии — стала лейтмотивом Конституции о священной литургии *Sacrosanctum Concilium* II Ватиканского собора (1962–1965). Изучение литургического движения позволяет правильно понять проблематику учения собора и оценить его значимость для Католической Церкви.

Начальный период литургического движения связан со стремлением бенедиктинских монахов Бельгии и Франции удалить из мессы несвойственные ей элементы и тем самым возвратиться к литургической традиции Древней Церкви. Второй период носит преимущественно пастырский характер. В 1909 году на конгрессе в Мехелене монах бенедиктинского аббатства Мон-Сезар Ламбер Бодуэн выступил с докладом «О молитве Церкви», в котором затронул вопросы евхаристических корней Церкви и литургии как источника благочестия. Он считал, что богослужение следует сделать понятным максимальному количеству людей, чтобы они могли активно и сознательно в нем участвовать. В составленной им программе литургического движения Бодуэн предложил конкретную программу реформирования различных сфер церковной жизни (богослужение, благочестие, наука, искусство и просвещение) и призывал всех католиков принять участие в ее реализации¹.

Литургическое движение иногда связывают с церковным модернизмом, однако эта точка зрения ошибочна. Начавшись как инициатива «снизу», оно получило косвенную поддержку Папы Пия X (1835–1914). В начале XX века

он издал несколько документов, в которых шла речь о возвращении в лоно традиции Древней Церкви². Приписываемая ему фраза «Не молитесь на мессе, а молитесь мессой» стала одной из самых цитируемых в литературе, посвященной литургическому обновлению³.

Литургическое движение развивалось в контексте исторических процессов, порожденных формированием новой картины мира. Его сторонники одинаково отрицательно относились к научному позитивизму, субъективизму, интуитивизму, эзотерическим учениям и призывали к возрождению теоцентристической картины мира. Всё это совпадало со стремлением Пия X оградить Католическую Церковь от влияния многочисленных модернистских и релятивистских течений⁴. Эта «отрицательная» полемика стала одной из составляющих литургического движения.

У современных ученых нет единой точки зрения относительно того, насколько однородным было литургическое движение⁵. В разное время в разных странах оно протекало с разной интенсивностью, в нем существовали течения, которые не просто шли параллельно друг другу, но пересекались и смешивались, иногда образуя довольно сложное сочетание. В каких-то случаях направление литургического движения диктовалось внешними причинами и находилось под влиянием общественно-политических процессов. Для того чтобы понять, каким образом оно принимало те или иные формы и как изменилось с течением времени, мы выбрали первые десять лет литургического движения в Германии (1913–1923). По интенсивности и насыщенности этот период стал определяющим для всего движения в целом. Зерна литургического движения, посеянные монахами-бенедиктинцами, взошли благодаря духовному подъему послевоенных лет.

Существует несколько точек зрения относительно начала литургического движения в Германии⁶. К. Мольберг указывает на 1911 год, когда он и Р. Гвардини впервые поставили вопрос о том, как можно перенять опыт

Л. Бодуэна и пересадить бельгийское «дерево» на немецкую почву. Большинство исследователей указывают на Пасху 1913 года, когда будущий аббат бенедиктинского монастыря Мария Лаах И. Хервеген вошел на правах наставника в дружеский круг т.н. «академиков» — молодых мирян-католиков из Дюссельдорфа (впоследствии членов Католического союза академиков). И, наконец, Ф. Хенрих отсылает нас к началу 1920-х годов, когда Р. Гвардини начал совершать регулярные богослужения в Бург-Ротенфельсе, месте проведения конференций молодежного движения «Quickborn» («Родник»).

Все эти точки зрения не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Соединенные вместе, они представляют собой своеобразную концепцию «трех начал». Каждое из упомянутых событий начинало как-то важный процесс — возникновение науки о литургии, просветительскую деятельность, первые богослужебные реформы и т.д. Такая постановка вопроса определяет и структуру нашей статьи. В главе, посвященной предыстории литургического движения и его первым «двум началам», говорится также о его главных фигурах — Р. Гвардини, И. Хервегене и «академическом» круге монастыря Мария Лаах. Здесь же рассматривается вопрос о богословском методе Гвардини и о духовной традиции ордена святого Бенедикта. Далее рассказывается о том, какие изменения произошли в жизни Католической Церкви после войны и о причинах разногласий внутри литургического движения. Отдельная глава посвящена первым опытам по реформированию богослужения и «третьему началу» — участию Гвардини в молодежном движении. В заключение сделан краткий анализ составляющих литургического движения и дана его общая характеристика.

О «двуих началах» литургического движения в Германии

Гвардини и Мольберг: рождение науки о литургии

Первое рассматриваемое нами свидетельство принадлежит ученому-историку, монаху аббатства Мария Лаах Куниберту Мольбергу (1878–1963). В письме 1935 года он вспоминает о том, как началась его совместная научная работа со священником и богословом Романо Гвардини (1885–1968)⁷. В 1911 году, когда Мольберг учился в Левенском университете и жил в аббатстве Мон-Сезар, он принимал участие в литургических конференциях, на которых выступал и Ламбер Бодуэн. Эти собрания посещали не только монахи, жившие в монастыре, но и студенты, и клирики, и простые прихожане. Когда Мольберг вернулся в Германию, он захотел перенести это начинание в родное аббатство Мария Лаах, однако поначалу поддержки не получил. Параллельно он вел переписку со своим другом Р. Гвардини, в которой центральное место занимал вопрос о том, как сделать литургию доступной пониманию людей. Профессиональный историк, специалист по древнеримской литургии, Мольберг делал акцент на исследовании источников, а Гвардини обращал внимание на культовую основу богослужения, а точнее говоря, на природу литургического акта. Вместе они исследовали, каким образом взаимодействуют друг с другом различные части литургии (антифоны, псалмы, чтение Писания), что выражает каждая из них и каким образом они формируют единое целое.

Занимаясь изучением богослужебных текстов, Мольберг находил подтверждение того, что литургия — это прежде всего совместная, общая молитва: «Я видел в литургии молитву и жертву христианской общины. Эта мысль... следовала из учения нашего приора Колумбы Мармиона, который... постоянно говорил нам о жизни Христовой в

нас и о мистическом Теле Христовом... Так случилось, что [в Мон-Сезар. — А.С.] я ежедневно имел дело с сакраментариями, в которых литургические формулы то и дело стоят во множественном числе, а значит, говорят об общей молитве. Мои идеи я отправил в Боннский университет и позже повторил их братии Мария Лаах»⁸.

В качестве метафоры, описывающей совместную работу, Мольберг и Гвардини использовали понятие «дерева», в котором продольный разрез означает исторический взгляд, а поперечный разрез — систематический. Соединение двух этих составляющих Р. Гвардини назвал «наукой о литургии» (*Liturgiewissenschaft*). Богослужение рассматривалось также с эстетической точки зрения (как произведение искусства) и с педагогической (как средство религиозного воспитания).

Общеизвестна формула Проспера Аквитанского: «Закон веры определяется законом молитвы». Заслуга Мольберга и Гвардини состояла в том, что они вновь стали говорить о литургии как о богословии по преимуществу. Всё, что есть в сокровищнице Церкви: Священное Писание, догматы, богослужебные тексты, молитвенная жизнь, — так или иначе связано с литургией и из нее прорастает. Литургия — не только объект изучения, но и способ познания Бога и Его благодатного действия. «По тому, как Церковь совершает молитву и живет, я познаю, как Бог, Христос и Святой Дух, Пресвятая Троица относятся к людям и что значит Его благодать, — потому что христиане не самодостаточны, в них живет Святой Дух», — писал Гвардини⁹. Только принимая активное и сознательное участие в литургии, понимая значение каждого текста, жеста, общей направленности соборной молитвы, — человек может узнать Бога и соединиться с Ним. В отличие от литургики, семинарского предмета, который рассказывает о последовательности богослужебных действий, наука о литургии обратилась к решению насущных вопросов современности, и ее главной целью стало религиозное просвещение.

Многое из того, что обсуждали Гвардини и Мольберг, нашло свое отражение в серии «Церковь молящаяся» (*Ecclesia Orans*) и «Литургическом альманахе», которые стали издаваться аббатством Мария Лаах после окончания войны.

Романо Гвардини и открытие литургической молитвы

Романо Гвардини — один из самых известных богословов XX века. Застенчивый, невысокого роста человек с тихим голосом, выходец из итальянской Вероны, — он стал фигурой, которой суждено было изменить представление миллионов людей о том, что такое Церковь и литургия. В 1906 году, во время учебы в католической школе в Тюбингене, Гвардини познакомился с экклезиологией И.-А. Мёлера (1796–1838), который смотрел на Церковь как на органическое единство ее членов, которое животворит Святой Дух. Мёлер не отрицал Церковь как институт, но понимал его не как административную структуру, а как видимую связь со Христом, Который продолжает в ней действовать Своим словом и любовью¹⁰. В том же 1906 году Гвардини посетил Бойронское аббатство, в котором неизгладимое впечатление на него произвело уставное монашеское богослужение. Впоследствии вся деятельность Гвардини — научная, практическая и педагогическая — была посвящена раскрытию тезиса о Церкви как Теле Христовом и литургии как главной молитвы Церкви.

Когда Гвардини был священником в Майнце (1912–1915), он замечал, что во время мессы люди молятся по розарию или заняты другими духовными упражнениями. «Бессмысленность этой деятельности была невыносима, и я мог избежать духовного вреда, только когда перестал это замечать»¹¹, — впоследствии вспоминал он. В это время Гвардини сделал первые наброски к своей будущей книге «О духе литургии» (1917), которая сразу же стала настольной книгой немецкой интеллигенции. Отвечая на вопрос о сути литургии, Гвардини описывает ее одновременно

как благодатную реальность и культурный феномен, как божественное установление и человеческую структуру, как игру и как стиль. «Литургическая форма предполагает ясность языка, сдержанность движений, строгое использование пространства, материалов, цветов и звуков; ее идеи, языки, обряды и изображения происходят из простых элементов духовной жизни... Она содержит внутренний мир неизмеримой широты и глубины»¹². Больше всего Гвардини интересуется тем, с помощью каких средств литургия выявляет общинную природу Церкви, и тем, как ведет себя человек в литургическом пространстве. Он всё время напоминает о том, что литургическая молитва совершается не одним человеком и не группой людей, а всей Церковью, поэтому она требует от индивида добровольного отказа от удовлетворения своим вкусам, духовной и телесной дисциплины. Гвардини объясняет, что значит «символ» и как соотносятся друг с другом эстетика богослужения и вера, которую оно выражает.

В последней главе книги Гвардини формулирует христианскую концепцию культуры, используя философские понятия «логоса» и «этоса». Гвардини был серьезно обеспокоен тем, что в жизни современной Церкви искажены взаимоотношения между этосом и логосом (в обычном философском понимании логос означает идею или модель мышления, а этос — ее практическую реализацию). Гвардини считал, что в основе современной культуры лежит механистичный и утилитарный «логос», в то время как в Церкви Логосом является Бог, отдающий Себя в жертву из любви к человеку. Христианскому мировоззрению соответствует концепция культуры, в которой логос превалирует над этосом, созерцательная жизнь предваряет и обуславливает активную жизнь. Гвардини критиковал самодовольный, излишне практичный подход к таинственной жизни Церкви и к культуре вообще. Литургию он считал совершенной красотой, произведением искусства, демонстрирующим принцип превосходства логоса над этосом¹³.

Основополагающим для богословия Гвардини был принцип единства сущего, восходящий к Бонавентуре и еще дальше — к неоплатонизму. Он предполагает, что всё творение представляет собой иерархическое единство, в котором каждая ступень разделяет полноту общего бытия. Вершина этой иерархии — Бог, к Которому она стремится и на Которого указывает. Этот принцип позволяет рассматривать Церковь как органическое единство, члены которого не могут существовать друг без друга — как это происходит в человеческом теле. Принцип единства сущего Гвардини считал основой идеи религиозного единства.

Описывая реальность таинственной жизни Церкви, Гвардини использовал философский «принцип оппозиции» (*der Gegensatz*), заимствованный им у Мёлера. Он предполагает два изначально противоположные понятия, между которыми сначала возникает напряженность, а затем единство, но уже на более глубоком уровне. Этот принцип позволял Гвардини утверждать, что любое противоречие, неразрешимое в эмпирической действительности (субъект и объект, индивид и община, красота и практичность, дисциплина и свобода), можно преодолеть в благодатной жизни Церкви.

В отличие от общепринятой, дедуктивной модели богословского исследования (в соответствии со схоластическим правилом: тезис — обмен мнениями — доказательство — разрешение противоречий — заключение), Гвардини использовал восходящую к блаженному Августину индуктивную модель, в которой отправной точкой является опыт духовной жизни. Индуктивное мышление отталкивается от конкретной, индивидуальной реальности событий и потому всегда открыто для нового понимания вещей. Гвардини не оперирует умозрительными понятиями, а пишет о конкретном опыте переживания, восприятия, встречи.

Рассматривая какой-либо богословский вопрос, Гвардини, как правило, не опирался на исторические

данные, а искал его экзистенциальную основу. Обращаясь к современному человеку, он говорил о том, что понятно и важно каждому: дружба, одиночество, жажда познания Бога — и отталкиваясь от этого, предлагал какое-то богословское решение проблемы. Можно сказать, что главный посыл Гвардини носил не внутрицерковный, а общечеловеческий, миссионерский характер.

Гвардини был талантливым педагогом и организатором. В течение пяти лет он был капелланом молодежного объединения «Ювентус», а впоследствии стал одним из лидеров молодежного движения «Родник» (Quickborn) — одного из самых крупных молодежных католических объединений Германии. В течение многих лет Гвардини занимал профессорские должности в немецких университетах: Берлинском (1923–1945), Тюбингенском (1945–1947) и Мюнхенском (1948–1963).

«Академики» и аббатство Мария Лаах

«Второе начало» литургического движения связано с просветительской деятельностью бенедиктинского аббатства Мария Лаах и академического круга католиков-интеллектуалов (т.н. «академиками»). Монастырь Мария Лаах, в течение XIX века претерпевший гонения со стороны Франции и прусского правительства, а затем вернувший себе прежний статус, в начале XX века стал символом возрожденного монашества, живущего по древнему уставу святого Бенедикта Нурсийского. Аббат монастыря Ильдефонс Хервеген (1874–1946) нуждался в образованных мирянах, которые могли бы распространять знания о традиционном церковном богослужении среди народа. В свою очередь, группа «академиков», образованная в 1911 году Теодором Абеле (1879–1965), занималась созданием культурных механизмов для сопротивления многочисленным антицерковным течениям в обществе. То, что «академики» считали основой своей культурной модели: красоту, порядок и устремленность

к Богу, — они увидели в бенедиктинском монашестве. Впервые Хервеген и «академики» встретились на заседаниях «Союза католиков, получивших академическое образование» (Verein akademisch gebildeter Katholiken), в Дюссельдорфе, а на Пасху 1913 года они были впервые приглашены в Мария Лаах. Начиная с 1913 года, когда Хервеген стал аббатом и пасхальные встречи в монастыре превратились в ежегодные, он начал знакомить «академиков» с монашеской традицией ордена святого Бенедикта.

Академический круг, собравшийся в Мария Лаах, был частью интеллектуальной элиты новой Европы: Х. Брюнинг впоследствии стал рейхсканцлером, Р. Шуман — министром иностранных дел Франции, Х. Платц — профессором и министром культуры земли Северная Вестфалия, А. Демпф — философом, Ф.К. Мюнх — секретарем Католической академической ассоциации, П. Симон и Т. Абеле — богословами. Почти все они родились в восьмидесятые годы XIX века (их учитель Хервеген — в 1874 г.), когда только заканчивался унизительный для католиков период секуляризации и «борьбы за культуру»¹⁴. Все они учились в университетах Южной Германии и Эльзаса, где изучали богословие и историю Церкви под руководством ведущих представителей академической науки — Х. Шелля, У. Штутца, Х. Шрёrsa. Почти все они были убежденными монархистами, участвовали в Первой мировой войне, а после поражения и провозглашения Веймарской республики в 1918 году выступали за возрождение национального духа и за объединение Европы на основе «западного» мировоззрения (т.н. Abendland-Idee). Результатом этого единства веры и убеждений стала культурная стратегия, в которой католицизм противостоял либерализму, модернизму и индивидуализму — последствиям эпохи Просвещения и «борьбы за культуру».

В 1900 году «академики» попали под мощное интеллектуальное влияние Херманна Шелля (1850–1906) —

священника и богослова, представителя Тюбингенской католической школы. Шелль, которого называют одним из предтечей II Ватиканского собора, выступал за открытость и интеллектуальную честность католиков, за воспитание активных и ответственных мирян, которые могли бы принимать активное участие в жизни общества. Делая попытку переосмыслить общественную и культурную роль Католической Церкви в Германии, Шелль утверждал, что действие Бога в жизни человека проявляется только тогда, когда он пытается изменить общество, в котором живет. Эта трансформация понималась как реализация владычества Бога, Который желает привести всё творение к конечной эсхатологической цели¹⁵. В своем богословии Шелль создавал синтез веры и знания, который мог бы отвечать на интеллектуальные вызовы времени. Он был убежден, что, будучи живым организмом, находящимся в благодатном общении с Троицей, Церковь развивается и изменяется во времени. Шелль считал, что Церковь может менять окружающую действительность и вступать в диалог с современным миром, используя язык и понятия этого мира. Шелль не боялся критиковать недостатки церковной жизни, в частности, молитвенный индивидуализм и увлечение обрядовой стороной богослужения.

Несколько лет спустя, оказавшись в монашеской среде, «академики» получили ответы на многие вопросы и недоумения, которые ставила перед ними современность. Живопись Бойрона помогла им понять, как организовано литургическое пространство, в котором всё является символом восхождения верующей души к Богу. Они были поражены строгой красотой и порядком монашеского богослужения, григорианским хоралом, духом общей молитвы, скромностью жизни и доброжелательностью бенедиктинских монахов. «Это было чудесное ощущение — осознавать себя частью внутренней жизни Церкви; несмотря на недостоинство, приближаться к сообществу святых, живо ощущать реальность Церкви. Эта живая

реальность и есть то основание, на котором возможно решение проблемы культуры и души»¹⁶, — писал Х. Платц.

В привычной для них церковной жизни всё было другое. Вместо литургической молитвы процветали различные формы личного благочестия; вместо стройного григорианского пения — концертное исполнение в «вагнерианском» стиле; месса часто без молящихся; вместо красивых и простых литургических предметов — безвкусные подделки; вместо церковной живописи, возводящей ум к Богу, — чувственные картины и изображения, рассчитанные на внешний эффект. В типовых изданиях миссала обряд причащения верных не был включен в чинопоследование и публиковался в отдельной главе. Литургическая жизнь потеряла целостность и теоцентричность. Культ уступил место церемонии. «Академики» были полностью согласны с диагнозом, который поставил Католической Церкви их учитель Шелль: «Раздробленность религиозной и нравственной жизни и мышления»¹⁷.

Задумывая свой просветительский проект, «академики» помнили о предупреждениях своего учителя. Основой их деятельности стал непосредственный, живой опыт церковной жизни. «В нашем сердце было желание лучше познакомиться с бенедиктинской литургией и привести ее в соответствие со своей жизнью и вместе сделать так, чтобы она стала известной более широкому кругу людей», — писал Х. Платц¹⁸. В программном письме собратьям Теодора Абеле слышен ясный и твердый голос нового поколения католиков, в котором есть и христианская вера, и воля к действию, и требование перемен. «Мы действительно хотели бы быть введенными во святая святых. Мы хотим расти как католики, не просто исполняя минимальные требования, а деятельно участвуя в жизни церковного прихода. Те из нас, кто уже стал священником, пусть совершенствуются в деле посредничества истины и благодати, миряне — в служении и помощи ближним... Начиная с Пия X, католический мир,

который почти исчерпал себя в компромиссах и лишился внутреннего равновесия в поиске новой культуры, опять встал на прочную основу католической веры: Божественность Христа, Евхаристия, Церковь... Семья, общество, государство, Церковь — вот поле нашей деятельности. Если у нас, мирян, не будет учительных и благодатных обязанностей в церковном сообществе, мы остаемся еще только теми, кто мы есть по природе: общественными животными. Эта природная обязанность обогащается сверхприродной — любовью к ближним... Мы становимся святыми посредством частого причащения... Обратим наше внимание на евхаристическое воспитание молодежи, особенно на местах, где существуют приходские школы. У кого есть слух, пусть вступает в хор и делает всё для улучшения качества песнопений и игры на органе. Образованный католик должен знать, что григорианская хоральная музыка должна стоять на первом месте... Молодежь и народ нуждаются в руководстве, и они должны получать его — на просветительских чтениях, в периодических изданиях... Каждый приход нуждается в людях с организаторскими способностями. Жертвенно трудясь, мы можем поднять приходскую жизнь на новый уровень. Особенно выдающиеся умы могут выйти за пределы одной конкретной общины, однако и они должны расти из материнской, питательной среды Церкви. Это то, чего мы хотим. И если мы обращаемся за наставлением в монастыри Бойронской конгрегации, мы это делаем потому, что убеждены, что сегодня они заботятся о католическом богослужении больше, чем наши местные церкви, и потому, что бенедиктинский орден является школой служения Богу»¹⁹.

В 1913 году по инициативе Карла Гуссоне была создана Федерация объединений католиков-академиков, к которой «круг Мария Лаах» подключился после Первой мировой войны. Зато когда секретарем Федерации (а затем Католической академической ассоциации) стал

Ф.К. Мюнх²⁰, его деятельность получила совсем другой масштаб. Если в 1913 году Союз имел семь отделений, то в 1919 — уже 75, а в 1925 году их стало более 180²¹. Встречи «академиков» в Мария Лаах собирали всё больше людей (в 1938 г. — 400 человек²²).

Ильдефонс Хервеген и литургия бенедиктинской традиции

Наставник «академиков» Ильдефонс Хервеген (1874–1946) — одна из ключевых фигур литургического движения. Рожденный в семье кёльнского учителя, Хервеген получил хорошее образование, которое позволило ему стать одним из самых известных церковных деятелей своего времени. В 1895 году он вступил в аббатство Мария Лаах и начиная с 1901 года изучал богословские дисциплины в бенедиктинской ученой среде: сначала в Байроне, затем в институте святого Ансельма в Риме и бельгийском аббатстве Маредсу. В период с 1904 по 1907 год Хервеген учился в Боннском университете, где изучал историю церковного права. Там же он написал первые работы, посвященные святому Бенедикту Нурсийскому и церковному искусству. Хервеген не получил семинарского образования, зато очень хорошо знал устав и богослужение ордена святого Бенедикта, историю Церкви и усердно посещал лекции знаменитых ученых. Один из его наставников в Бонне, профессор кафедры церковного права Хайнрих Шрёrs, так жестко критиковал методы подготовки будущих священников и так последовательно отстаивал принцип историчности в изучении богословских дисциплин, что в 1907 году Кёльнский архиепископ запретил студентам-богословам посещать его лекции²³.

В 1913 году Хервеген был избран аббатом Мария Лаах, причем впервые после возобновления монашеской жизни — из среды собственной братии. За тридцать лет, в течение которых он управлял монастырем, увеличилось количество монахов, стали выходить периодические издания, была основана монашеская литургическая ака-

демия. По его благословению в крипте монастыря стала совершаться т.н. «общинная месса» (*Gemeinschaftsmesse*) — одна из «предшественниц» реформированной мессы 1971 года. Аббат Мария Лаах имел хорошие связи в академической среде, что позволяло ему отправлять склонных к научной работе братий на учебу в Боннский университет. Сильная, волевая личность, хороший администратор, Хервеген умел объединить вокруг себя единомышленников, обладал даром слова и убеждения. Несколько раз его решительные действия влекли за собой разрыв с соратниками²⁴. Хервеген не скрывал свое преданности кайзеру Вильгельму II и был противником Веймарской республики, которая воплощала для него идеалы либерализма. Подобно многим его сверстникам, в двадцатые годы он пережил увлечение, а затем горькое разочарование в национал-социализме. И всё же, несмотря на политические предпочтения, философские взгляды и личные пристрастия, Хервеген оставался прежде всего носителем традиции ордена святого Бенедикта.

«Дух Древней Церкви, героическое время мученичества и любовь должны быть источниками нашей религиозной жизни. Для образованного человека нет туда иного пути, кроме знания и понимания литургии, общей молитвы Церкви...»²⁵, — писал Хервеген. С точки зрения бенедиктинской традиции, литургия — не просто чинопоследование, в котором одно действие сменяет другое, не инструментальное средство преподания благодати, а вся жизнь монашеской общины, состоящая из чередования молитвы, труда и чтения Писания. Любая деятельность монаха — духовная и физическая — литургична; даже к орудиям труда монах относится как к принадлежностям алтаря²⁶. Правильное устроение монашеской жизни исключает разделение между профанным и сакральным, частным и общим; во всем наравне участвуют и тело, и душа. Венчает жизнь общины евхаристия, богослужение, в котором также чередуются чтение, пение и молитвы

священника. Евхаристия объединяет монахов в единое целое, своего рода коллективную личность, которая вместе со всей Церковью возносит свою молитву Богу. Личная молитва существует только в литургическом контексте. Богослужением называется всякая деятельность, в центре которой находится Бог.

Сотрудничество Хервегена и «академиков» было направлено на создание религиозно-философской модели, католического мировоззрения, противостоящего модернистскому дискурсу нового времени. После окончания войны и создания демократического государства первоначальная концепция изменилась: «Вопрос о том, каким образом можно защитить католицизм от влияния модернизма, уступил место притязаниям на то, чтобы сформировать всё немецкое общество в соответствии с идеями католицизма»²⁷.

Литургическое движение после Первой мировой войны

К 1918 году Германия подошла в состоянии глубокого кризиса. После того как Вильгельм II отрекся от престола, был подписан Версальский мирный договор, по которому Германия теряла седьмую часть территории, десятую часть населения и еще должна была выплачивать reparations странам-победителям. «Около двух миллионов погибших на фронте, сотни тысяч умерших в тылу от голода и эпидемий, четыре с половиной миллиона инвалидов — таковы были только людские потери Германии. Сюда следует добавить последствия войны, не поддающиеся арифметическому учету: ожесточение прошедших через окопы и оставшихся в живых, их неспособность найти свое место в мирной жизни и готовность решать политические споры с оружием в руках. За четыре военных года в стране была подорвана финансовая система и сведен к нулю авторитет политической власти. В окружающем мире с

Германией был связан образ безжалостного агрессора»²⁸. В результате «ноябрьской революции» 1918 года в Германии был установлен режим парламентской демократии и принята первая конституция Веймарской республики. Несмотря то, что новое правительство провозгласило демократические ценности: свобода и права человека, федеративное устройство, — действительность была довольно мрачной.

Как это часто бывает, сознание общей беды и общей судьбы сплотило людей. В первые годы после войны Германия пережила религиозный подъем. В 1915 году Макс Шелер предсказал, что после окончания войны жители Германии снова захотят стать единым народом и что они будут искать руководства Католической Церкви. «В основе народного единства лежит чувство взаимной ответственности одного человека за другого... В этом главная сила католицизма»²⁹. Католическая Церковь, в недавнем прошлом находившаяся на обочине общественно-политической жизни, получила шанс проложить путь в будущее. Деятели литургического движения видели в католицизме силу, способную преобразить общество. Девизом немецких христиан того времени стали слова «Выходите из башни!» («Heraus aus dem Turm!»).

Война как литургическое переживание

Послевоенная история литургического движения начинается с концепции «войны как переживания». Многие поняли, что несмотря на катастрофические последствия, война позволила людям пережить уникальный опыт единства. Во время опасности в душе человека возникают преданность воле Божией, чувство общей судьбы и молитва, побеждающая страх. Платц писал, что в такие моменты поле боя становилось квази-литургическим пространством, в котором как никогда раньше ощущалась реальность Божественного присутствия. Сохранить это переживание должна была литургия, в центре которой

находится таинственное единство верных со Христом. Благодаря своему социальному-мистическому характеру, в котором верующий соединяется со страданием, смертью и Воскресением Христа, литургия становится продолжением, своего рода воцерковлением опыта человеческого единства, полученного на войне³⁰.

Преображение общества на основе католического мировоззрения. Abendland-Idee

Первое послевоенное десятилетие стало в Германии временем расцвета различных движений и союзов. В культурном обиходе всё чаще стало упоминаться понятие *Gemeinschaft* (общность), означавшее единство народа на основе общей истории и культуры. Ему противостояло понятие *Gesellschaft* (общество) — объединение на основе личных интересов. Литургическое движение противопоставляло общественную (*gesellschaftliche*) реальность Веймарской республики нормативной картине античности и раннего средневековья и признавало господствующие ценности (рационализм, субъективизм, индивидуализм, материализм и позитивизм) признаками упадка. Взамен этого литургическое движение предложило органическую общность (*Gemeinschaft*) — Церковь, Тело Христово. Подводя итоги философским дискуссиям начала XX века, Хервеген писал: «Когда сегодня возвышается голос за устранение противоречия между человеком и миром, между индивидуумом и обществом, между духом и телом, когда настойчивые поиски гармонии приводят к субъективности Канта и пантеистическому восприятию единства у Гёте, мы настойчиво указываем на единственную настоящую Мать и Учительницу органического единства, на литургию, которая содержит не только всеобъемлющее учение, не только представляет собой произведение искусства, но сама есть действительность и жизнь»³¹. В это время одной из преобладающих идей литургического движения становится идея о преображении человека и общества на основе литургии.

В течение 1919–1920-х годов Хервеген активно выступал на конференциях различных католических обществ (в том числе на собраниях «академиков»), в которых сформулировал задачу сделать литургию стилем жизни. Он призывал обратиться к истокам жизни Древней Церкви — Евангелию, таинствам, богослужению, и тем самым непрестанно возвышать свою жизнь к Богу, преображаться. С течением времени литургическое сознание меняет обыденную жизнь и сливаются с народным сознанием, становясь при этом «матрицей» общественного мышления. «Оно благословляет государственный порядок, освящает кайзера и короля и возвышает их до покровителей и защитников Церкви. Защитник вдов и сирот получает рыцарское посвящение. Литургия благословляет не только меч и знамя тех, кто идет на поле боя против врагов Церкви и родины, но и союзы ремесленников, она устанавливает в городах и землях, в соответствии с особенностями народного характера, церковные праздники и обычай, которые становятся выражением национального чувства и сплоченности»³². Хервеген утверждал, что из литургической жизни произошла средневековая культура, которая сообщила странам Западной Европы характер одной большой семьи. Хервеген был уверен, что дух Древней Церкви лучше всего сохранился в бенедиктинском монашестве, а оно, в свою очередь, лучше всего принялось на почве германских народов. «Правила святого Бенедикта принесли больше всего плодов у романализированных лангобардов, франков и вестготов, которые возвысились до античной культуры, при этом сохранив существенные свойства германской расы»³³.

Хервеген считал, что все образцы искусства проникнуты либо духом единства, либо духом индивидуализма. Первый он называл «логосом», или «греческим духом образования, традиции, гармонии, меры, самообладания и единства»; второй — «этосом», который представлял собой варварский, готический дух, породивший протестантскую, революционную культуру модерна. Бенедиктинская

литургия была для него воплощением логоса, совершенным произведением искусства, а Средневековые — «золотым веком» Церкви³⁴. Вырастающая из нее культурно-философская модель предполагала те же самые базовые концепты: единство, дисциплину, воцерковление всех сфер человеческой жизни, национальный дух и как результат — преображение человека и общества. Жесткость позиции, которую исповедовали Хервеген и его соратники в трактовке Церкви как модели совершенного государства, привели к тому, что в конце «веймарского» периода они попали под обаяние учения об универсализме Отмара Шпанна, а затем и национал-социализма³⁵.

В то же самое время Х. Платц высказал на первый взгляд похожую идею. В 1918 году, когда вышла книга О. Шпенглера «Закат Европы» (*Untergang des Abendlandes*), он предложил объединить христианские народы Европы на основе католицизма и общего культурного наследия (т.н. *Abendland-Idee*). В отличие от Хервегена, Платц говорил о транснациональном единстве и призывал к восстановлению связей даже с прямым врагом Германии — Францией. Впоследствии сторонники «западной идеи» высказались против национал-социализма. Концепция Европейского союза получила новую жизнь после окончания II Мировой войны, а один из «академиков», Роберт Шуман, считается одним из основателей новой объединенной Европы.

*Frömmigkeitsprobleme. Хервеген и Гвардини
о практиках благочестия*

В Средние века в Католической Церкви получили распространение т.н. практики личного благочестия, предполагавшие чтение специальных молитв, посвященных Троице, Христу, Божией Матери или какому-либо святому (наиболее распространенные — розарий, почитание Сердца Иисуса, молитвы Крестного пути, литаний). Как правило, значительное место в них занимала визуальная

составляющая (созерцание Святых Даров, мощевиков, благочестивых картин). Эти упражнения существовали отдельно от церковного богослужения, были написаны на национальном языке и как правило не отличались совершенством художественного содержания. По мере того как богослужение утрачивало свою катехизическую функцию, в него стали проникать благочестивые упражнения. Месса представляла собой несколько параллельных богослужений: основное, которое совершал священник у престола, и частные, которые творили в это же время благочестивые прихожане. Вопрос о личном благочестии — один из центральных вопросов литургического движения. От того, в каком соотношении находятся личная и общественная молитва, зависит понимание богослужения, а значит, активное участие в нем. Несмотря на кажущуюся очевидность разрешения этого вопроса в пользу литургической молитвы, он стал камнем преткновения в отношениях между столпами литургического движения — И. Хервегеном и Р. Гвардини.

С точки зрения бенедиктинцев, правило благочестия следует искать только в Священном Писании, церковном предании, миссале, мученических актах Древней Церкви и творениях отцов, а благочестивые упражнения возникли из неправильного представления о духовной жизни. «В эти ужасные времена мы видели, — язвительно писал Хамменштеде, — как многие... не могли понять, как этот факт [войны. — А.С.] можно согласовать с бесконечным Божиим добром и милосердием. И те, кто не могли этого понять, принадлежали к так называемым „благочестивым“. Всё это потому, что в своих нежно переплетенных молитвословчиках они читали только про сладкого Спасителя, всепрощающего, доброго Отца, потому что многие из них поклоняются Сердцу Иисуса для собственного услаждения. О том, что внезапно Бог проявляет Себя как Судия, наказывающий зло, как не имеющий границ Святой, Который никого не оставляет безнаказанным за хулу на Свое имя,

как Бог неба и земли, перед Которым трепещут херувимы и серафимы, — этого они еще не знают»³⁶. Повышенное внимание к внешнему, эффектному, видимому глазом, а не внутренним зренiem, привело к обмельчанию молитвы, сделало ее частью правила одного «благочестивого» человека, который не в состоянии разделить опыт церковного единства. Начиная с позднего Средневековья евхаристия становилась всё менее таинством и всё более — зрелищем. «Человеческая захваченность святынями, их лицезрение составляет важнейший момент богослужения, — писал Хервеген. — Ранее закрытая гробница-мощевик открыта, металлическая стенка заменена стеклянной; появились дарохранительницы и монстранции — литургические предметы, на которые нужно смотреть. Вот человек уже хочет посмотреть на евхаристического Христа. Появившееся в XII веке возношение Даров служило такой же цели: увидеть... Активное участие в евхаристии исчезло почти полностью»³⁷.

Приводя в доказательство своей правоты практическую деятельность аббатства (о которой речь пойдет ниже), Хамменштеде замечает: «Целью, которая стояла перед нами, было пробуждение духа Древней Церкви в нас и в других людях. Мы не отрицали современные формы благочестия, но почти не использовали их, потому что нам было достаточно интенсивного переживания Божиего дела (т.е. литургии) и чтения Писания (*lectio divina*). Мы стремились к монументальной простоте, ради которой мы отказались от всякого сложного аскетического метода»³⁸. Таким образом, духовные упражнения не нужны и даже вредны, потому что не литургичны. Ценность имеет только то, что соотносится с кругом церковного богослужения³⁹. О том, что произошло в результате идеализации жизни Древней Церкви в 1930-х годах, говорит запись секретаря Гвардини Э. Гернера: «Мария Лаах стала единой с государственной точкой зрения. Она утверждает: свободной от государства сферы не существует. И еще: нелитургического благочестия

не существует... Отсюда уже недолго до протестантизма»⁴⁰.

Позиция Хервегена и его сторонников подверглась критике со стороны Гвардини. Понимая, что духовные упражнения имеют внелитургическую природу и иска- жают саму идею богослужения, он утверждал, что в этом вопросе нужна постепенность и избирательность. Идея литургического благочестия, понятная образованному че- ловеку, сразу недоступна простому верующему. «Я должен Вам сознаться, — писал он Мольбергу в 1911 году, — что насколько я люблю литургию, настолько же вижу: она мо- жет быть образцом благочестия для образованных людей, но до поры до времени ее популяризация невозможна»⁴¹. В качестве первого шага Гвардини предложил отделить безвкусные молитвы от тех, которые могут обогатить духовную жизнь. Затем он сделал попытку показать, как лучшие из них могут привести к правильному пониманию литургии и даже (!) дополнить ее. Книга «Крестный путь Господа и Спасителя нашего» (*Der Kreuzweg unseres Herrn und Heilandes*; 1919), написанная с этой точки зрения, ста- ла причиной отчуждения Гвардини и Мария Лаах. «Когда я написал «Крестный путь», то сразу потерял их кредит доверия»⁴², — писал он Мольбергу.

Спор о благочестивых упражнениях был частным случаем более важного философского вопроса об относениях индивида и общества, субъекта и объекта. Максимализм бенедиктинцев, во многом основанный на идеализации жизни Древней Церкви, проводил четкую границу между общиной и личностью. То, что не имеет принадлежности к общему, по меньшей мере неполноцен- но, неполно. Гвардини считал, что противоречия между индивидуальным и общим устраниются в благодатной жизни Церкви. Церковное и личное благочестие он упо- доблял «литургическому» и «евангельскому» Христу. В то время как месса являет нам «мистического Христа» и «Божественного Посредника», Евангелие открывает нам Человека, «Сына» плотника. И тот и другой образ Христа

является частью церковной традиции⁴³.

Гвардини считал, что в процессе исторического развития человек потерял чувство религиозной действительности, или «предметности». Образцом предметности он считал человеческую культуру, где субъективное и объективное связаны и не могут существовать друг без друга. Каждый человек делает свой вклад в культуру и через это становится сопричастным всей культурной традиции человечества. Церковь является частью культуры, она получает свою предметность благодаря сверхприродному, благодатному наполнению. Церковь содержит во всякое время всего Христа, всего Бога и каждого человека. Следовательно, ни индивид не может обойтись без целого, и целое складывается из индивидов. Наилучшим местом, в котором индивид и община выражают свою суть, преображались, одновременно оставаясь самими собой, является литургия.

Церковь разворачивается в истории, но укоренена в вечности, поэтому во всякое время может выражать свою предметность теми культурными способами, которые подходят для нее в данный момент. Гвардини считал, что литургия может и должна быть другой — в том смысле, что она может быть адаптирована к той культуре, в которой она существует. Главное в литургии — ее дух, ритм, направленность, внутреннее напряжение. Уставные особенности важны, но только в том случае, если они соответствуют духу литургии и культурно целесообразны. Такая точка зрения предполагала возможность богослужебной реформы и допускала вариативность уставных предписаний: «Литургическое движение предложило новый „идеал благочестия“, который предполагал не аскетическое напряжение, которое через самонаблюдение, духовное упражнение и духовное руководство приводит одного христианина ко спасению, а включение общины в ритм литургии, правильное понимание символа и понимание богослужебного единства»⁴⁴.

Научная и практическая деятельность аббатства Мария Лаах

В 1918 году публикацией работы Р. Гвардини «Дух литургии» в аббатстве Мария Лаах началось издание общедоступной серии «Ecclesia Orans». Наряду с этим в Мария Лаах стали издаваться научные альманахи — *Liturgiegeschichtliche Quellen* (в котором публиковались источники) и *Liturgiegeschichtliche Forschungen* (публиковались научно-исследовательские статьи). В 1921 году под редакцией О. Казеля был издан первый том журнала «Литургический альманах»; а сам аббат, И. Хервеген, работал над многотомным изданием «Статьи об истории древнего монашества и ордена святого Бенедикта» (*Beiträge zur Geschichte des alten Mönchtums und des Benediktinerordens*). Научная работа велась по преимуществу учеными монахами аббатства и их соратниками, светскими историками. Среди авторов круга Мария Лаах особенно выделялись Одо Казель (1886–1948) и профессор истории и культуры христианского Востока и восточной литургии Боннского университета Антон Баумштарк (1872–1948). Параллельно с ними издавали свои научные работы К. Мольберг, Р. Гвардини и в Австрии — Й.-А. Юнгманн.

Представители «исторической» части науки о литургии подготовили основание для более абстрактного, «системного» мышления. Для Баумштарка, который искал закономерности развития различных исторических богослужебных форм, литургия развивалась по законам научной эволюции, а для Юнгманна, который занимался поиском первоначальной литургической структуры, — по законам генетики. Для Гвардини, который признавал и законы исторического развития, и наличие структуры, и метод взаимодействия со светскими науками, главным оставалась общепринятая форма выражения духовной жизни — стиль⁴⁵.

Одо Казель считается основателем «мистериального-го» богословия. Размышляя о том, как верующие могут

быть сопричастными Голгофской Жертве Христа, Казель вводил понятие «настоящего времени спасения». Исторический Иисус принес Себя в Жертву единожды — духовный Иисус приносит эту Жертву вне времени и вместе со всей Церковью, совершающей литургию. Искупительные события, которые Казель называл «Пасхальной тайной» (страдания, смерть и Воскресение), являются собой в культовом акте и таким образом становятся доступными верующим, которые как бы входят в них, соединяясь со Христом и получая спасение. Казель считал, что структурно литургия наследует древнегреческой мистерии, которая также погружала участвующих в ней в смерть и воскресение божества. Впоследствии мистериальная форма получила христианское наполнение, однако «типосом» литургии остается «объективное настоящее» спасительных событий, в которые погружается христианская община⁴⁶.

В литургическом движении высказанная идея всегда означала поиск практического решения. В послевоенные годы аббатство Мария Лаах становится просветительским центром, который притягивал к себе всех, желающих прикоснуться к литургическому наследию Церкви. «Наша деятельность, — писал А. Хамменштеде, — заключалась в основном в докладах аскетического и литургического содержания, которые мы читали как в монастыре, так и за его пределами... Слушателями были священники, профессора, учителя, студенты разных факультетов. Не было недостатка и в кардиналах, епископах, высоких государственных чинах и деятелях искусства. Я помню, что в год у меня было более пятидесяти докладов и конференций. „Монашеская весна“ превратилась в „лето“»⁴⁷.

Важнейшей составляющей катехизации были монашеские богослужения. Несколько раз в неделю Хервеген давал духовные наставления монастырской братии (в 1918 г. — около 140 человек). Особенно выделялись богослужения Страстной недели и пасхальная месса, которую в Мария Лаах совершали ночью (официально это было

разрешено только в 1950 г.)⁴⁸. «В страстную среду со всей Германией в монастырь стекались члены Союза академиков, порой до 150 человек. Они жили не в монастыре и не в гостинице, а в соседних деревнях. Когда над озером и лесами в пять часов утра раздавался звон шести больших колоколов, Божий дом был наполнен людьми. У каждого был латинский текст богослужения, по которому он внимательно следил, какие песнопения поются и какие обряды совершают почти 60 монахов, находящихся на клиросах. Во время пения Плача пророка Иеремии воцарялась такая тишина, что страшно было перевернуть книжный лист... После ужина люди собирались в большом, празднично освещенном зале, куда допускались и дамы. Аббат Ильдефонс появлялся в сопровождении монахов, поднимался на возвышение и произносил поучение так, как только он мог это сделать. Темой были Страдания Христовы в символах литургии. Неожиданно среди духовных размышлений аббат делал обзор политических и общественных событий в нашей земле. Хорошее удостаивалось похвалы, плохое решительно осуждалось. На следующее утро аббат совершал торжественную понтификальную мессу, на которой он преподавал причастие — сначала своим духовным детям, потом всем верующим... Вскоре после 11 часов... облаченный в плувиал⁴⁹ и митру, аббат держал в руках серебряную чашу для омовения ног двенадцати старцев... В четыре часа монах обращался к «академикам» с короткой речью. В пять часов в четверг совершалась темная утрена⁵⁰, а вечером кто-то из нас [монахов. — А.С.] делал часовий доклад о совместном переживании литургии... В 9 часов начинается высокая праздничная месса, сопровождаемая храмовым шествием, во время которого народ воодушевленно поет средневековые латинские гимны... Аббат появляется в каппа magna, на черном мехе которой красуется византийский крест... Приор говорит пасхальную проповедь... С 1916 года тысячи людей, среди которых было много протестантов, таким образом праздновали Пасху»⁵¹.

Первые попытки реформирования мессы

В 1917 году, побывав в аббатстве Мария Лаах, Р. Гвардини написал письмо аббату И. Хервегену. Вежливо благодаря за прием и восхищаясь литургией, которую совершали монахи в соответствии с древним чином ордена святого Бенедикта, Гвардини мягко, но настойчиво высказал сомнения в том, что простые люди смогут когда-либо присоединиться к этому торжеству. Он считал, что для достижения конечной цели нужно сделать определенные уступки народному благочестию, и предлагал изменить *стиль* мессы для народа. «Это должна быть говоримая (*gesprochenen*), а не песенная литургия... Песнопение, тем более григорианский хорал — достояние ограниченного числа людей; слово, на-против, доступно всем... Сначала нужно пробудить интерес к слову и действию: церковному году, таинствам, более всего к святой мессе. Она должна быть на немецком; народ должен получить для молитвы всё то же, что есть у хора и прислужников, заранее нужно распределить роли. Они должны быть изложены по принципам литургической хоровой драмы: хор, анти-хор, управляющий хором и «все»... Канон нужно произносить подобающим образом... Апостол и Евангелие читать по-немецки. После причастия священника должно следовать исповедание грехов и причастие верных. Можно подумать над тем, чтобы народ начинал свои ответы священнику на латыни, а потом продолжал по-немецки... От простой *произносимой* мессы идет дорога к *песенной*»⁵². В заключение письма Гвардини ссылается на одну из местных практик — «высокую немецкую мессу», в которой священник пропевал молитвы и чтения, община отвечала ему вслух (всё это на латыни), а вместо песнопений «высокой мессы» народ пел немецкие богослужебные гимны⁵³.

В одном из своих писем Х. Платц сообщает об адаптированных для народа мессах «бельгийского происхождения» (т.е. из бенедиктинских монастырей Мон Сезар и Маредсу), которые он наблюдал во время войны во Франции⁵⁴. Первыми «экспериментальными площадками»

литургического движения в Германии стали монастырь Мария Лаах, школы и собрания молодежных движений⁵⁵.

Основой «адаптированной» мессы стала т.н. «что-мая» месса (*missa lecta*) — самое привычное и распространенное богослужение Католической Церкви начала XX века. Ее преимуществом перед «высокой» мессой были мощный потенциал устного слова и простота, не требовавшая хора или министрантов: все «их» слова ведущие хором произносили сами. Первые письменные свидетельства о совершении такой мессы в Мария Лаах относятся к 1918 году. Очевидцы говорят о том, что это был нелегкий процесс. «В родном аббатстве, — писал К. Мольберг, — некоторые смотрели на дело с сомнением. Однажды... мой духовник, когда я темпераментно говорил о том, что литургия должна быть практической, отвел меня в сторону и начал убеждать в том, что идеи, которые я защищаю — протестантские, англиканские и ритуалистские»⁵⁶. «В последнее время, — писал Гвардини в письме Хервегену 1917 года, — я слышу в духовных кругах враждебные высказывания против наших литургических усилий... Если бы я не был убежден в том, что литургическая работа соответствует природе Церкви, то мог бы подумать, что делаю бесполезное и даже позорное дело»⁵⁷.

Переломным в истории новой мессы стал 1920 год, а точнее — конференция молодежного движения «Родник» в Бург-Ротенфельсе. На «адаптированной» мессе под открытым небом присутствовали около 2 тысяч человек (и снова одним из ее инициаторов был монах из Мария Лаах В. Балльманс)⁵⁸. В том же году подобную мессу служил ректор гимназии бенедиктинского аббатства святого Стефана в Аугсбурге Г. Ланг⁵⁹. Конференция в Бург-Ротенфельсе изменила отношение общества к литургическому движению. Таких богослужений становилось всё больше, некоторые из них посещали местные епископы⁶⁰.

6 августа 1921 года в крипте Мария-Лаах была совершена т.н. общиная месса. В богослужении, которое

совершал приор А. Хамменштеде, принимали участие только новиции⁶¹, клирики и случайные гости. Все ответы, которые, согласно чинопоследованию, дает священнику министрант⁶², произносили сами молящиеся. Они же повторяли вслед за священником некоторые части мессы. Месса совершалась на престоле, который был выдвинут к центру часовни, а служащий священник был обращен лицом к народу⁶³. Кроме того, Хамменштеде произнес краткое поучение⁶⁴. Каждое воскресенье приор Мария Лаах совершал «чтомую мессу» для молодежи. В дальнейшем в нее был включен обряд принесения даров (Gabendarbringung).

В 1922 году в церкви святой Гертруды монастыря Клостернойбург неподалеку от Вены августинский монах Пиус Парш совершил первую «мессу молитвенного пения» (Betsingmesse). Ее отличительной особенностью было то, что большинство частей мессы народ пел или произносил хором⁶⁵. В 1933 году на общем немецком католическом дне в Вене в «мессе молитвенного пения» приняли участие около 200 тыс. человек.

*Романо Гвардини как лидер молодежного движения Германии.
«Третье начало»*

После Первой мировой войны в Католической Церкви стали развиваться многочисленные молодежные движения. Одним из самых известных было движение «Родник» (в 1920 г. около 8 тыс. человек, а через 15 лет — около 35 тыс. в 352 отделениях)⁶⁶. Изначально в нем был сделан акцент на своеобразном натурфилософском единстве с природой, спортивных состязаниях и отказе от алкоголя. Благодаря целеустремленности и характеру Р. Гвардини удалось «возвращенить» стремление молодых людей к свободе и независимости, открыть им дверь в Церковь.

Впервые с представителями «Родника» Гвардини встретился в 1917 году. Спустя три года он посетил национальную конференцию движения в замке Бург-

Ротенфельс, а с 1923 года стал одним из самых активных деятелей движения. «Для Гвардини Бург-Ротенфельс стал экспериментальной лабораторией, в которой он проверял, насколько верны его взгляды на общество, богослужение и образование. Он настаивал на том, чтобы жизнь в замке, согласно монашескому уставу, включала ежедневную мессу и общую трапезу. В часовне он ввел использование немецкого миссала⁶⁷ и совершал мессу лицом к народу. Кроме религиозной деятельности, он поощрял народные танцы, туризм и спорт, и в то же время — публичные чтения поэзии и литературы, концерты и театральные постановки»⁶⁸. Некоторые части мессы Гвардини перевел на немецкий. Во время мессы молодежь пела немецкие гимны, а вне мессы спокойно читала розарий. С помощью архитектора Р. Шварца Гвардини перестроил часовню, в которой совершались богослужения. В результате большое помещение часовни становилось пространством, в котором предстоятель мог передвигать престол, амвон и стулья для того, чтобы приспособить его для подходящего стиля литургии. Священник стоял лицом к собранию, которое располагалось вокруг алтаря полукругом. В беседах с молодежью Гвардини уделял особое внимание литургическим символам и знакам, объясняя, какая реальность стоит за каждым действием или предметом.

В разное время в сфере влияния «Родника» находились известные педагоги, богословы и священнослужители. Философ Й. Пипер писал: «Узнав Гвардини, мы столкнулись с неожиданным измерением духовной реальности... Мы начали понимать, что такое „священный символ“ в реальности, и что, помимо удушающей примитивности разговоров о морали и доктрине, что-то реальное происходит в таинственном культовом действе, о котором, казалось бы, можно только говорить. Мы начали понимать, что это и есть сердцевина всей интеллектуальной и духовной жизни, и не только в христианстве, но во всех до-христианских и не-христианских религиях. Более

того, мы постигали всё это в непринужденной атмосфере открытости миру»⁶⁹. «Церковность» учения Гвардини, сочетающаяся с уважением к отдельному человеку и открытостью миру, впоследствии не дали ему поддаться искущению национал-социализма.

В 1920 году был напечатан чин «народной» мессы (*Messandacht*), составленный Гвардини. В предисловии к изданию он объясняет, как в мессе реализуется принцип активного участия мирян. «[Во время святой мессы] можно не просто быть ее зрителями или слушателями — можно быть ее со-делателями. Для этого не нужно вставать со скамьи и приближаться к престолу, как прислужники. Оставаясь на своем месте, нужно только поднять глаза и сердце ввысь; молиться словами, которыми молится священник; думать теми же мыслями; со-участвовать в каждом движении и действии... И более того! Человек собирается с силами и приводит жизнь в соответствие с мессой... Если утром он участвует в совершении мессы, в течение всего дня он чувствует, что должен быть чистым сердцем, искренним в общении и поступках, стремящимся ко всякому благу»⁷⁰. Давая конкретные указания по совершению мессы, Гвардини делает оговорку: в зависимости от обстоятельств некоторые ее части могут быть опущены⁷¹.

Деятельность Гвардини в качестве духовника «Родника» сделала молодежное движение Германии частью литургического.

В статье «Пробуждение Церкви в душе» (1921) Романо Гвардини утверждал, что церковное сознание формируется в первую очередь в процессе приходской жизни⁷². Во многом благодаря его деятельности литургическое движение в последующие годы призывало к «новому открытию» приходской общине. Деятельность Й. Пинска, Лейпцигского оратория, Х. Райнхольда и других деятелей конца 1920-х — начала 1930-х годов доказывает, что оно вступило в свою новую, пастырскую fazу.

В Конституции II Ватиканского собора *Sacrosanctum Concilium* литургия названа «вершиной, к которой стремится деятельность Церкви, а вместе с тем и источником, из которого исходит вся ее сила»⁷⁵. Эта фразу можно поставить эпиграфом ко всему литургическому движению XX века, целью которого было углубление христианской жизни посредством активного и сознательного участия христиан в литургии. Процесс литургического обновления возник, с одной стороны, как реакция на позитивизм и индивидуализм конца XIX — начала XX века, а с другой стороны, как результат «нового открытия» Церкви как мистического Тела Христова.

Благодаря своему церковному, универсальному характеру литургическое движение обладает свойствами, общими для всего движения в целом (монашеское происхождение, религиозность, церковность, литургичность); вместе с тем, находясь в пространстве и времени, оно приобретает исторические черты, которыми наделяет его та или иная страна или языковая область. Знакомство с начальным периодом литургического движения в Германии (1913–1923 гг.) дает нам возможность увидеть сложную картину церковной жизни в эпоху перемен, в которой взаимодействуют вечное и временное, частное и общее, Божественное и человеческое. Благодаря своей интенсивности и масштабу, события, которые произошли за это первое «немецкое» десятилетие, оказали огромное влияние на литургическое движение и Католическую Церковь в целом.

Литургическое движение в Германии началось в 1913 году после знакомства бенедиктинского монаха Ильдефонса Хервегена и католиков-мирян, вышедших из университетской среды, и носит преимущественно (1) культурно-религиозный, (2) общинный (3) просветительский и (4) церковный характер. Наибольшее внешнее

влияние на процесс литургического обновления оказали Первая мировая война, последовавшее за ней образование Веймарской республики и отчасти — зарождающаяся идеология единства государства и Церкви и концепция объединения Европы на основе католицизма. Несмотря на то, что литургическое движение не было «придумано» и развивалось как естественный процесс, огромную роль в нем играли личности — И. Хервеген, Р. Гвардини, О. Казель, ученые-историки и лидеры Католического союза академиков — Х. Платц, Т. Абеле, Ф.К. Мюнх.

1. Литургическое движение — время духовного подъема католицизма после окончания периода «борьбы за культуру» и особенно — после Первой мировой войны. Католицизм противопоставляет себя учениям «нового времени» (кантовский субъективизм или интуитивизм Гёте) и призывает вспомнить о религиозной природе человека (созерцательная жизнь, теоцентричность, благоговение перед тайной бытия). Культура, созданная на религиозной основе, становится механизмом, изменяющим характер общественной жизни.

2. Литургическое движение выросло из семени, посаженного святым Бенедиктом Нурсийским и его последователями (в Германии — аббатствами Бойрон и Мария Лаах). Бенедиктинский устав подчеркивает литургичность всех сторон человеческой жизни и общинный характер литургии. Принципы «оппозиции» и универсального единства, которые использовал Р. Гвардини, однако предполагают взаимную обусловленность личности и общины. Разное отношение к субъективности и объективности в молитвенной практике породило конфликт, в котором одна (монашеская) сторона настаивала на отрицании духовных упражнений, а вторая (Гвардини) считала личную молитву органичным дополнением литургической. «Новое открытие» общинной жизни произошло во многом благодаря поражению в войне и поиску народного единства для преодоления ее последствий. Наиболее

предметно вовлеченным в литургическое движение стало молодежное движение Германии.

3. Литургическое движение с самого начала было научительным, катехизическим. Просветительская работа велась устно (лекции, выступления, проповеди), с помощью специальных изданий (научная и катехизическая периодика) и посредством богослужений (в т.ч. специально адаптированных для понимания простых людей). Именно в это время родилась «наука о литургии» (*Liturgiewissenschaft*), которая, в отличие от семинарской литургики, смотрела на литургию как на определенную структуру, к которой применимы методы научно-исторического исследования.

4. Литургическое движение, наряду с библейским и патристическим, стало важной частью общецерковного движения. Церковь вновь стала рассматриваться как органическое единство людей во Христе, как мистическое Тело Христово, а литургия — как главная молитва Церкви. Опыт церковной жизни был приравнен к литургическому. С практической точки зрения это означало, что главным объектом пастырского попечения становился приход, живущий полноценной (т.е. сознательной и активной) литургической жизнью.

Подводя итоги работы, можно сказать, что первое десятилетие литургического движения в Германии (1913–1923) стало выражением природы литургического движения в целом.

Примечания

¹ См.: *Reid. A. The Organic Development of the Liturgy*. Ignatius Press, San Francisco, 2005. Pp. 78–85.

² *Tra le sollecitudini* (о церковной музыке, 1903, где впервые прозвучала фраза «активное участие верных в литургии»); *Sacra Tridentina Synodus* (о частом и ежедневном причащении, 1905); *Quam singulari* (о первом причастии, 1910); *Abhinc quattuor annos* (о реформе литургического календаря, 1913).

³ См., напр.: *Guardini R.* Gemeinschaftliche Andacht zur Feier der Heiligen Messe. L. Schumann Druckerei und Verlag. Düsseldorf, 1920. S. 5.; или: *Bogler Th.*, OSB. Deutschland // Liturgische Erneuerung in aller Welt. Ein Sammelbericht. Verlag Ars Liturgica, Maria Laach, 1950. S. 16.

⁴ В папском силлабусе *Lamentabili sane exitu (Syllabus, 1907 г.)* перечислены и осуждены главнейшие заблуждения относительно Священного Писания и церковной доктрины; энциклика *Pascendi dominici gregis (1907 г.)*, в которой учреждались комиссии по очищению католического богословия от модернистских тенденций.

⁵ Об этом см.: *Scherzberg L.* Die katholische Liturgische Bewegung – ein Diskurs über Form, Stil und Gestalt // Theologie. geschichte. Zeitschrift für Theologie und Kulturgeschichte, Bd. 11 (2016). URL: <http://universaar.uni-saarland.de/journals/index.php/tg/issue/view/38> (дата обращения: 20.04.2017).

⁶ См.: *Baumgartner A.* Die Auswirkungen der liturgischen Bewegung auf Kirche und Katholizismus / Rauscher A. (Hg.) Religiös-kulturelle Bewegungen in Deutschen Katholizismus seit 1800. Beiträge zur Katholizismusforschung. Paderborn, 1986. Ss.121–137 и *Langenbahn S.K.* Romano Guardini und Maria Laach aus der Perspektive Kunibert Mohlbergs / Archiv für Liturgiewissenschaft, Heft 55, 2013. Ss. 39–40.

⁷ *Langenbahn S.K.* Op. cit. Ss. 39–47.

⁸ *Ibid.* S. 43.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ См.: *Krieg R.A.* Romano Guardini. A Precursor of Vatican II. Notre Dame, Indiana, 2009. P. 52.

¹¹ *Ibid.* P. 75.

¹² *Guardini R.* Vom Geist der Liturgie. Herder-Bücherei, Freiburg-im-Breisgau, 1962. S. 61.

¹³ *Ibid.* Ss. 129–142.

¹⁴ В результате политики, которую проводил рейхсканцлер О. фон Бисмарк в Пруссии, связь Католической церкви и государства практически прекратилась. Католики всячески вытеснялись на обочину общественной жизни: духовенству запрещалось преподавание в учебных заведениях; был установлен тщательный надзор над духовенством; в 1875 г. была

конфискована собственность Церкви. В 1872 г. из страны были изгнаны все члены ордена Иисуса (иезуиты), которые в то время жили в Мария Лаах; в том же году монахи бенедиктинского аббатства Бойрон были вынуждены покинуть монастырь, в который вернулись только спустя 12 лет.

¹⁵ *Griener G.E. Hermann Schell and the Reform of the Catholic Church in Germany / Theological Studies* 54 (1993). P. 438.

¹⁶ *Platz H. Von Schell zu Festugiere / Hermann Platz 1880–1945. Eine Gedenkschrift.* Hg. von Vincent Berning. Patmos Verlag, Düsseldorf, 1980. S. 94.

¹⁷ *Ibid.* S. 91.

¹⁸ *Ibid.* Ss. 104–105.

¹⁹ *Platz H. Erste Begegnung mit Maria Laach / Hermann Platz 1880–1945. Eine Gedenkschrift.* Hg. von Vincent Berning. Patmos Verlag, Düsseldorf, 1980. Ss. 106–107.

²⁰ Сам Мюнх полностью посвятил себя пастырскому служению интеллигенции. В 1926 г. за свои заслуги на посту секретаря KAV он получил звание папского прелата.

²¹ *Kurth H.H. Achtzig Jahre Katholischer Akademikerverband // Renovatio. Zeitschrift für das Interdisziplinäre Gespräch.* Heft 1. 50 Jahrgang, März 1994. S. 2.

²² *Marcel A. Ildefons (Peter) Herwegen, Abt von Maria Laach / Portal Rhenische Geschichte.* URL: <http://www.rheinische-geschichte.lvr.de/persoenlichkeiten/H/Seiten/IldefonsHerwegen.aspx> (дата обращения: 21.04.2017).

²³ См.: *Schlossmacher N. Heinrich Schrörs. Kirchenhistoriker / Portal Rhenische Geschichte.* URL: <http://www.rheinische-geschichte.lvr.de/persoenlichkeiten/S/Seiten/HeinrichSchrörs.aspx> (дата обращения: 27.04.2017).

²⁴ Например, альманах *Jahrbuch für Liturgiewissenschaft* был задуман францисканцем Б. Кляйншмидтом, а его концепцию разработали К. Мольберг и Р. Гвардини. Подробнее об этом см.: *Langenbahn S.K. Romano Guardini und Maria Laach aus der Perspektive Kunibert Mohlbergs / Archiv für Liturgiewissenschaft*, Heft 55, 2013. Ss. 24–64.

²⁵ *Herwegen I. Der Hl. Benedikt und die Germanen // Alte Quellen Neuer Kraft. Gesammelte Aufsätze von Dr. Ildefons Herwegen, Abt*

von Maria Laach. L. Schwann, Druckerei und Verlag. Düsseldorf, 1922. S. 196.

²⁶ См.: *Quartier Th.* Gelebte Liturgie. Rituell-liturgische Explorationen benediktischer Tradition // *Jaarboek voor liturgie-onderzoek* 27 (2011) S. 116.

²⁷ *Conze V.* Das Europa des Deutschen. Ideen von Europa in Deutschland zwischen Reichstradition und Westorientierung (1920–1970). Institut für Zeitgeschichte. R. Oldenbourg Verlag München, 2005. S. 52.

²⁸ *Батлин А.Ю.* Германия в XX веке. Директ-медиа. С. 28.

²⁹ Цит. по: *Krieg R. A.* Op. cit. P. 48.

³⁰ *Hammenstede A.* Die Liturgie als Erlebnis. Freiburg im Breisgau 1921. 3 u 4 verb. Aufl., Herder & Co. G.m.b.h. Verlagbuchhandlung. S. 48.

³¹ *Herwegen I.* Die Liturgie als Lebensstil // Alte Quellen Neuer Kraft... S. 68.

³² *Ibid.* S. 76.

³³ *Herwegen I.* Der hl. Benedikt und die Germanen... S. 197.

³⁴ См.: *Herwegen I.* Von Beuroner Kunst // Der Katholische Gedanke. Veröffentlichungen des Verbandes der Vereine Katholischer Akademiker zur Pflege der Katholischen Weltanschaung. Band VIII. Theatiner-Verlag, München, 1924. S. 92.

³⁵ *Ibid.* S. 53.

³⁶ *Hammenstede A.* Die Liturgie als Erlebnis... S. 19.

³⁷ Цит. по: *Toussaint G.* Der gotische Mensch will sehen. Die Schaufrömmigkeit und ihre Deutungen in der Zeit des Nationalsozialismus // *Reudenbach B., Steinkamp M.* Mittelalterbilder im Nationalsozialismus. Akademie Verlag G.m.b.h. Berlin 2013. S. 36.

³⁸ *Hammenstede A.* Errinnerungen einer Laacher Mönches. Maria Laach, 1996. S. 186.

³⁹ Можно привести параллельные примеры из православной традиции. Акафист нелитургичен, даже если его включают в состав вечерни; часы литургичны, даже если их читает дома один человек.

⁴⁰ Цит. по: *Langenbahn S.K.* Op.cit. S. 33.

⁴¹ *Ibid.* S. 48 (g).

⁴² *Ibid.* S. 34.

⁴³ *Guardini R.* Vom Geist der Liturgie... S. 67.

⁴⁴ Baumgartner A. Op. cit. S. 133.

⁴⁵ Guardini R. Vom Geist der Liturgie... S. 62.

⁴⁶ См.: Casel O. The Mystery of Christian Worship. A Herder & Herder Book, New York. 1999.

⁴⁷ Hammeste A. Errinnerungen eines Laacher Mönches. Autobiografische Aufzeichnungen. Benediktinerabtei Maria Laach, 1996. S. 187.

⁴⁸ В отличие от своих современников, Хервеген и его соратники ставили Пасху выше Рождества. Во многом это связано с таинственным богословием О. Казеля, который считал, что во дни праздников христианин особым образом соприкасается с событиями Евангелия. Поскольку спасительными являются именно события смерти и Воскресения Христа, то и праздник Пасхи является кульминацией церковного года.

⁴⁹ Каппа Магна (или плувиал) — полукруглый плащ без рукавов.

⁵⁰ Темная утрена (Tenebrae) — в римском обряде до литургической реформы 2-й пол. XX в. особые службы суточного богослужебного круга (Литургия часов) в последние 3 дня Страстной недели.

⁵¹ Hammeste A. Errinnerungen eines Laacher Mönches... Ss. 193-196.

⁵² Guardini R. Briefe an den Laacher Abt Ildefons Herewegen aus den Jahren 1917 bis 1934. Br. 2f. // Archiv für Liturgiewissenschaft, Jahrgang 27. Heft 3. Verlag Friedrich Pustet, Regensburg, 1985. Ss. 410-411.

⁵³ Ibid. S. 410 (Anm. 7).

⁵⁴ Hoffmann H. Im Dienste des Friedens. Lebenserinnerungen eines katholischen Europäers. Stuttgart 1970. S. 174. In: Langenbahn S. K. Jenseits und diesseits der Zentren der Liturgischen Bewegung. Materialien und Marginalien zur Frühgeschichte der “Gemeinschaftsmesse” im deutschsprachigen Raum von 1912–1920 // Archiv für Liturgiewissenschaft 46 (2004/1–2). S. 97.

⁵⁵ В 1919 г. Х. Даусенд составил первую обучающую программу для объяснения литургии детям: «Было бы хорошо, если бы посетителям из различных школ заранее раздали важнейшие литургические тексты, которые они могли бы прочитать дома, а на уроке их объяснить. Слушателей и учеников нужно побуждать к тому, чтобы они использовали полученные знания для

участия в богослужении». Цит. по: *Langenbahn S. K. Jenseits und und diesseits...* S. 102 Anm. 109.

⁵⁶ *Langenbahn S. K. Romano Guardini und Maria Laach...* S. 40.

⁵⁷ *Langenbahn S. K. Jenseits und diesseits...* S. 102 (Anm. 112).

⁵⁸ *Ibid.* S. 96.

⁵⁹ Весьма примечательны слова Ланга после того, как он получил официальное разрешение совершать Пасхальную мессу ночью: «Если бы мы не делали то, что запрещено, ничего бы нам в итоге и не разрешили». См.: *Ibid.* S. 93.

⁶⁰ Например, кардинал-архиепископ Кёльна фон Шульте.

⁶¹ Новициат — период послушничества, т.е. испытания вступающих в монашеский орден новициев.

⁶² Министрант — мирянин, помогающий священнику во время мессы и других богослужений.

⁶³ Служение евхаристии «лицом к народу» (*versus populum*) было официально разрешено только в инструкции 1964 г. *Inter Oecumenici*, подготовленной Советом по исполнению Конституции о Священной литургии II Ватиканского собора.

⁶⁴ *Neunheuser B. Die «Krypta-Messe» in Maria Laach. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Gemeinschaftsmesse // Beten und Arbeiten. Aus Geschichte und Gegenwart Benediktischen Lebens*, Verlag Ars Liturgica. Maria Laach, 1961. S. 72.

⁶⁵ *Neunheuser B. Ibid.* S. 74.

⁶⁶ *Boberbach H. (Hrsg.): Berichte des SD und der Gestapo über Kirche und Kirchenvolk in Deutschland 1934–1944*. Mainz, 1982. S. 151.

⁶⁷ «Миссал Святой Церкви» — руководство для мирян, желающих ближе познакомиться с мессой. Впервые был издан на немецком языке в 1884 г. бенедиктинцем Ансельмом Шоттом (с 1892 г. монахом Мария Лаах).

⁶⁸ *Krieg R. A. Op. cit. P. 60.*

⁶⁹ *Ibid.* P. 61.

⁷⁰ *Guardini R. Gemeinschaftliche Andacht...* S. 6.

⁷¹ *Ibid.* S. 10.

⁷² *Guardini R. Das Erwachen der Kirche in der Seele // Vom Sinn der Kirche*. Matthias Grünwald. Verlag in Mainz, 1922. S. 15.

⁷³ Конституция о священной литургии *Sacrosanctum Concilium*/Документы II Ватиканского собора. М., Паолине, 2004, § 10. С. 22.

АРХИВ

*Протоиерей Александр Макаров**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ Е. А. КАРМАНОВА

Жизнеописания святых, подвижников благочестия да и вообще людей, всецело посвятивших себя служению Церкви Христовой и принесших своим служением добрый, сторичный плод, в относительно недавнем, с точки зрения историка, времени было принято начинать словами: «Родился в благочестивой верующей семье... с детских лет посещал храм ... любимым занятием было чтение духовных книг и молитва» И эти слова не были данью житийной традиции, а в общем верно передавали внешние условия и духовную атмосферу, в которой возрастал, воспитывался и образовывался русский человек.

Но жизненный путь наших старших современников, не менее своих предшественников потрудившихся на ниве Божией, начинался чаще всего в других условиях. В советских семьях о Боге не говорили, благочестивые обычаи считались пережитками прошлого, в лучшем случае

*Автор — консультант Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

терпимыми, а в большинстве своем — предосудительными; посещение храма, в зависимости от обстоятельств, считалось признаком какой-то забитости или отсталости, интеллектуальной ущербности или просто умственной неполноценности; вера в Бога скрывалась от окружающих, а если верующий человек имел дерзновение *показать свою веру из дел своих* (Иак. 2;18), то вполне мог стать объектом интереса со стороны «компетентных органов», а уж чем такой интерес заканчивался, лучше и не думать.

Семей, в которых сохранялись православные традиции и глубокое, пронизывающее все стороны жизни благочестие, было очень мало. И советских детей если и крестили, то сохранившие веру бабушки, тайно даже от родителей. А открытое исповедование веры приравнивалось к социальному протесту, антисоветской деятельности — «со всеми вытекающими...»

В таких типичных для недавнего времени условиях прошло детство, отрочество и юность автора предлагаемых читателю воспоминаний Евгения Алексеевича Карманова, девяностолетие со дня рождения которого исполнилось в уходящем 2017 году.

Родился он 1927 году в Свердловске в многодетной семье мастера музыкальных инструментов. Семья много переезжала, во время войны они жили в Армении, затем вернулись в Свердловск. Крестился осознанно, в 21 год. С 1948 по 1952 год учился в Киевской духовной семинарии.

В сентябре 1952 года Евгений Алексеевич поступил в Ленинградскую духовную академию. Однако его обучение в ней продолжилось всего один месяц: власти не позволили ему получить ленинградскую прописку. Вынужденный покинуть этот город, Евгений Алексеевич с октября 1952 года по октябрь 1953 года был иподиаконом епископа Черниговского и Нежинского Иакова и трудился в местном епархиальном управлении, а с января по июль 1954 года — личным секретарем епископа Ташкентского и Среднеазиатского Ермогена и делопроизводителем Ташкентского епархиального управления.

В 1954 году Е.А. Карманов возвратился в ЛДА, где в 1958 году он окончил курс по первому разряду кандидатом богословия и оставлен профессорским стипендиатом по кафедре западных исповеданий.

Будучи еще на 1-м курсе, он и Павел Васильевич Уржумцев (студент 2-го курса) были приглашены Анатолием Васильевичем Ведерниковым, ответственным секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии», проходить в ней в летнее каникулярное время стажировку, дабы по окончании академии войти в состав постоянных сотрудников редакции.

В сентябре 1960 года Евгений Алексеевич стал литературным редактором и одновременно членом редакционной коллегии «Журнала». С 1 декабря 1962 года он работает секретарем, а с января 1970 года — ответственным секретарем редакции.

В те годы в Издательском отделе не было специальных подразделений, отвечавших за выпуск книг, альбомов, церковного календаря, сборника «Богословские труды». Всю эту работу выполняли немногочисленные сотрудники редакции «Журнала Московской Патриархии».

Не умаляя вклада других, следует отметить большую роль Е.А. Карманова в достижении высокого уровня редакторской подготовки материалов единственного тогда ежемесячного церковного печатного органа, который вместе с издаваемым с 1960 года сборником «Богословские труды» составлял большую часть разрешенной в то время в Советском Союзе православной литературы.

Среди авторов «Журнала Московской Патриархии» не все были скучены в тонкостях русского языка, и редактирование поступавших в редакцию рукописей зачастую выливалось в их переписывание. И вместе с тем Евгений Алексеевич всегда, где это было возможно, стремился сохранять авторский стиль, специфику выражения авторской позиции.

Большое количество текстов, написанных различными авторами и напечатанных в «Журнале Московской

Патриархии», было бережно отредактировано и подготовлено к публикации Евгением Алексеевичем.

Он делал всё от него зависящее, всё возможное, чтобы добиться наиболее совершенного результата своего труда. Мягко, но настойчиво он требовал такого же ответственного отношения к исполнению служебного долга и от других сотрудников редакции. Где следует использовать курсив, какие лучше поставить кавычки, почему нужно избегать жирного шрифта и подчеркивания — эти технические «мелочи» были для Евгения Алексеевича не менее значимы, чем устранение ошибок языка и стиля.

Трудами Евгения Алексеевича в научный оборот возвращались работы выдающихся дореволюционных богословов: профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковского, замечательного экзегета Священного Писания Нового Завета; магистра богословия Московской духовной академии А.А. Жданова, автора экзегетических трудов по Священному Писанию Ветхого и Нового Заветов; профессора Санкт-Петербургской духовной академии Б.М. Мелиоранского, видного историка Древней Церкви; профессора Казанской духовной академии П.А. Юнгерова, крупного экзегета Священного Писания Ветхого Завета; профессора Киевской духовной академии В.И. Экземплярского, признанного авторитета среди исследователей истории Древней Церкви и патрологии.

Сознавая отставание нашей богословской науки, Евгений Алексеевич стремился не упустить лучшего в библеистике Запада. По его инициативе портфель редакции пополнялся переводами наиболее значимых работ зарубежных авторов. Не все из них могли пройти через цензуру, но в самом факте их появления на русском языке он видел исполнение долга перед потомками. А случалось, что заказ был материальной поддержкой автору, лишенному возможности заработать литературным

трудом из-за предвзятого (по идеологическим причинам) отношения в светских издательствах.

В фонде Е.А. Карманова в НИО рукописей Российской государственной библиотеки хранятся машинописные тексты проповедей Блаженного Августина, Тертуллиана, а также осуществленный В. Вениаминовым (псевдоним В.В. Бибихина) в 1981 году перевод 28 новонайденных бесед святого Макария Египетского.

Среди наиболее значимых переводов можно назвать книги протоиерея Александра Шмемана, протоиерея Иоанна Мейendorфа, Оливье Клемана, переводы англоязычных произведений протоиерея Георгия Флоровского, выполненных по его собранию сочинений.

Несомненный интерес представляют переводы сочинений европейских авторов, в те годы практически недоступных советскому читателю: Ипполита Дэлоэ, Иоханнеса Квестина и др. Отдельно следует сказать о переводах трудов западных исследователей, посвященных положению Православной Церкви в СССР: Отто Лухтерхандт, Уильям Флетчер, Роман Росслер.

В конце 1970-х годов Издательский отдел пополнился группой молодых перспективных сотрудников, на которых возлагались и новые надежды. Возможно, Евгений Алексеевич не вполне вписывался в программу обновления издательской деятельности, задуманную руководством, и его работа на посту ответственного секретаря редакции «Журнала Московской Патриархии» завершилась в августе 1981 года. А в январе 1982 года он был принят на работу в Отдел внешних церковных сношений Московского Патриархата. Председатель Отдела митрополит Минский и Белорусский Филарет поручил Евгению Алексеевичу заниматься взаимоотношениями Русской Православной Церкви и Древних Восточных (дохалкидонских) Церквей, а также изданием Информационного бюллетеня ОВЦС, выходившего повременно с 1963 года. Евгений Алексеевич буквально его преобразил:

расширил информацию, углубил разработку подаваемого материала, улучшил редактирование, весьма удачно создал новый дизайн титульного листа.

В 1991 году возглавлявший тогда Отдел внешних церковных связей митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) назначил Евгения Алексеевича редактором-издателем создаваемого им журнала «Церковь и время», долженствующего стать научно-богословским и церковно-общественным периодическим печатным органом ОВЦС. Однако наступивший в скором времени политический и финансовый хаос положил конец многим начинаниям в области церковной печати: Евгений Алексеевич подготовил и выпустил в свет только три первых номера этого журнала.

Работа в ОВЦС всегда, а в сложные 1990-е годы особенно, требовала от сотрудников полной самоотдачи при часто символическом материальном вознаграждении. Работать в пол силы Евгений Алексеевич не мог в принципе, а силы уходили. В 1984 году он перенес тяжелый инфаркт; в 1993 году второй обширный инфаркт еще более ухудшил его здоровье. Прогрессирующий диабет ослаблял зрение. Эти обстоятельства и заставили церковного труженика в 1993 году выйти на пенсию по инвалидности.

Но, насколько позволяли силы, Евгений Алексеевич продолжал трудиться. Работая дома, он редактировал и готовил к печати богословские статьи и книги, консультировал редакции и издательства, делился своими обширными знаниями со всеми, кто проявлял к ним интерес. Участвовал в работе редакционной коллегии сборника «Богословские труды». В 1996 году прочел цикл лекций студентам Института церковной журналистики при Издательстве Московской Патриархии. С 1993 по 1997 год проводил в близлежащей к своему дому средней школе факультативные занятия по религиеведению, а также преподавал факультативно желающим учащимся

греческий и латинский языки, историю Древней Греции и Рима.

Следует сказать и об обширной и весьма ценной с научной точки зрения библиотеке Евгения Алексеевича, составлявшейся им всю жизнь и доступной для каждого, обращавшегося к нему за помощью и советом. Евгений Алексеевич собирал также рукописи и охотно позволял пользоваться ими. И всё это — совершенно бескорыстно.

Вообще бескорыстие было отличительной чертой характера Евгения Алексеевича. Он был бессребреником, каких трудно найти в нашем мире, даже среди людей церковных. Те, кто знал его недостаточно близко, просто не верили, что можно делиться своими знаниями, эрудицией, наконец, библиотекой, не извлекая из этого материальной выгоды. Но в семье Кармановых действительно не было сбережений, а все появившиеся в доме деньги тратились на книги, которыми он охотно делился со всеми желающими.

Весной 1998 года состояние здоровья Евгения Алексеевича резко ухудшилось, врачи настояли на госпитализации. Тогда-то, на больничной койке, он и надиктовал на магнитофон свои воспоминания о прожитой жизни. Скончался он на руках своей супруги, Надежды Александровны, с которой прожил более двадцати лет. Надежда Александровна с 1975 года и до кончины мужа была вместе с ним, во всём ему помогая.

Ей мы и обязаны расшифровкой магнитофонных записей воспоминаний Евгения Алексеевича о своей жизни, которую он сам назвал «незаметной». Да он и не стремился быть замеченным кем-то. В жизни он не искал своего. Всё, что с ним происходило, имело видимый только теперь, по прошествии времени, отпечаток водительства Божия, которое оказывалось сильнее и обстоятельств, и иногда и желаний самого человека.

Воспоминания Е.А. Карманова охватывают только время его детства и молодости. Он не успел рассказать

о более позднем периоде своей деятельности, когда он вошел в группу «ответственных работников», которых, по аналогии с современным ему государством, можно было назвать «номенклатурой», т.е. людей заметных на небосклоне церковной жизни того времени. И это вынужденное умолчание также, верим, свершилось не без Промысла Божия.

Воспоминания Е.А. Карманова переданы в Начально-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, где хранятся Фонде № 929 «Архив Карманова Е. А.». Впервые воспоминания были опубликованы в 2005 году в альманахе «Альфа и Омега» под названием «Незаметная жизнь». Для настоящей публикации воспоминания были тщательно отредактированы и снабжены комментариями супруги Евгения Алексеевича — старейшей сотрудницей ОВЦС Надежды Александровны Кармановой. Воспоминания охватывают период с 1927 по 1964 год и рассказывают об учебе в Ленинградской духовной академии, работе в Издательском отделе Московского Патриархата, а главное — о людях, встреча с которыми оставила в сердце и памяти Е.А. Карманова неизгладимый след, повлияв на главный выбор в жизни — служение Церкви.

E. A. Карманов

СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ*

У меня все было как у людей. Я родился позже революции на десять лет, но на три дня раньше, поэтому мой день рождения никогда в семье неправлялся отдельно. Его соединяли с днем Октябрьской революции. Я был шестой человек в своей семье, самый последний. Папа мой был мастером музыкальных инструментов, хороший мастер, самоучка, и он очень хотел, чтобы у него был наследник его ремесла. Он ошибся, ничего хорошего из этого не получилось.

Я родился в пятницу, 4 ноября 1927 года по Рождестве Христовом, в три часа дня, в праздник Казанской Божией Матери, в городе Свердловске. Город Свердловск находится в двадцати километрах восточнее географической границы между Азией и Европой. Значит, я азиат.

Когда я родился, я почему-то заплакал. Наверное, я знал, что ничего доброго из моей жизни не получится. Мама тоже плакала. Почему, я не знаю, она мне не говорила. Может быть, она тоже чувствовала, не будучи про-

*Публикация и комментарии священника Дмитрия Агеева.

роком, что ничего из меня хорошего не получится. Но это ничего, это прошло.

Отец имел две профессии. Это было прекрасно для него, но для нас это было плохо: мы постоянно переезжали с места на место. Школу окончил после войны и решил поступать в Московский авиационный институт. Написал заявление и стал ждать. Время идет — никакого вызова нет. Время идет — ничего нет. Уже сентябрь — ничего нет. Наконец, мне передают какую-то бумажку: приглашение явиться на экзамены, причем бумага была уже запоздалая, но все-таки.

Отпустили меня весьма нехотя, я потом понял, до какой степени нехотя. Приехал я в Москву, начал устраиваться. Сдал чемодан в камеру хранения. Нашел Авиационный институт, говорю: «Вот я такой-то, такой-то». Мне отвечают: «Ну что ж вы, уже конец сентября почти; где же вы были, мы же вам вызов посыпали!..» Я говорю: «Я ничего не получил». — «Ну пожалуйста, мы посыпали вам три вызова...» А оказывается, их оставил у себя наш директор, не хотел отпускать рабочую силу: не потому, что я был гениальный, а просто кому-то надо было работать, он и не отпускал таким образом.

Нашел Авиационно-технологический институт. Они говорят: ну куда же? Что, мы будем для вас комиссию создавать? Всё уже кончено, приемные экзамены и всё. Ну ладно, приходите завтра. Я приходил назавтра, еще что-то надо было выяснить, еще что-то такое. Так прошло несколько дней. Ночевал я на Павелецком вокзале. Там оказалось лучше всего — под большой крышей были скамейки и на них можно было более или менее спокойно переночевать. У меня был плащ такой извозчицкий, брезентовый, а шапки не было. И вот я в него закутывался и спал. Был случай или два, когда те, кто подметали, убирали, подходили, так тихонечко, по плечу: «Молодой человек, здесь в общем-то не полагается спать». Никакой грубости, ничего не было. Я вставал спросонья, за какой-

нибудь киоск прятался, и опять там досыпал, а утром опять эти поездки. На какой-то там на четвертый или на пятый день мне сказали: знаете, мы, конечно, не будем собирать ради вас экзаменационную комиссию, аттестат у вас более или менее хороший (ну, там по армянскому, немецкому стояли не слишком хорошие отметки, остальное всё было сносно). Вас зачислили, а теперь последняя проблема — с общежитием. Вот адрес, какие-то там Озера, поезжайте туда, там есть общежитие и устраивайтесь. Желаем удачи.

Я поехал на эти Озера. Приехал, где-то увидел здание, доплелся до него. Да, это было общежитие этого института. Нашел какого-то молодого деятеля. Он говорит: ну куда, какое место?! Видишь, вот валяются на полу матрасы и по двое спят на этом матрасе. Какое место, что ты!.. Я понял, что ничего не получится, и ушел. А куда уйти? Назад я не мог вернуться, потому что опять надо доставать пропуск туда, на въезд в Армению; это длинная история. Денег не было. Я уже продал что-то — рубашку, еще что-то такое. Платили хорошо. За какие-то галоши можно было рублей триста получить, а кусочек хлебца стоил пятнадцать рублей, на базаре можно было купить. Я начал искать работу, потому что не пропадать же. И началось. Я посетил двенадцать или тринадцать учреждений, включая завод им. Сталина, включая Орехово-Зуево, Павлов Посад, еще куда-то ездил, и по Москве. Всюду с удовольствием брали механика-конструктора, как я числился, рабочая-то сила везде нужна была. Но — прописка или жилье... Так что ничего не получилось. И туда, и сюда, и сюда, и туда.

Запомнилась мне поездка, по-моему, в Подольск или в Орехово-Зуево. Я ехал туда поздней электричкой, рано-рано прибыл. Туман был. Я спросил, как пройти к заводу, какая-то бабуся ответила: «Вон туда, милок. А чего, на работу?» — «Да...» И пошел. Я-то голодный, легко пошел. Потом слышу уже из тумана: «Эй, сынок, сынок».

Я подошел. Она спрашивает: «А ты сегодня завтракал, ел?» Я говорю: «Да нет, это не обязательно». Она говорит: «Подожди, подожди». Узелочек развязала. Там горшочек был с картошкой вареной, кому-то она несла, видимо, на завод, потому что работали-то дай Бог тогда по сколько. Хотя война кончилась, но сорок пятый год. Она достала мне две картофелины, дала и ушла.

Возвращаясь однажды, прошел около маленькой церковки. Думаю: что это такое? Заглянул туда. Там продавались календари. Это был календарь на 1946-й, на-верное, год, или на 1945-й. Я купил тихонечко, и потом его внимательно изучал.

У нас не было в семье каких-то антирелигиозных взглядов, ничего на эту тему никогда никто не говорил. Совершенно ничего не было. Мама преподавала в началь-ной школе; после гимназии это обычная вещь. Вообще-то она библиотекаршей была или преподавала в начальных школах, еще и до меня этим занималась.

Поиски работы длились долго, больше десяти дней. Но я не сообщал домой, что мне плохо и что есть нечего. В конце концов, можно было купить кусок хлеба за пятнадцать рублей и мороженку. Из чего они делались, на сахарине или еще из чего-то, не знаю, но как-то это утоляло голод. Карточек нет, поэтому ничего не купишь. Деньги, конечно, я с собой взял, я же получал что-то. Не так много, но мне некуда было их, в общем-то, тратить. Нечего было купить. А потом я продал что-то из своих вещей, рубашку, еще что-то. Ну, конечно, доходил я уже до конца. Вечерами я приходил к своему знакомому, с которым случайно познакомился в поезде. Мне с ним очень нравилось вести беседы, он интереснейшие вещи рассказывал.

И вот, в частности, среди тысяч других вопросов, которые я задавал, а он мне в ответ рассказывал, я спросил его: а что такое Новый Завет? По-моему, эта беседа могла быть еще в поезде. Но как-то к этому еще раз вернулись. Я

сказал, что хотел бы почитать. Он сразу не отреагировал, но в следующий раз мы к этому вернулись, он говорит: ну, дам почитать. И достал потрепанную, без переплета, книжицу — Новый Завет. Говорит: эта книга мне очень дорога, потому что на Северном Кавказе в начале двадцатых годов во время гражданской войны (он то ли участвовал, то ли не участвовал, скорее всего участвовал на стороне, конечно, красных) меня немцы изловили и приговорили к смертной казни. И пока я сидел, ждал смертной казни, я попросил жену, чтобы она мне такую книгу достала и принесла. И со мной в тюрьме была эта книга. Почему-то его потом не расстреляли. Но он мне говорил, что где-то в Пятигорске или Кисловодске, на памятнике тем, кто погиб в эту пору, его фамилия тоже есть. Я потом уже туда слишком поздно приехал, чтобы найти этот памятник. Не важно, он врать бы не стал, он ничего от этого не имел.

Я взял эту книгу. Но это уже было, когда я, наконец, так-таки нашел работу. Я прочел объявление о том, что Институту повышения квалификации при Моссовете, такой-то адрес, нужен истопник. Я решил, что это ничего. Да, там, кажется, обещалось, что можно было жить. Я пришел туда. Меня сразу приняли и сказали: вот туда пойдите, там есть помещение, где вы будете жить. Оказалось, это какая-то церковь, такая большая, мощная, перегороженная на шесть или семь этажей. Там были сделаны аудитории, еще что-то такое, и занимались там молодые и не совсем молодые люди по разным специальностям, Институт повышения квалификации при Моссовете¹. Я пошел в котельную. Там был слесарь, который потом рассказал мне, что он эту отопительную систему кое-как сделал, как мог, а мне надо было топить. Я позже узнал, что там должно было быть четыре истопника, но никто на эту должность почему-то не рвался. А меня вот так приняли. Составили трудовой договор, который где-то у меня валялся, может, даже еще есть. Где эта церковь, какая — я потом вспоминал и никак не мог найти ее. Боюсь, что всё

было перекроено после 1945 года, всё. Я зрительно помню, что она была в каком-то таком небольшом переулке, и так чуть-чуть в палисаднике. Наверное, можно найти, где тогда помещался такой-то институт. Одно время мне надо было об этом помалкивать, потому что, если по всей строгости закона, то за последующие мои деяния меня могли бы и наказать. Я же через месяц удрал с работы, потому что меня не отпускали.

Жить мне можно было — большое боковое помещение первого этажа было перегорожено еще одним этажом и отгорожена фанерой каморка. Тут жила дворничиха, к ней полуметровый кусок круглого окна попадал, ко мне — ничего, и причем выключатель света был у нее, и я должен был ей кричать, чтобы она выключила... Кроме пыли, не было ничего. Эта самая тетя мне подсказала (как-то она недружелюбно ко мне относилась, настороженно), я вползал на самый высокий этаж, где уже начинался свод церкви, и там, несмотря на многократные побелки, все-таки были видны звезды на синем небе, по-моему, часть изображения Бога, как Вседержителя рисуют, ангелы были там нарисованы. Там я нашел спинку от дивана, притащил ее, это была моя кровать. Взял свой чемодан из камеры хранения и началось мое мучение. Я должен был утром приходить, вытаскивать золу из котла. Это надо было в каком-то эмалированном худом баке вытаскивать по ступеням, такие высокие ступени были, крутые, их было больше двадцати, по-моему. И этих баков надо было штук пятнадцать вытащить, а то и больше. Но после войны все мы были дистрофики.

Ну вот, начал я работать, а по вечерам я читал Новый Завет; первый раз в жизни читал. Было интересно, а кое-что непонятно, а кое-что возмутительно. По крайней мере, я четко помню, как меня задел совет: если тебя двинули в одну скулу, то подставляй другую. Думаю: ну нет! Нет дураков... А потом день хожу, другой хожу, думаю: а ведь это правильно. Где-то зло должно остановиться, по-

тому что тебя обидели; ты по злобе этому же отдашь или кому-то другому, более слабому, эту пощечину передашь, тот тоже найдет способ на ком-то отыграться — так оно идет, идет, идет до бесконечности. Где-то оно должно замереть, хотя в общем, в таком банальном смысле, конечно, нехорошо получить пощечину и не дать сдачи, «не благородно». Так понемножку я всё это и постигал. Читал Новый Завет. Читал, посматривал календарь. А там, кроме всего прочего, был указан адрес Богословского института: улица Пироговская, дом 2. И меня туда потянуло. А как-то получилось, что перед этим в каком-то разговоре дома я узнал, что я, последний, был некрещеный. В 1927-м году это уже выходило из моды и даже преследовалось. По традиции отец с матерью, конечно, были крещены и венчались, и все мои предшественники тоже были крещены, а меня уже не крестили, потому что это никому было не нужно и могло даже какие-то неприятности принести. Это уже осмеивалось. Так что я знал, что я некрещеный. Единственно, что я знал.

И вот между своим пеплом, углем, бревнами, чтением Нового Завета я еще предпринял поиски, где это Богословский институт. Но времени-то у меня было не так уж много на эти поиски. Нашел Пироговскую кое-как, она на счет начинается с Зубовской площади. Хожу, хожу — никакого Богословского института нет. На следующий день приезжаю, опять хожу, хожу, хожу — нет Богословского института. По третьему или по четвертому разу я каким-то чудом оказался в другом конце улицы, только там, оказывается, Пироговская 2, зашел в Новодевичий монастырь. Как войдешь в Новодевичий монастырь, справа двухэтажный дом, это Лопухинский корпус, там всё располагалось².

Это был ноябрь 1945-го года. Я зашел, кого-то там не было. Стал подниматься на второй этаж. Там висит, что нужно знать для поступления в институт: надо было грамотно писать по-русски, правильно читать

по-церковнославянски, знать молитвы — Символ веры, тропарь своему святому, иметь справку о крещении. Ну ничего, я дождался кого-то, меня приняли. Там за длинным хорошим столом сидел невысокий человек, благородный, хороший. По-моему, это был Савинский³, был такой профессор. Ему принесли стакан чая. У него был кусочек сахара, и он медной крышкой чернильницы его дробил на маленькие кусочки и пил. А сбоку, немножко в сторонке сидел худощавый, как мне показалось, средних лет, человек, энергичный такой. Тот спрашивает меня:

—Что вы хотите?

—Я хочу поступить в институт

—А вы это вот знаете?

—Нет, — говорю, — к сожалению, не знаю

—А вот это?

—Тоже не знаю.

—А вот это?

—Тоже не знаю.

—А вы крещеный?

—Нет...

Тут второй тоже что-то подкинул в этом смысле. И старший говорит: «Знаете что, вам надо начать всё с начала. Вы должны подготовиться к Крещению, креститься; то, что требуется для поступления в институт, всё выучить; и потом приезжайте, мы вас с удовольствием примем». Я поблагодарил, вышел, а за дверью подумал: ну и наплевать, не надо... Через десять лет я пришел в это помещение уже работать в редакцию. Второй человек был Анатолий Васильевич Веденников⁴. Он, разумеется, не вспомнил, у него столько дел было и всего прочего. Но я на него ничуть не сердился, потому что чувствовал их доброе расположение ко мне.

В общем, я решил, что раз нет, то и нет, обойдусь и без Богословского института, хотя меня тянуло туда, я чувствовал — там должно быть очень интересно, потому что вопрос о том, для чего жить, почему жить, что такое

жизнь, интересует каждого человека после шестнадцати лет, такой приходит период. И для меня это тоже когда-то вставало; не только потому, что живешь и хочется кушать, но и более высокие идеи поднимаются. Вопросы эти не всегда находили ответ. Я инстинктивно сюда потянулся, ну, не получилось. Ну нет, так нет, ладно.

Но! Мне захотелось самому иметь Новый Завет, свой, этот я должен был отдать. И я пошел в букинистические магазины. Удивительно, что там много было этих книг, они стояли открыто. Где-то я спросил: «Библия есть?» Что интересно: удивительно как-то мягко и благожелательно все относились в годы войны. Я так вспоминаю: обид, оскорблений каких-то чрезвычайно было мало. Прямо странно — как бы очищающе действует страдание и общая боль. Мне показывают: «Вот есть, смотрите, какая большая, крупный шрифт, на славянском языке». Я говорю: «Нет, на русском». Тоже показали — громадную и дорогую. Я-то думал про такую, которую можно в карман положить, чтобы она никому не мешала; и глаза тогда были хорошие. Как-то я не нашел в магазинах ничего хорошего и сунулся в какую-то церковь, по-моему, это была Николо-Кузнецкая⁵.

Я пришел в небогослужебное время, где-то днем, поговорил, был какой-то сторож-истопник. Он говорит: «Бывает, что приносят, бывает. Приходите, допустим, через воскресенье». Я пришел. Он говорит: «Знаете, ничего что-то нет, не было. Ну, сейчас служба начнется, пойдите, постойте там. А потом отец настоятель, он такой знающий человек⁶, вы его спросите, конечно, он вам ответит».

Я пошел в церковь первый раз в жизни. А там тамбур был небольшой, темненький. Было холодно, ноябрь. И я, конечно, если бы заходил в храм, шапку бы снял, но в этом тамбура, где люди отряхиваются от снега, я еще не успел это сделать. А две шеренги нищих сразу на меня набросились: «У, в шапке идет!» — что-то такое ругаться начали. Как-то я сорвал шапку, прошел, не знаю, где стоять. Не

так уж тесно, но всё-таки. Где-то скраешку я постоял. Началось богослужение. А может, оно уже и шло, не помню. Чтение было, потом хор запел. Я думаю: хорошо поют, а когда же оркестр вступит? Оркестра так и не было... Всё интересно было, всё таинственно и непонятно. Проходил потом священник с кадилом. Тоже не знаешь, куда деваться. Кто знает, тот расступается, а я чувствовал себя там совершенно чужеродным телом. Но достоял всё с интересом до конца. К счастью, когда всё кончилось и люди начали расходиться, появился этот истопник рядышком. Так с его помощью я столкнулся с настоятелем, как я понял. Это был редактор ЖМП отец Александр Смирнов, такой красивый, хороший. Когда меня этот истопник с ним свел, отец Александр, как я потом понял, спросил меня: «Что вам надо, что вы ищете?» — «Веру ищу». — «Ну что ж, веру, это хорошо. А что вам нужно?» — «Библию мне нужно». — «А вы откуда?» — «Я из Армении приехал». — «У нас армянской Библии нет». — Я говорю: «Я русский, мне русскую Библию нужно». — «Да и русской тоже нет. Ну, ищите и обрящете!» — и ушел. Я подумал: «ищите и обрящете», — это я уже читал; это хорошие слова, но лучше бы Библию, конечно, иметь... И опять пошел по букинистическим магазинам.

В этой же церкви какой-то дядя, который молился, услышал этот разговор, людей-то много было, и сказал: «Знаете, у меня есть Новый Завет, приезжайте». И я в какой-то день приехал куда-то, не знаю, где это было. Он показал мне Евангелие на двух языках, четыре Евангелия, обычное такое, распространенное, русско-славянское. Запросил он то ли 250, то ли 300 рублей. Не в этом дело, но мне хотелось Новый Завет. Я сказал, что подумаю, если ничего не будет лучше, приду. И на Старом Арбате, в каком-то магазине, у метро справа (я зашел уже вечером, было пустовато) спросил. Продавец-мужчина говорит: «Вам действительно нужно, очень нужно?» — «Очень нужно!» Кажется, он назначил мне прийти на следующий

день или через день. Я пришел, он из какого-то ящика достал Библию в мягком черном переплете за 125 или за 150 рублей. Я сразу ему деньги отдал, взял ее и стал обладателем Библии. Начал ее читать с удовольствием, несколько раз прочел за многое время. Она жива у меня.

Всё-таки мне пришлось домой сообщить, что у меня не получилось с институтами, что работаю истопником и т.д. Там, в Кафане, конечно, были поражены таким оборотом дела и решили, что я больше принесу пользы, если буду в конструкторском бюро работать, а не истопником в Москве; надо приезжать; какую-то денежку на дорогу мне прислали оттуда телеграфом. Я пошел к начальству нашему истопниковскому и говорю, что мне нужно вернуться на старое место работы. Начальник говорит: ну куда же вы вернетесь, тут же Москва! Я говорю: всё равно это не то. Он сказал: только одно условие, если вы найдете себе замену, пожалуйста. Я написал на листе бумаги, что требуется истопник туда-то, туда-то, расклеил его везде, где мог. Конечно, ни один человек на эту уドочку не попался. Мне пришлось совершить преступление: я уехал оттуда не спросясь.

В субботу вечером я тайно покинул свое место работы и уехал. Пошел на вокзал, сел в приличный вагон, четырехместное купе было. Я на верхней полке оказался. Какие-то три дамы ехали служебного типа. Но у меня была Библия; и впереди меня ждали люди, которые знали меня, с которыми мне было хорошо.

Наконец я добрался до Кафана, но родители мои уехали с Северного Кавказа и оказались в Свердловске. Я решил к ним поехать. Приехал, подал заявление на химфак университета. Иногда после университета я шел в нашу городскую библиотеку. Она была очень хороша, я там что-то искал и находил. Библию я, еще вернувшись в Кафан, по ночам прочитал всю понемножку, так, чтобы никто не видел и не спрашивал ничего. Иногда просто брал ее в карман плаща, уходил в горы и там с наслажде-

нием читал. Раз прочитал, и больше прочитал. А тут я брал какие-то книги совершенно нейтральные, но к одной из них оказалась приплетена маленькая книжечка профессора Иванова «Средневековый монастырь». Позже я узнал, что это был очень известный преподаватель⁷ какой-то гимназии и у него есть целая серия — «Средневековый город», «Средневековый монастырь», «Средневековое село» (или деревня) и «Средневековый замок». Я эту вещь прочитал, и как-то мне захотелось узнать что-нибудь хорошее о монастырях, конечно, не в средневековой Европе, а где-нибудь поближе. Да, тогда же я случайно нашел в каталоге один из томов Златоуста старого издания, Толкование на Евангелие от Матфея. Я так раз за семь ее прочитал. Начал второй раз читать, потом она исчезла из каталога и мне говорят: «Нет такой книги». — «Ну я же брал!» — «Покажите карточку». Пошел: карточки уже нет. Ну, всё понятно...

Интересно, что, прочитав Библию, я не испытал какого-то чувства, которое бы меня толкнуло посещать церковь или еще что-то. Оказывается, они совершенно во мне не были соединены. Да и мой единственный сознательный визит в церковь был какой-то плачевный. Я там ничего не получил, и непонятность ничего мне не дала; и больше меня не тянуло туда. А тут я каждый раз на работу проходил мимо одного из кладбищ, где была церковь. Мне так захотелось узнать что-нибудь о монастыре, что я все-таки зашел в эту церковь на Михайловском кладбище⁸, мимо которой проходил, и дождался, когда кончится служба. Там настоятель был худощавый, аскетического вида. Я узнал потом, что он из старообрядческой семьи. Я спросил его, где у нас есть монастыри. Он говорит: «Знаете, точно ничего не могу сказать, но вот у нас епископ Товия⁹, он часто в Москве бывает, он, наверное, вам расскажет. Вы пойдите в тот храм, когда он будет служить, его и спросите». Ну, я так и сделал в воскресенье. Это другой конец города. Пришел; храм битком

набит. И та же история: я всё-таки был хоть и тощий, но длинный, никуда не встанешь. Встал где-то недалеко от двери. А нищие за мной то в спину немножко потолкают, то ворчат: «Вот дылда встал тут. Из-за него нам ничего не подают, ушел бы ты куда-нибудь в сторону». В общем, опять мне с нищими не повезло. Я чувствовал, что мне и по росту не годится вперед кудато там лезть, закрывать кого-то, и вдобавок я чувствовал, что не то чтобы я мог стоять в церкви по-настоящему, раз не крещен; и тут тоже плохо у дверей. Мало того, что сквозит и хлопают дверью и шум тут, еще кому-то и мешаешь. Но всё-таки я первую архиерейскую службу в своей жизни видел, смотрел, удивлялся — как он свечами благословляет, так, что они не гаснут, еще что-то такое.

Смотрю я на всё, что связано с архиерейской службой. А рядышком стоит какой-то дядя в шинели, так ласково посмотрел на меня и так тихонько подбодрил. Потом мы с ним вышли вместе. Я ему говорю: «Я хочу спросить»... Он спросил меня, не первый ли я раз или что-то такое. Я ему признался, что хочу спросить у Товии о монастырях. Он говорит: «А я был в Почаевской Лавре этим летом и могу рассказать». Мы вместе с ним пошли, разговаривали. И потом чуть ли не каждое воскресенье мы с ним встречались около этого храма.

Оказалось, что он какой-то военный чин по инженерной части, поэтому ходил еще в военном, как многие. Был он доцентом сельхозинститута, что-то по защите растений, может, даже декан. Из Вятки он родом. Очень понимающий в церкви человек, кажется, он даже иподиаконом был какого-то епископа в старину. И ходил он на паломничество в Почаевскую Лавру. Всё это знает, помнит, рассказывает мне. И так вот мы с ним встречались и встречались. Ради того, чтобы с ним встречаться, я каждое воскресенье стал ходить.

Я поступил в Уральский филиал химико-фармацевтического института (который недалеко от Зубовской

площади) и там работал по теме «Витамин РР, промышленное производство». Потому что витамин РР был очень нужен. В Америке его в годы войны просто в хлеб замешивали без спроса, десятки тонн ушли. Он антипеплагрический и вообще очень нужен при осудненном, однообразном рационе. Его обычно делают из остатков табачного производства, из махорочной пыли и прочего. Достают никотин, а потом его окисляют скоренько и получается никотиновая кислота. Но никотин токсичен, всякие работы с табаком делаются в вытяжных шкафах, довольно громоздко, дорого и опасно. Поэтому искали способ, как получать его в достаточном количестве и не возясь с табаком. Разные химические вещества пытались окислять, чтобы исходный продукт был. Работа такая, ничего. Лаборатория была замечательная. Заведующий был хороший такой, Хмельевский, с хорошим юмором, умный человек. Какая-то группа работала по выработке лекарства от туберкулеза, кто-то еще чем-то занимался, какое-то отделение было даже антибиотиками занято. А кто-то среди руководства даже получил Ленинскую премию, потому что они в годы войны наладили производство стрептоцида, может быть, даже каких-то других веществ, которые очень были нужны. Ну, были в жутких неприспособленных помещениях, но с энтузиазмом еще работали, и ребята там были хорошие. Я там работал; снова читал Библию, вот эти книги, которые мне попадались.

И тут начался странный разлад у меня в душе. Я чувствовал, что нужно, потому что Евангелие я всё глубже понимал и воспринимал эту точку зрения. Хотя тут где-то и Лев Толстой попался мне у букинистов, и я его что-то почитал. Не повлиял он особенно на меня. Просто помню, что во время очень длинных опытов медицинских, медико-фармацевтических у меня было время, я стоял около колбы и читал. А мой патрон был, по-моему, дядя «оттуда». Он больше интересовался, что у людей в голове,

чем работой. Он просто посмотрел осуждающе, увидев у меня эту книгу, и немножко прижимал меня.

Но это всё было не страшно. И получалось так, что я знал, как должна была бы жизнь строиться по Евангелию, и чувствовал, что вся окружающая-то жизнь совершен-но этому не соответствует, а вот достаточно ли силы у Евангелия и у меня, чтобы как-то это перебороть? Не говорить о гармонии — это, конечно, нелепо было бы, но чтобы получить какой-то баланс, не мучающий душу. Вот тут у меня что-то не получалось, и своим разумом я никак не мог дойти до этого. И вообще всё это опять за-клинило настолько грустно — не то что плохо, а просто грустно, — что думаю: да, ну ничего, если будет совсем плохо, так ничего...

Отец мне сделал по моей просьбе химический стол, так как у меня были всякие препараты понемножечку из университета. Это обычная история. Когда нужно, кто-то тебе даст пять грамм чего-то, ты тоже дашь, без этого не обходится. Ну, и какие-то вещи у меня дома были; что-то можно было купить в магазине. Я втихаря, не спеша сделал несколько граммов цианистого калия и почему-то решил его с собой носить; так, на всякий случай, в кармашке для часов он лежал. Я ничего не собирался делать, но это давало мне какое-то спокойствие. Когда есть какой-то выход, то гораздо спокойнее живешь и можешь прятануть очень долго.

Примерно в это время я познакомился с моим Николаем Николаевичем, и наши встречи всё шли. Он был хороший, симпатичный, как-то располагал к себе. Один раз даже домой меня заводил. И на какой-то встрече разговор зашел о цианистом калии. Я не стал ничего драматизировать, не было повода для трагедии, так, спокойно ему сообщил. Он спрашивает: «А где он?» — «Вот». А мы проходили по какой-то из многочисленных тропинок, сугробы наметены снежные, мимо помойки. Он так решительно ногой в сапоге топнул глубоко в снег, получилась

такая траншея, он швырнул туда мой цианистый калий, затоптал и говорит: «И не смей думать». Я ответил: «Хорошо...» (вторая-то порция у меня дома лежала).

Но постепенно я оттаивал, оттаивал. Он мне рассказал всё о монастырях, что знал, и я написал письмо в Почаев (он дал мне адрес): мол, недовольный жизнью (я не имел в виду осуждать, это меня совершенно не интересовало, я хотел передать ту мысль, что я не могу в жизнь как-то влиться, как надо было бы) и хотел бы поступить в монастырь. Конечно, на такое идиотское письмо никакого ответа я не получил.

Н. Н. мне говорил, что, может быть, лучше бы в семинарию поступить. Я подумал: ну что ж, можно, конечно. И ему рассказал, что я оказался некрещеным. Он говорит: «А как же ты в монастырь поедешь некрещеный?». Я говорю: «Там крещусь». — «Ну, так не делают». А потом идея о семинарии возникла. Но всё-таки он меня убедил, что лучше уж креститься «без дураков», и всё.

Откуда-то он притащил мне большого формата (мне показалось, что из какого-то журнала, но скорее всего это такое издание классических книг в одном томе раньше было; когда-то у нас Гоголь был), в два столбика «Размышления о Божественной литургии» Гоголя. То ли он всю мне ее дал, то ли он только выдрал мне листики, где Символ веры, потому что он сказал, что я должен знать «Отче наш», «Символ веры», еще какие-то молитвы. Это я всё по дороге, идя на работу и с работы, быстренько выучил.

И потом решили, что пора креститься. Он сказал, что надо длинную крестильную рубашку. К этому времени уже можно было ткань купить спокойно, без всяких трудностей. Купил белой ткани какое-то количество. У нас была ручная машинка «Зингер». Когда ночью все ложились спать, я подкладывал одеяло, чтобы она не шумела, не мешала спать, и так за два вечера, в два приема я рубашку эту сшил. (Правда, Ангелина, сестра моя, такая с ехидцей, вставала и видела, что я что-то шью. Она подошла, спра-

шивает: «Что ты шьешь?» — «Рубашку». Через какое-то время она спросила: «Ну, как твоя рубашка?» — «Не беспокойся, рубашка в порядке».)

Я эту рубашку в карман (у меня такое длинное отцовское пальто было) и опять поехал на кладбище. А там очередь большая, человек по тридцать, по пятьдесят, в два, в три приема крестили, крестили, крестили. Один раз не получилось. На другой раз он говорит: «Я постою в очереди». Достоялся он в очереди, подбегает, спрашивает: «Паспорт есть?» — «Есть». — «Дай паспорт мне». Опять бежит, говорит: «Знаешь что, ты уже большой, уже требуется не моя подпись, а твоя, иди распишись, что ты хочешь сам окреститься». Я подошел, расписался. Дождались, что три партии прошло орующих младенцев. Ну, похоже, что я один остался. Завели меня в маленькую служебную комнатку справа, там была купель стандартная. Мы ее поставили на пол. Еще два пацана пришло за то время, пока всё это делалось. Пацанов этих крестили. А со мной что делать? Я тоже встал туда, как мог, присел, священник всё, как полагается, водой сделал. Это было 7 марта 1948 года. Крестным Н. Н. был, конечно. Он тут же мне нашел и крестную, Калерию Павловну — женщину, которая при церкви помогала. Можно было бы обойтись одним крестным, ну, так уж он решил сделать. Такая энергичная, рыжеватая, его землячка оказалась, тоже из Вятки, она портниха самодельная была.

После этого мы к этой крестной зашли все вместе. Посидели, поели, что Бог послал. Я спрашиваю: «А как быть с родителями, сказать им, не сказать?» — Крестный говорит: «Конечно, надо сказать, как же так». Ладно. Позже я пришел домой. Семья не такая была, что все радовались друг другу и сидели, разговаривали о чем-нибудь; каждый своим делом занимался. Была одна длинная, узкая комната, в которой стоял мой химический стол, моя кровать, а дальше стояла кровать отца. Я пришел уже довольно поздно, и пока было у меня какое-то подобие

ужина, сказал отцу с матерью: «Я крестился». Мама немножко удивилась. А отец помолчал, помолчал, потом говорит: «Ты что, правда крестился?» — «Да». — Охнул, вздохнул, ушел. Через какое-то время я тоже пошел спать, уже было поздно; он ворочается, ворочается на кровати, ворочается... Говорит: «Так ты что, Евгений, правда крестился?» — Я ответил: «Конечно». Опять помолчал, повздыхал: «Ну, — говорит, — наши пути разошлись». Я говорю: «Как хочешь».

После этого ничего не было, никаких акций. Меня не выгоняли из дома, я тоже никуда не спешил. В церковь стал более часто ходить, уже по-настоящему. Пасху там первую встретил. Так мне понравилось, всё здорово. Крестный к себе часто приглашал, рассказывал. С крестной тоже общался. Всё хорошо.

Где-то в мае-июне отец, списавшись с Черниговской музыкальной фабрикой, решил двинуть туда. Я решил, что там где-то и семинария есть поблизости. Пожалуй, я пока не буду требовать самостоятельности и отхода, погеду вместе с ними.

Приехали в Чернигов. Там совсем недалеко оказался монастырь; правда, он женский был, но действующий монастырь. Там была канцелярия Епархиального управления, был хороший священник и две матушки еще того закала, с гимназическим образованием, хорошие такие. Как-то они ласково меня приняли. Сказали, где Киевская семинария и как туда написать заявление. Показали старые журналы, где эти адреса были.

Я написал всё, что нужно, что-то от них получил. Да, там требовалась справка о крещении. Не помню, кажется, я ее по почте запросил. Но во всяком случае было всё как полагается.

Отец получил свою работу на музыкальной фабрике. Жили мы при фабрике, нескоро квартиру получили. У меня там была работа. Один раз там нужно было детализировать какой-то станок, который кто-то сконструировал,

то есть сделать подробные чертежи. Меня пригласили, я с неделю работал, всё сделал, получил денежку.

Потом пришло приглашение на вступительные экзамены. Стандартно на конверте было напечатано машинкой, и там письмо: «По благословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего митрополита Иоанна¹⁰...вы допускаетесь к экзаменам». То ли случайно, то ли специально это письмо (могли, конечно, случайно перепутать, раз оно на машинке напечатано) не отдали нам, а среди прочих писем оно оказалось у начальства. Там очень удивились, отцу, видимо, какие-то малоприятные вещи говорили. Особенно его упрекнуть нельзя было, потому что он не партийный был, но это перестало быть тайной. Отец, конечно, на меня жал, тем более что всё-таки знали, что я мог делать что-то непростое, после того как я поработал там с этой детализацией станка. Но ничего, как-то терпели. Отцу не было за меня стыдно: я же не бражничал там, ничего такого. Наоборот, все по работе-то видели, что он нормальный человек, и как-то оставили его в покое. Потом были, видимо, какие-то маленькие уколы, но всё проходило более-менее спокойно.

Ну так, ничего, прошло. Я поехал сдавать экзамены. Конечно, петь я не мог, по-славянски я не знаю, что там начитал. В общем, что-то ужасное было. Многие парни, которые были в селах и ходили по церквам, уже гораздо больше меня знали и понимали. Всё-таки меня приняли. Приняли. А потом мне объяснили, что я с трудом прошел, потому что тогда ставка была на то, чтобы поступали в семинарию с минимальным образованием — пятью-шестью классами, семью. А я же не мог скрыть, что немножко даже в университете был. Видимо, думали, что если попы будут дураки, то Церковь сама собой наконец подохнет. А кроме того, к этому времени отец числился начальником экспериментального цеха, а потом вообще сделали цех концертным, специальных инструментов, и отец наладил это производство. Так что сын начальника, не ахти

какого, но всё-таки начальника; старались, чтобы этого тоже не было. Но каким-то путем пропустили меня, и я там спокойно стал заниматься. Это был уже третий набор Киевской духовной семинарии и последний год, когда она находилась в развалинах Михаило-Златоверхого монастыря¹¹. Там было десятка полтора монахов, маленькая церквушечка, где лежали мощи великомученицы Варвары¹². Каждый вторник митрополит Иоанн рано утром приезжал, служил акафист великомученице Варваре. Мы тоже были на этом акафисте.

Питание было еще по карточкам, были плохо одеты. Один парень вместо шарфа пользовался просто чистым белым вафельным полотенцем; кто как одет был. Люди разные были на нашем курсе (не только на нашем). Один был подводник, другой был с дальнего ночного бомбардировщика, награжденный разными орденами, но когда на какой-то раз их сбили и они оказались в недолгом плену, он, конечно, лишился всех орденов и спокойно дослужил в армии в нижних чинах. Был просто офицер пехотный, еще какие-то ребята были. Один был из тех, кого увезли в Германию молодым парнем, и там он должен был батрачить; он рассказывал о разных своих делаах. Был один, который пришел к вере через хлыстов где-то в Харькове, в общем, через сектантство, учительница ему что-то рассказала об этом, и он потом пришел в христианство. Но тип немножко аскетический; я не пойму, то ли он такой был, то ли это небольшое пребывание среди сектантов на него наложило такой отпечаток.

Все были украинцы. Кроме меня, еще один был русский. Я довольно скоро понял всякую премудрость и хорошо учился. Даже пел в хоре, хоть негромко, но пел. И всё шло хорошо.

Через год нас переселили из-за окончательного закрытия Михайлова монастыря в цоколь Андреевской церкви¹³. Это двухэтажное здание с фасадом на улицу, остальное в горе оставалось. И отец Сергий Афонский¹⁴,

бывший ректор этой семинарии и заведующий библиотекой, пригласил меня заниматься библиотекой. Он отдавал мне за это часть небольшой зарплаты, которую получал; всю ему просто не позволили мне отдавать. И я занимался эти три года библиотекой. Когда я пришел, там было книг семьсот; когда я уходил, было уже более трех тысяч книг. Куда они после закрытия семинарии девались, трудно сказать. Но подбирались хорошие книги. Я ходил в букинистические магазины, там меня уже знали, доставали книги, приобретенные ими за этот период. Сначала отбирал я, потом все остальные, потому что я брал много и целенаправленно, и как-то так получалось хорошо. Стипендия, которая была не такая уж большая (давали сорок рублей, потом пятьдесят-шестьдесят по старым деньгам), и то, что я получал еще за библиотеку, давало мне возможность тоже покупать книги. Первую духовную книгу я купил в магазине, в церковной лавке, которая тогда была на Подоле. Там можно было приобрести свечи, какое-то облачение, еще что-то, и было две полочки книг религиозного содержания, не дешевые, но всё-таки. Кирилла Иерусалимского издания Сойкина я там купил за тридцать пять рублей, за целую стипендию, но был очень рад. Это был 1948-й год, и отсюда началась моя библиотека.

Что я там с этой библиотекой возился, это было хорошо. Вдобавок было помещение, хотя сырое и без света. Там я ревматизм получил. Но зато я уже общался с этими книгами, как хотел, и там же занимался своими уроками и прочее, прочее, прочее. Потом там же был устроен шкаф, в котором лежали самые примитивные лекарства для ребят. Один из студентов, военный врач, монах Киево-Печерской Лавры, в случае нужды там консультировал. Но все лекарства и покупка лекарств тоже лежали на мне, и этот шкафчик был на мне, так что полная автономия, и я мог там закрыться и заниматься уроками, чтением и чем угодно.

Всё шло хорошо. Было еще бедновато. Ходили мы все кто в чем попало. У меня почему-то были немецкие ботинки на толстой подошве, подбитые гвоздями с такими шляпками, — ну точно такие, как рисовали в карикатурах немецкие сапоги. Другого ничего нельзя было купить. Всё было хорошо, но когда я шел по мраморному полу по Андреевской церкви, песчинки трещали. Это было очень неприятно: шум от моих шагов, от этих башмаков был на всю церковь.

На какие-то службы мы ходили обязательно. В Андреевской церкви мы не часто были, в основном ходили во Владимирский собор в субботу, в воскресенье на литургию, и в какой-то день (четверг вечером, кажется) на акафист. А после литургии в воскресенье я не ходил на обед, а шел дальше, дальше, дальше, и минут через пятьдесят оказывался около Лавры, обходил пещеры те и другие тихонечко в одиночку и возвращался часам к трем в семинарию. Это было очень приятно, а что без обеда оставался, это не так уж было важно.

Хорошие времена были. Там мне очень нравилось, и как-то я наконец почувствовал себя в своей среде. Если я раньше был замкнутый, молчаливый, потому что ни в семье у нас разговоров не получалось, ни так, то тут у нас дружный, хороший класс был в общем, и как-то понемножку я совсем растаял, разговаривал, даже разболтался. И понял еще одну вещь: если не хочешь, чтобы над тобою смеялись, надо самому себя выставить в идиотски-смешном виде, осмеять себя, и у людей не будет ни желания, ни возможности тебя осмеять. Срабатывало прекрасно. Никто мне не говорил никаких глупостей, никогда никто надо мной не смеялся.

Учеба шла хорошо, полные пятерки и т.д. И всё было бы прекрасно, если бы не 1952 год, год окончания семинарии.

1952 год... Четвертый класс семинарии. На пасхальные каникулы я обычно уезжал автобусом в Чернигов. В

этот раз почему-то меня провожало несколько человек. Вдруг все мои сокурсники изъявили желание меня проводить, и даже из другого курса человек пять пришло. Думаю: что такое, никогда такого не было. Обычно я с собой вез маленький чемоданчик вещей, а чаще всего он был забит книгами, которые я покупал для себя. В этот раз была большая пачка книг и чемодан. Обычно я доезжал в Чернигове не до самой остановки, а выходил около собора, там можно было остановить автобус, так проще было дойти до дома. Какой-то хороший молодой человек последний заскочил в наш автобус. Ехали три-четыре часа. Мы с ним немножко поговорили, ему было скучно, какую-то книгу из обычных светских дал ему почитать, полистать, посмотреть. Приехали туда засветло, но под вечер. Только я не стал выходить около собора в этот раз, меня никто не встречал, поехал до конца. Я вышел, а это человек вдруг: «Евгений Алексеевич (показал мне какую-то красную книжечку, которую я толком не прочитал, но понял, что это из госбезопасности), вы меня здесь подождите, у меня к вам разговор есть». Он зашел в автобусную станцию. Я слышал разговор и понял из него, что на том месте, где я обычно останавливался, нас ждал грузовик; поэтому пришлось немножко подождать. Грузовичок этот всё-таки подъехал, меня туда погрузили, повезли в какую-то незнакомую часть Чернигова, за Чарторыйским мостом, красное двухэтажное здание. Там выписали мне пропуск, завели куда-то, и этот человек начал длинную беседу со мной. О том, о сем, о пятом, о десятом; а в общем-то всё свелось к одному: что я могу рассказать о Михаиле Литвиненко¹⁵. Это был такой хороший украинец, немножко экспансивный; что-то у него с глазом было, бельмо, что ли, не помню; музыкально одаренный, хороший голос имел. Но он как-то дружил с другой группой, там еще двое-трое людей было таких, может быть и хороших, но у нас интересы были разные. Я с ними не контактировал особенно.

И всё как-то к нему вопрос поворачивался: что я о нем знаю. А что они знают о нас многое — я это почувствовал, потому что когда начали напирать, чтобы я о нем что-то рассказал, я говорю: «Ну, я ничего не знаю!» — «Да нет, вот на таком-то уроке вы то-то сказали, а на таком уроке так-то ответили». Безвыходное положение было. Я действительно о нем мало что знал и понял, что на меня какую-то бочку катят, и участвовать в этом мне совсем не хотелось. Поэтому я ему начал рассказывать сказки про себя. Не так подробно, как теперь вот, но всё, всё, всё выложил. Я полагал, что они многое знают. Они, действительно, многое знают о каждом из нас. Ну, думаю, пусть уж лучше мое будет, чем чужое.

Где-то около полуночи он опять вызвал машину. Нас отвезли в центр города и в каком-то ресторанчике мы поужинали, причем он знал, что пост, чего мне нельзя есть. Какие-то там рыбные консервы взял. Сказал, что он вообще-то химик по специальности. И в нем было что-то на удивление симпатичное. Я потом сопоставлял его с другими, с кем мне приходилось встречаться. Я был к нему всё-таки по-человечески расположен.

Ну, конечно, манеры были совершенно стандартные: то так погладят, то против шерсти, то на патриотизме, то еще что-то. Было тяжко (ну, всё уже прошло). Что я там мог сказать. Но так он настойчиво тянул из меня, чтобы я что-нибудь сказал о нем плохое. Нечего было сказать. Вспомнил я из того, что Михаил говорил совершенно открыто, что где-то во время войны надо было сделать спешно военный аэродром. Это уже с участием американцев было, и так у них здорово было: какие-то штампованные железные детали были, которые как-то скреплялись, в любой грунт их положи и уже получается твердое покрытие для взлета самолетов... Ну так уж он из меня что-нибудь тянул, ну так что-нибудь тянул; думаю, это безобидное, скажу хоть это... В восемь часов утра меня, наконец, освободили, причем было сказано: после возвращения в

Киев прийти в такой-то час в такое-то отделение милиции (обычно в военную комнату милиции приглашают).

Приплелся я домой. Но, конечно, уже не Пасха была. Праздник не в праздник; вообще всё плохо. Вернулся; и через день я должен был туда явиться. И вижу, что ребята все какие-то присмиревшие...

Как же это было?.. А, это было так. Вернулись мы, и через несколько дней или неделю, что ли, случилось такое. Я сидел у себя в библиотеке. Наши классные комнаты, выходящие на улицу, были на втором этаже. Внизу были спальни, тоже окна на улицу. Ко мне прибежал инспектор отец Антоний, совершенно испуганный, и рассказал, что бывший подводник стучится к нему около полуночи примерно и говорит: кто-то ко мне стучался нагло, требовали открыть. Отец инспектор прикрыл шкафом дверь, но потом всё равно пришлось им открыть, и они сказали, чтобы он с ними пошел в вашу спальню, и там Мишу Литвиненко забрали... Потом какие-то детали рассказали, что было несколько человек, шарили, нет ли оружия. Какое там оружие!.. Взяли его, увеличили. Ребята, конечно, долго не спали. Он у меня дрожа просидел какое-то время, и, по-моему, прибежал ко мне, когда они уже уехали. Немножко погодя он ушел. Я закрыл библиотеку, пришел, в уголок свой прошел, смотрю, все не спят и все молчат с перепугу от всего этого. На следующий день тоже все ходят как в воду опущенные. Потом какой-то ряд провокаций был; кто-то попросил у меня спрятать его пальто или еще что-то такое. Это тоже мне припомнили при следующих допросах, что я прятал вещи этого Михаила. Еще какие-то фокусы были, которые я мог понять, мог не понять.

И потом началось. Начались таскания на всякие допросы и т.д. Я пошел в тот день, когда мне было назначено. Там уже было двое; они вдвоем меня уговаривали, чтобы я был информатором... Дай Бог памяти, когда это было — до этого или после? Не знаю, где-то рядышком. Экзамены мы как-то кончили. Ничего хорошего не было.

Но класс у нас был замечательный. Почти все пошли в академию — часть в Московскую, часть в Ленинградскую. Я в Ленинградскую подал заявление. Было ли уже какое-то мнение об академиях, почему Ленинградскую выбрал — я точно даже не знаю, но что-то меня к ней располагало. Чуть-чуть о Московской академии я мог знать, потому что мой товарищ по семинарии отец Иоанн Никитенко, на два года старше меня и по возрасту и по курсу, поступил в Московскую и сообщал немножко о ней. Вот умер два года назад.

Почему-то я в Ленинградскую пошел, не знаю. Может быть, повлияло даже то, что отец Сергий Афонский, когда читал какое-то очередное сочинение, которое нам полагалось писать в семинарии, всех нас перебрал (человек двенадцать было), раздал замечания; потом говорит: «Вот, среди вас сидит будущий Болотов»; еще лестное что-то сказал по поводу моего сочинения. Они многие были у меня хорошие, они там еще остались. Меня никто в глаза не хвалил, ничего такого не делал, но почему-то я предпочел Ленинград.

А эти нажимали, нажимали, нажимали... Я всячески говорил, что осведомителем не могу быть, потому что у меня память плохая. Они говорят: «Ну, это не говори, мы лучше тебя знаем». Вот. Всё. Они со своей стороны: «Мы тебе помогать будем (а я думаю: чего помогать, я же на полные пятерки иду), и всё будет хорошо». Я говорю: «Возьмите кого-нибудь другого». Они: «Ты нам не указывай, мы знаем, кого брать». Говорю: «Не способный я!» И всё это тянеться, тянеться... Когда один на один — уже тяжело, когда два на тебя нападают... Я понял, что от них не отделаюсь, и тогда пошел опять на идиотский шаг. Говорю: «Вы всё равно меня заставить-то не сможете». Они спрашивают: «Как это?» — «А вот так — я ведь химик». — «Ну и что?» — «Ничего; я за несколько секунд могу быть в другом мире, и ничего вы со мной не сделаете!» — Испугались, говорят: «Ты что, дурак?» — «Да». Они помолчали,

помолчали, и говорят: «Ну ладно, иди, но ты вспомнишь нас скоро».

Действительно, когда я поступал в Ленинградскую академию, я вспомнил: там уже всё было приготовлено(!). Сначала меня подрезали на одном экзамене, потом Парицкий¹⁶ на другом. Он у меня на догматике сидел как ассистент и Миролюбова¹⁷ тоже настроил так, что тот более пристрастно меня спрашивал; и конечно, засыпать всегда можно, если хочешь. Потом я сопоставлял его поведение и понял, что ему как инспектору было дано указание меня не принять, и он делал всё, что мог; и я получил двойку. Ну, за компанию приделали еще кого-то из наших киевских. Я пошел к митрополиту Григорию¹⁸, тоже поздно, тоже он усталый. Наконец, до меня очередь дошла, последнего. Я ему вкратце рассказал, что какая-то странная история — двойка по литургике. Я не то что пожаловался, просто скорбь свою высказал. Он говорит: «Что ж это такое?! Ну ничего, всё будет в порядке». И дал распоряжение в виде исключения принять меня. Я обрадовался, конечно. Люди такие хорошие, интересные. И класс в общем-то хороший был.

Через неделю или две надо было сдать паспорта. Начался длинный процесс прописки. Несколько человек нас, человека три, получили отказ в прописке. Я туда-сюда, сюда-туда; спрашиваю Парицкого: «Как так? я пойду к уполномоченному по делам религий». — «Дело ваше, я бы на вашем месте не ходил». Я пошел к уполномоченному. Как тот на меня накинулся, как разорался! Ужас какой-то. Я понял всё. Другие ребята ходили в милицию, еще куда-то, еще раз в милицию. Там им говорят: «Ну что вы к нам ходите, это же не мы, это ваши там делают; что вы от нас хотите?» Короче говоря, ничего не получалось, и я понял, что надо уезжать. А у меня тут флюс раздулся. Денег, конечно, ни копейки. Но всё-таки получилось, что я месяца полтора проучился, что ли. Уже и в магазины букинистические побегал, и видел, сколько там прелестей;

и тут в библиотеке; и преподаватели замечательные были, всё на высшем уровне; и на тебе — надо уезжать в неизвестность. И денег не хватает. Ребята собрали что-то такое на билет мне, хотя в общем все были мне чужие.

Я собрался и поехал. Ехал и ревел. В Чернигов приехал, изревелся. И думаю: а чего реву-то?.. Громадный всё-таки уже дылда. Я понял, что мне не так жалко, что я академию бросаю, но столько я видел там добрых людей. Уварова¹⁹ была такая в канцелярии, благороднейшая, хорошая дама. Она умерла несколько лет тому назад, некролог был в ЖМП. Еще кто-то — незнакомые люди, — как они сочувствовали, но, конечно, сделать ничего не могли. Преподавала у нас языки, не только английский, но и французский, немецкий, Боярская²⁰; между прочим, вдова обновленческого митрополита Боярского в Ленинграде. Она была то ли из смольинских выпускниц, то ли еще что-то такое; по крайней мере рассказывала о выпускном акте во дворце. Одна из выпускниц поскользнулась и упала, так было неприятно... Прекраснейшая, благороднейшая женщина. Она была удивительно хорошая. И вот всё это надо было бросить. Людей хороших в таком количестве, таких благородных мне просто было жалко бросать.

Я уехал и понял, что в какой-то блокаде нахожусь. Поболтался некоторое время без квартиры. Потом отец Дмитрий Погорский²¹, которого я знал по Киеву (он у нас вроде воспитателя значился), который уже был назначен священником в Чернигов, помог мне найти какую-то добрую бабушку, которая смогла меня приютить. И я там жил больше года, конец 1952 и 1953 год. Был я зачислен иподиаконом епископа Черниговского на 150 рублей. Он не так часто служил, и я начал еще что-то подзарабатывать, чтобы платить за квартиру и всё прочее. Родители в это время уже уехали в Кишинев. Отец вышел на пенсию.

Потом начался судебный процесс над Михаилом Литвиненко. Подробностей даже не знаю. Посадили всех

подряд. Вменили и то, что я сказал, что он восхищался зарубежной техникой. Что там другие могли про него сказать, я не знаю. Один раз меня из Чернигова вызвал ректор на какой-то допрос на Владимирской улице. Очную ставку устраивали с Михаилом, еще что-то такое. Крепенько за нас взялись. Потом я узнал: оказывается, это входило в программу — закрыть несколько семинарий; как раз началось. Дошла очередь до Киевской. Семинарию тогда не закрыли, закрыли ее гораздо позже. Потом я поехал на недельку-на две в Кишинев к родителям. И туда пришла еще повестка, потому что ректор спросил: куда вы едете, оставьте адрес. Я его оставил, конечно. И туда пришел вызов. Мама уже слепла: «Тебе телеграмма». Я посмотрел, говорю: «Ты видела?» — «Видела». — «Забудь ее». Я порвал ее и выкинул, не поехал. Это, конечно, ничего не меняло, всё равно ему дали то ли пятнадцать, то ли двадцать лет, по тем временам всё нормально, ничего особенного. Думаю, что после смерти Сталина он мог быть освобожден.

Но это перессорило всех нас, потому что все подозревали, кто и что. Примерно вырисовывалось, по крайней мере для меня, кто есть кто. Это не имело значения. Один из тех, о которых я рассказывал (видимо, ему так истолковали), какое-то время не общался со мной, отворачивался. Оказывается, многих, не только меня, в тот раз допрашивали. И потом тоже многих допрашивали. И вообще один из нас, который сейчас епископом где-то (как же его зовут?), он был на год или два моложе меня, такой немножко наивный. Он всё следил, куда его соученик ходит на телеграф, пока не подошел к нему какой-то хорошо упитанный человек, двинул его по физиономии: ты чего, мол, следишь!.. Там просто было очередное место свиданий для осведомителей.

Один какой-то слабенький, забитый мальчик был из Черниговской епархии, из какого-то убогого села; он тоже ехал со мной в этом автобусе. Он странно погиб: в лодочке плавал по озеру, потом нашли его утопившимся.

То ли его так замотали, что он не выдержал. Топить его не было смысла, но что-то в таком роде случилось. Я с ним не был слишком знаком, но если так у него всё закончилось, это очень печально.

У меня пропало два года. Причем, когда я устроился как-то, я понял, что многие мои письма просматриваются, и перестал вести всякую переписку. Затаился тихонечко, начал переплетом заниматься, серебрением, золочением переплетов. Какие-то хорошие вещи у меня получались; в конце концов мне удалось этого добиться. Когда делаешь такую работу, например, комплект старых богослужебных сосудов, и сделаешь так, что отменно горит золотом, жалко отдавать бывало.

Ну, потом великий вождь и учитель слегка скончался. Это был уже апрель 1953-го. Еще я так немножечко тихо сидел. Потом какой-то иеромонах, отец Спиридон, видимо, сказал обо мне своему старому знакомцу Ермогену²², в Ташкенте, и тот прямо или через него меня пригласил к себе в Епархиальное управление. Я в декабре 1953 года собрался и поехал в Ташкент и пробыл там месяцев семь-восемь, и там за одну зарплату я был делопроизводителем, личным секретарем и иподиаконом. Работы было по горло, но все-таки было интересно.

Ермоген не такой человек, с которым быстро сходятся, но всё-таки я его искренне любил. По-моему, он тоже ко мне был весьма расположен. А потом в 1954 году я снова подал заявление...

Да, в Чернигове я написал Ворошилову (помните стихотворение: «Климу Ворошилову письмо я написал...» — и вообще такая легенда существовала). Я и написал туда, писал и в Ленинград еще до этого. — Штампованный ответ, открыточки, где-то они, по-моему, даже валяются, что «не представляется возможным вас прописать, город режимный» и т.д.

Написал я Ворошилову. Конечно, это опять было передано в какое-то ленинградское учреждение, оттуда

опять вежливый, но четкий отказ. Потом перестал писать, понял, что это неспроста.

А потом в 1954 году я опять подал заявление, и меня спокойно, без всяких экзаменов принял тот же Парийский. Никто меня там не трогал целых четыре года, никто не вспоминал ничего, как будто всё прошло. Парийский ко мне относился плохо, но он мог меня лично как человека не любить, я на него не обижуюсь. Один раз он увидел, что я несу пачку книг, купленную в букинистическом магазине, и с раздражением сказал: «Что вы всё книги носите?» Я не смог ему ответить никак, не хватило ума, потому что никогда не думал, что можно упрекать за то, что книги покупаешь. Так хвост за мной и тянется, что я неравнодушен к книгам. Похоже, знали еще по Киеву, что я покупаю. Ничего плохого я не покупал, я же в магазине покупал. Можно меня было бы упрекнуть, что один раз я купил собрание сочинений Ницше, которое продавалось в магазине. Если нужно, пусть бы они отбирали, но я же никому не навязывал — ни книги, ни идеи, ничего, и у меня всегда душа была спокойна.

И сейчас моя душа спокойна. А когда всё это происходило, уговоры и несговорчивость, и два года платы за это и всё прочее, я решил для себя, что никому никогда служить не буду: ни австралийской, ни индонезийской, ни американской, ни французской, ни японской, ни советской разведке служить не буду. Просто неприятие этого способа жизни. Думаю, что они как-нибудь без меня обойдутся, но чтобы я спал спокойно, такой я эгоист. За это платят люди, иногда подороже, чем я. Всё.

Еще вернемся к 1948 году, когда я крестился весной. Летом переехали в Чернигов, и при прощании крестный отец Николай Николаевич Фетисов еще раз напомнил, что в монастырь, конечно, можно пойти, но было бы важнее и интереснее поступить в семинарию. С такой мыслью я уехал. В Чернигове я сразу же узнал, что рядом находится монастырь и в нем канцелярия Епархиального управле-

ния, и архиерей. Там нашлись хорошие люди, которые мне помогли узнать побольше о семинарии, подать заявление и т.д. Но ко всему этому я еще хотел как-то подкрепить выбор пути. Я скоро узнал, что в монастыре есть старец отец Лаврентий, схиархимандрит²³. В схиме он, кажется, был Лука. Об этом не все знали. Он был духовником женского монастыря, который тут же находился, всё в одном комплексе, и был прекрасным регентом монашеского хора. Он славился как духовник. К нему многие приезжали, приходили, досаждали ему постоянно. Он был вечно занят. Он был не особенно крепок здоровьем, лицо бледное такое, и часто по лицу катились капли пота. Что-то у него было с ногой, он еле-еле стоял, его водили под руки, он мог только несколько шагов сделать без помощи людей. Мне сказали, что это замечательный старец и что надо бы его спросить; да и мне самому хотелось с ним повидаться и утвердиться в том, что выбор пути окончательного разрыва с прежней светской жизнью был сделан правильно. И вскоре мне устроили такую встречу. Просто время надо было выбрать, когда он не был сильно занят спевкой, или приемом своих духовных детей, или еще чем-то таким. Меня предупредили, и я пошел на эту встречу. Пошел, и в общем-то мне этого очень хотелось, и вместе с тем я очень боялся. Боялся как-то странно: зная, что он из простых людей, не кончал никаких семинарий и академий, такой не хитроумный, ничего, я боялся, что, не дай Бог, услышу от него что-нибудь слишком, слишком простое, или слишком примитивное, что невольно меня покоробит. Мне не хотелось этого чувства: испытать какое-то разочарование или увидеть его даже. Очень серьезно и очень сильно этого боялся.

На самом деле ничего этого, к счастью, не случилось. Он был весьма немногословен. Но что всё его нутро светилось добротой и что он действительно был святым человеком, это несомненно. Беседа наша была очень краткая, и я, пожалуй, сейчас бы не вспомнил ничего. Но он

благословил меня в семинарию, и это меня очень крепко утвердило и поддержало. Я еще потом несколько раз с ним встречался, хотя жалел его, потому что видел, что ему до-саждают разные люди по делу и без дела весьма и весьма.

Наверное, не так уж много мужчин было в ту пору там, может, поэтому он меня запомнил. Один раз его вели в церковь, я был поодаль, он как-то повернулся и как бы направился ко мне. Я понял, в чем дело, подошел и взял у него благословение, а так старался не мешать, не надо-едать. Один раз в храме он спустился с хоров по темной лестнице и в том кусочке храма, где я стоял среди бого-мольцев, говорят, что он рванулся в мою сторону, вернее, сделал два шага (я-то его даже не видел, я об этом позже узнал). Эти детали меня как-то очень укрепили, что я не на ложном пути и не делаю ложных шагов.

Беседы у нас с ним были небольшие, краткие. Я больше довольствовался тем, что слышал об отце Лаврентии. Он был из простой украинской местной семьи. Видимо, он был монахом небольшого монастыря в этом месте около Троицкого собора. Тут же была архиерейская резиденция. Потом монастырь был закрыт, но он успел еще до этого времени трижды съездить в Иерусалим, к святыням Ие-русалима. Он прекрасно разбирался в музыке; видимо, даже как-то преподавал музыку в своей среде. После за-крытия монастыря он то ли священствовал, то ли как-то существовал, что-то делал в той мере, в какой это было можно. И деревенских окрестных девчонок, которые ходи-ли в церковь, учил нотам, пению, и всё приговаривал: «Э, девчата, это всё пригодится, всё пригодится!» В 1941–1942 году, когда это уже была зона оккупации и церкви раз-решали открывать, он собрал всех этих повзрослевших своих девчачаточек, и сразу образовался хороший хор, и женский монастырь был открыт в этом месте. Довольно большой, человек 150 в нем было. И он был духовником этого монастыря.

О нем рассказывали разные интересные вещи — так, кусочками, — и потом их кто-то записал. Относительно недавно я видел рукопись у кого-то в руках. К сожалению, когда я был во втором классе семинарии, где-то около Благовещения он скончался, так что я пользовался его относительным духовным руководством совсем недолго, год с небольшим. Но это здорово, что я его видел, что я такого человека встретил. Это было очень, очень ценно. И хорошую память о нем я так в сердце и храню.

Этот монастырь, Епархиальное управление, вообще кусочек города был совсем недалеко от музыкальной фабрики, от домишкы, где мы жили. Я там постоянно пропадал, или на богослужениях, или в Епархиальном управлении, или говорил с кем-нибудь из монахинь и с этими окружающими отца Лаврентия людьми. Там были разные люди. Среди монашечек были еще с гимназическим образованием, хорошие, толковые люди, и простые, но тоже хорошие, ну и всякие, как и полагается. А храм Троицкий был очень большой, да и сейчас он еще стоит. Кажется, его снова открыли. Там приходило молиться довольно-таки много народа. В праздники он был полон, несколько сотен могло быть, тысяча человек. Но если взобраться по лестнице на хоры, то слева хоры были совершенно пустые, кроме праздничных дней. Иногда какая-нибудь монахиня или какая-нибудь молитвенная душа где-нибудь в уголке стоит. Я тоже себе там облюбовал местечко, и очень мне там было хорошо стоять во время богослужения, мне было всё слышно и, если нужно, я мог подойти к решетке и посмотреть на богослужение. Удивительно хорошо всё было слышно. А слева было круглое окно невысоко от пола и с разноцветными стеклами. И вечерний луч солнца скользил по сводчатым перекрытиям этого храма и по этому кусочку, который я оккупировал. Я туда всегда ходил, и даже как-то потом это узнали и люди не становились на это место. Это было мое место, и было очень хорошо. Тихо, хорошо, спокойно. Никого я

не вижу, никто меня не видит. Я мог вытворять всё что угодно. И как-то раз я там попытался, насколько хватит моих сил, — тысячу поклонов отбил, потому что обычно говорят, то ли это можно, то ли нельзя. Я почувствовал, что можно, хотя потом с непривычки дрожь в коленях была, но это реально для нормального человека. Отбить тысячу поклонов — это не смертельно и даже хорошо.

А потом я стал ходить в другой храм, под Ильинской горкой. Его построил преподобный Феодосий Печерский во время недолгого пребывания в Чернигове во время ссоры с киевским князем. Там была красивая, хорошая Ильинская церковь, может, она еще до сих пор есть. Тогда она была открыта как филиал монастыря. Там четыре пожилые монахини на клиросе вели службу, пожилой священник был. И я там понемножку на клиросе приучался к чтению, к пению, тихонько так, бесшумно. И что-то делал для этой церкви — то красил полы, то что-то из икон реставрировал, как мог, то еще что-то. Там были пещеры, чуть-чуть похожие на киевские, но более скромные. Был там подземный храм, были разные закоулки, куда прятались люди во время татарских нашествий. Монастырек был маленький, и даже во время войны кто-то там скрывался. Но это убежище было очень ненадежное, всегда можно было выкурить или выбить всех, кто там был. Так что в пещеры заходили редко, несколько раз в год, они всегда были за решеткой. А храм был очень хороший, и я там каждые каникулы проводил с большим удовольствием. Потом этот храм закрыли. О его печальной судьбе писал Некрасов в своем большом очерке «Охраняется законом». Кажется, это было опубликовано в «Новом мире». И то, что касалось Ильинского храма, я прочитал; было больно, что он закрыт, стоит с выбитыми стеклами, загажен птицами, пылью покрыт и т.д.

Это о Чернигове. В самом древнем по закладке, Черниговском Спасо-Преображенском соборе я тоже был, он своеобразной архитектуры. Там стояли моши

преподобного Феодосия Черниговского. А в четвертом храме, так называемом базарном, Воскресенском, я ни разу, по-моему, и не был. Хотя последнее время он был единственным храмом, кафедральным храмом; стоящий совершенно на дороге, совершенно в неподходящем месте, ну, как базарный храм, тесный, маленький, где люди падали в обморок от тесноты, от духоты, или попадали под машины при выходе из храма... Это был четвертый храм.

Вот, пожалуй, о Чернигове и хватит.

Про Ташкент. Там я был месяцев семь, работал у владыки Ермогена, сына профессора Киевской духовной академии Голубева. Очень интересные у него есть кусочки биографии. Я ее скверно знаю, но всё-таки сам владыка рассказывал за столом. Я его расспрашивал о разных людях, в частности, о Кулаковском. Был в университете такой специалист по истории Византии; у него есть три тома истории Византии. Владыка рассказал, какая была с ним история. Юлиан Кулаковский немножко оригинальничал. Он, допустим, игнорировал всякие работы «по поводу», а брал оригиналы и по ним старался работать независимо от каких-то взглядов. Вещь прекрасная, но получались накладки в том смысле, что где-то параллельно другие исследователи доказывали, что авторство у данного произведения иное или что оно написано не в те годы. Основательно, хорошо доказывали. Кулаковский, отстраиваясь от наваждений чужих взглядов, иногда попадал впросак в этом смысле. Он был весьма резок в суждениях и что-то особенно не жаловал христианство, так что его даже «Юлианом Отступником» называли шутя. И по поводу очередной книги (или брошюры, или статьи), не слишком почтительной по отношению к Церкви, появившейся в какой-то газете или журнальчике заметка Алексея Голубева, учащегося 5-го или 6-го класса гимназии, не больше, где он давал разнос и отповедь уже заслуженному профессору. После этого Кулаковский обиделся на старшего Голубева, решил, что он эту пакость сотворил, а за-

маскировался именем Алексея Голубева, и какое-то время не ходил к нему в дом, прекратилась дружба. Но, видимо, потом всё прошло. Потом этот бывший гимназист учился в Московской духовной академии. Я его расспрашивал об академике Соболевском, еще о ком-то. Он всех их помнил и знал. Затем он был монахом Киево-Печерской Лавры и в какие-то неспокойные 20-е годы был даже настоятелем ставропигиального, совершенно независимого лаврского монастыря.

Потом у Ермогена появилась дурная привычка сидеть в лагерях и тюрьмах. В общей сложности он просидел там лет семнадцать. В чем его обвиняли, наверное, он и сам толком не знал, но это было в обычай тех времен. После последнего заключения он был где-то в Астрахани. Там они с местным архиереем отлили на местном заводе колокол с надписью, как полагается: «Отлит при таком-то, при таком-то». Так что его имя стоит на каком-то колоколе. За это литейному предприятию был хороший разгон, директор там то ли полетел, то ли был разружен зверски; но колокол остался.

Ему понадобился делопроизводитель, и по чьей-то рекомендации он меня пригласил. И в самом конце 1953 года я туда приехал. Я числился там личным секретарем епископа, делопроизводителем, иподиаконом и экспедитором. Всю почту рассыпал, печатал на машинке, отвечал на письма по указанию владыки. Потом собирался на службу, ехал и тоже участвовал в богослужении. Работы было много. Там довольно интересные два человека сидели в комнате — отец Борис Холчев²⁴. Интересный человек, его отец Петр Гнедич²⁵ хорошо знал. Это из одной когорты, почтенный такой, он чем-то на Тагора похож по фотографиям, строгое лицо, невысокого роста. Иногда, когда позволяли обстоятельства, мы чуть-чуть поговаривали немножко на разные темы и более глубокие, хорошие. Он духовный был человек. И отец Федор Семененко²⁶ был секретарем, такой крепкий, хороший батюшка. Свое дело

делал, хороший проповедник был. Иногда он приходил со службы (он служил в храме на кладбище) и жаловался, что бабушки влюблются и покоя от них нет, они записки ему пишут, назначают на кладбище свидания, и как тяжело бывает избавиться от всех так, чтобы и не обидеть и не влезть в какую-то глупейшую историю. Я впервые слышал о таком, мне было жалко его, я представлял, каково это. И бабушек мне было тоже жалко. Но это действительно и смех и грех.

Там всё шло довольно спокойно. Я по-прежнему покупал книги в магазине «Академкнига» (во время землетрясения, которое после меня уже было, он был разрушен). Книг там было много, и я с удовольствием читал там все. Кажется, я еще записался в библиотеку. А может быть, я что-то путаю. Но, во всяком случае, где-то в достаточно средней Азии в какую-то библиотеку я записался, написал, кто я и что я, взял одну-две книги. А среди них была какая-то книга по химии, мне было нужно какой-то рецепт или формулу уточнить. Когда мне давали книги, меня вежливо спросили: «А вот это не ошибка?» Я говорю: «Почему ошибка?» — «Ну, мы обратили внимание, вы же занимаетесь такими вещами, а тут книга по химии». Я сказал: «Ничего удивительного, это моя прежняя специальность», — и понял, как внимательно читают заказы в библиотеках. Это так, между прочим.

Так что я там работал, работал, работал. Город осмотреть не успел. Только две дороги были: или на почтamt сдавать какие-то бандероли, или в храм. Съездили, правда, в Самарканд на какое-то богослужение. Там я увидел еще «кусочек» интересных людей. Там была довольно крепкая группа интеллигентов русских: врачи, хирурги, еще кто-то, которые были очень близки к Церкви или даже полностью в Церкви. Там тогда был еще священником, как священник довольно молодой, некий Никитин. Позже он принял монашество и стал архиепископом Стефаном²⁷. Я знал, что он бывший врач. Там Шенрок какой-тоupo-

минался, еще кто-то. Там целая куча интеллигентов, в тридцатые-сороковые годы туда попавших, скорее всего сосланных.

И кто-то из учениц Булгакова, будто бы еще жила какая-то бабушка²⁸; и какие-то люди, которые знали по целой куче языков и были в свое время интересные, великие люди. Сам владыка Ермоген отмечал эту группу священников. В Самарканде была тоже коллизия. Там было чуть ли не три храма православных и одна ветхая мечеть у мусульман, — совсем нехорошо было. Так что они там и крещение и всё прочее проводили чуть ли не в такой чистоте, как хирургические операции. Два дня, что ли, мы там были; конечно, за этот краткий период я их узнать хорошенько не смог, на богослужение всё уходило. Но какой-то кусочек интересной жизни чуть-чуть, хоть одним глазом непонимающим, почувствовал.

Я посоветовался с владыкой, в частности, и по поводу дня своего ангела: Евгений пять или шесть раз в году бывает. Когда меня крестили, по поводу какого Евгения, разговора как-то не было, не затронут он был. Поэтому я отмечал сначала того Евгения, который был вскоре после дня моего рождения, хотя это неудобное было время, уже начинался Рождественский пост. Он сказал, что это, в общем-то, можно самому выбирать. Раз не было ничего оговорено — по духу своему или еще как-нибудь. И я перенес день своих именин и своего святого на март, поближе ко дню своего крещения — там есть один из Херсонских священномучеников Евгений. Так что такая непоследовательность была как-то оправдана тем, что это было сделано по совету и по разрешению владыки Ермогена. Хотя это никого не касается, это личное дело, когда праздновать и когда не праздновать.

С епископом Ермогеном мы потом поддерживали долгие дружеские отношения, переписывались, даже когда он попал в немилость и оказался в Жировицком монастыре, сосланный и весьма опекаемый там. Какие-

то письма хорошие ласковые его сохранились. Ну, как ласковые... Он в редакцию мне писал более-менее официально, но где-то прорывалась его хорошая человеческая сущность. И он как-то меня очень обрадовал, ответив, что «среди многих поздравлений (то ли с праздником, то ли с днем Ангела) меня особенно тронуло твое маленькое письмо». Это было приятно, потому что этот человек был необычайный — об этом еще будут когда-то говорить, — необычайный, чистый, хороший и наивный.

И за свою наивность он поплатился дорого. Он пытался как-то поставить вопрос о конкретизации закона, который касается Церкви, чтобы каждый церковный человек знал, что можно и чего нельзя, а не так, что его сначала схватят за волосы, а потом ткнут ему в нос какую-то неведомую инструкцию о том, чего, оказывается, нельзя. Некоторые архиереи согласились с ним, обещали поддержку, — и тут же кто-то наклепал куда нужно. И Ермогена вскоре отстранили от всякого служения. Он в Калуге, по-моему, какое-то время был, а потом в Жировицах долго, долго, долго прозябал под охраной. Контролируемые посетители были, переписка. Ну, так как-то всё ушло. А человек был замечательный.

О духовной академии. Меня приняли, как я сказал, уже совершенно спокойно. Тот же Парижский, те же люди, но уже тихо, спокойно. Я узнал, что после меня были еще какие-то неприятности. Одного профессора, Александра Макаровского²⁹, почему-то привлекли к ответственности. Он долго сидел, но потом, говорят, какую-то речь в оправдание себя произнес, которая произвела впечатление, и кажется, его, наконец, отпустили. Он был замечательный историк, хороший лектор. Уже немножечко помятым я его еще видел, потом он умер.

Там я в первый приезд, в 1952 году чуть-чуть познакомился с отцом Петром Гнедичем, из старой известной семьи Гнедичей. Он тоже где-то был в Средней Азии и в основном, кажется, бухгалтерской работой занимался. Но

когда пришло время, он принял священство и был здесь, но тоже в круге привилегированном, аристократически-духовном — с отцом Андреем Сергеенко³⁰. Впрочем, нет, про Сергеенко не могу сказать, но Ведерников, еще кто-то... Это был один кружок понимающих друг друга людей, более старших, чем мы. Там он был одно время просто каким-то третьестепенным библиотекарем. Жил он при академии. Но тогда мы мало были с ним дружны, а после, в 1954-м, я уже часто прибегал в его келью, что не было неизвестно Парийскому и за что я получал неоднократные упреки, потому что Парийский терпеть не мог Гнедича, и эта нелюбовь на меня тоже распространялась.

С отцом Петром было очень приятно и полезно разговаривать. Он много знал, много понимал, много читал. У него были свои взгляды на всякие вещи. Хороший пастырь был. Потом он перешел в Москву. Ему даже позволили читать какие-то лекции у нас, наконец, когда полоса немилости прошла. И кончил свою жизнь он уже в Московской академии и где-то здесь похоронен. Он многое рассказывал; что-то я понимал, чего-то не понимал, что-то забывал. Но это было здорово!

Учеба шла хорошо. Первое семестровое сочинение написал профессору Сборовскому³¹ по апологетике, что-то о древности какой-то, и оно очень понравилось профессору. Он даже на меня с удивлением посмотрел и сказал: «Вы знаете, я даже хотел вам пять с плюсом поставить, но мне сказали, что сейчас не ставится такая отметка». Он дал очень похвальную рецензию. Итак, за исключением двух-трех сочинений, все были ничего, получались здорово. И почему-то, я вот только не знаю, у всех ли, но почти все мои сочинения еще просматривал ректор, отец Михаил Сперанский³², и тоже делал какое-то свое заключение.

Были и неудачные вещи. Одно сочинение разгромил Некрасов. Он преподавал у нас археологию. В какой-то мере он был прав, но педагогически, конечно, так не

стоило придиরаться к мелочам, и за честную работу он поставил не ту отметку.

И много воды из меня поварил Парийский. По патрологии надо было написать сочинение о древней иерархии. Написал. Он отозвался: «Что это такое, какие-то мысли непонятные тут». Намекнул на мою связь с Гнедичем. «Это никуда не годится, перепишите». Я, скрепя сердце, переписал. Опять была не та точка зрения, которая считалась традиционной, что ли, хотя я знаю, что я ничего особенного не выдумывал. Он опять меня бранил, опять писал, что я не в ту степь гну. Мне хотелось просто махнуть на всё это рукой, пусть он двойку ставит. Но потом я решил, что, в конце концов, у кого-то может быть и другая точка зрения. Еще почитал другую литературу, написал не то чтобы кривя душой, но просто написал: та была первичная точка зрения, и я от нее не отступаю, но можно и так взглянуть на иерархический строй Древней Церкви... Написал, и Парийский говорит: «Ну вот, наконец-то отличное сочинение получилось». Это в течение нескольких месяцев шло, варилось. Но в конце концов, как бы ни болела, лишь бы хорошо умерла.

Учеба шла. Я записался в публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. Как-то проник даже в библиотеку Академии наук, хотя туда студентов не записывали. Потом, когда очередная ревизия была, чтобы не больше было 50–80 читателей в библиотеке, они сами перевели меня в справочный отдел. Это было даже еще лучше. И в той и в другой библиотеке еще были старые кадры. В косой галерее — в Публичной библиотеке, главный каталог у них там стоит, работала дочь профессора Садова⁵³, — у него про Лактанция есть работа, по латинскому языку, переводы первых веков христианства и т.д. Седовласая женщина, величественная такая. С ней все считались. Она действительно была там непререкаемым авторитетом. Один раз даже меня к ней отправили с каким-то вопросом. Я с ней тоже немножко побеседовал. И вообще, в Салтыковской «публичке» было

видно еще, с одной стороны стояли целые ряды прекрасно переплетенных хороших книг с пометкой: «Библиотека СПБДА», и всё там можно было раздобыть, всё там можно было читать; и это было замечательно.

В библиотеке Академии всё было очень хорошо, и вдобавок там раз в неделю обновлялась экспозиция вновь поступивших книг. Это была отдельная комната. Туда ходил довольно часто Боровой³⁴, и мы обменивались: кто раньше чего-нибудь узнает, тот говорит другому.

Он уже появился из Минской семинарии и преподавал что-то. У нас он, по-моему, преподавал только один год. Но мы с ним дружили не только по поводу преподавания, а просто из-за любви к книгам, делились друг с другом, и как-то у нас отношения были не то что равные, но он не старался себя выпячивать. Один раз попросил даже о какой-то услуге по работе, то, что напечатано в «Богословских трудах», в первом выпуске. Нужно было библиографию написать, а у меня машинка была с латинским шрифтом. Я ему переписал несколько страниц этой библиографии.

Учиться было замечательно. Профессора были хорошие. И была эта прекрасная библиотека, хорошая всегда. И еще интересно, что, кроме того, что свободное время тратил на библиотеки, иногда пропуская и ужин и еще что-то такое, много вдохновения давал храм. Я стоял там на клиросе, внизу, там, где не чтецы и не певцы, не служащие стояли, а такие «отбросы общества», не глаголющие, не поющие. Но там было тихо, никто не толпился, кроме больших праздников, и можно было предаваться молитве и размышлениям. Интересно, что, кроме молитвы, такой хорошей, хорошей службы, которая всегда там была энергичной, иногда посещали голову мою какие-то планы, какие-то сопоставления, какие-то проекты, и сила и желание еще и еще больше работать. Какая-то энергия вливалась, и это было удивительно. Прямо совсем воодушевленный иногда уходил с богослужения. Хотя немножко думал, что, может, это и плохо, что надо, может, и все время молитве посвя-

тить, но это приходило само собой, так завлекало, что я и сам удивлялся, откуда, что, чего.

Занятия шли хорошо. Там Добрынин³⁵ был мой сосед. Он из Эрмитажа перешел, церковный человек, постарше меня. Он был первым, и я ему добровольно уступал первое место. И всё шло хорошо, никто меня не трогал.

Но еще на первом курсе отец Петр (значит, был примерно декабрь 1954 года) меня и Павла Уржумцева³⁶, который был уже на втором курсе, пригласил к себе или где-то поймал в вестибюле и сказал: «Знаете что, мальчики, не хотите ли встретиться с Веденниковым? Это ответственный секретарь „Журнала Московской Патриархии“, он приедет сюда на несколько дней». Мы сказали — хорошо, и пошли к нему в гостиницу в какой-то день. Разговор был довольно-таки короткий, чуть-чуть о том, о другом, видимо, отец Петр уже сказал о Павле Уржумцеве и обо мне. И был задан конкретный вопрос: «Мальчики, хотите работать в редакции?» Мы сказали, что хотим. — «Ну все, вы будете стажёрами. Приезжайте на каникулы, вам будет работа обеспечена, квартира и всё прочее». Работать действительно хотелось. Это было интересно.

Павел Саратовскую семинарию кончал. Студенты были из разных семинарий, из Одесской семинарии был Новосад³⁷; он и до сих пор считается хорошим ученым. Он какое-то время после академии преподавал там, потом почему-то уехал, сейчас настоятельствует где-то на Западной Украине. Его опять недавно вспоминали, приглашали на какую-то конференцию. Из Московской академии были двое (выгнанных оттуда — Котляров³⁸ и Кутепов³⁹, старые друзья); их отчислили из семинарии, поэтому они в Ленинград приехали учиться. Интересные были ребята. Из Киевской семинарии были, и, конечно, ленинградские, кончавшие там семинарию. Постепенно как-то сообразовался курс этот, человек 14–15 было, нормальной величины. Сначала кто-то поднял меня на смех, когда увидел, что я в книжные магазины хожу, по-

купаю всё. Так длилось полгода, потом прекратилось. Потом смотрю, что тот, кто инициировал эти фокусы и насмешки, сам начал ходить не меньше меня в книжные магазины — это был Новосад.

Думаю, что не ошибаюсь: хочешь не хочешь, а такое небольшое сообщество настраивается по какому-то одному. Поэтому как-то так невольно получилось, что наш класс был самый сильный в семинарии, и это как-то повысило цену нашего курса среди других.

Я старался со всеми сохранять добрые отношения, но так чтобы душа в душу — это бывало не так часто, да в этом и потребности не было. Ну, Догадин⁴⁰ ко мне подходил, с ним немножко разговаривали. У него какая-то судьба получилась странная. Сейчас он где-то в Пскове. Он кончил академию, потом был немножко в Отделе, в Духовной Миссии, он монашествующий. Там что-то неудачно вышло, его опять сюда отправили. Но меня в нем интересовала какая-то аскетическая строгость. Он немножко на Лойолу, может быть, походил. И то, что он на подводной лодке служил, когда был в армии, конечно, не командиром, но ответственным довольно-таки лицом. Потом он в Псково-Печерском монастыре был.

Летом мы с Павлом приезжали в Москву. Нам снимали в Кривоарбатском переулке квартиру, и мы два — два с половиной месяца работали в редакции. В первое же лето мы даже один номер сами сделали вдвоем, потому что все ушли в отпуск. Потом были при рождении и создании «Богословских трудов». Но первая-то работа у нас была: нас очень крепко вовлекли в издание Библии. Мы держали корректуру всей Библии. Это первая, большая Библия 1956 года. Так что не только день, но и вечер, и ночь требовались. Я взял Библию, купленную в свое время в Москве, и по ней сверял. Так что когда говорят, что теперешняя московская Библия искаженная и т.д., я отвечаю, что это исключено совершенно. Там было только изменено несколько десятков архаических форм слов; ведь теперь уже

не в ходу окончание «-вши». Они были сокращены. Это совершенно не касается смысла. А о двух-трех поправках, которые были сделаны, есть отдельные доклады Патриарху от профессора Осипова⁴¹, который всё это дело вел.

Работы было очень много. Но Библия того стоила. Потом Молитвослов, потом Новый Завет. Кое-что печаталось в Ленинграде, так что иногда нам туда писали или звонили, чтобы мы пошли в типографию, что-то делали. Иногда поручались писать какие-то маленькие статьи, о вечере в Ленинграде, посвященном Турчанинову⁴², и т.д. Это, по-моему, первая моя заметка была.

Кончался IV курс. И тут вышло несколько смешно, очень необычно с кандидатской работой. Висели, как обычно, списки тем кандидатских работ, и в течение двух или трех лет там была тема по Ветхому Завету «Раскопки в Кумране». Я решил, что это, пожалуй, будет интересно, и уже кое-какую литературу собирал в библиотеках. И так как в конце третьего курса надо было подать заявление о теме кандидатской, я написал. Всё было утверждено. Приехав же в Москву, я, конечно, рассказал об этом Веденникову. Он тут же пошел, — он постоянно советовался с председателем Издательского отдела митрополитом Николаем (Ярушевичем). Мы, по-моему, ни разу с владыкой не виделись за всё время, только Анатолий Васильевич к нему ходил, все вопросы решал. Ну, это неплохо. Пришел и говорит: «Знаете что, владыка не благословляет вам эту работу писать». Нет, даже не так: «Он вам благословляет написать работу по экуменическому движению». Я говорю: «Я ведь уже там подал тему». — «Ну, это ничего, перепишите». Возражать? Нет, я же формально был в его подчинении. Он был председателем Издательского отдела, был главным редактором журнала; я у него был сотрудником.

Ну вот. Осенью я приехал, подал новое заявление. Так спокойно все восприняли. Видимо, иногда такие случаи бывают, что меняют тему. Что делать? Купрессову⁴³,

профессору западных исповеданий, конечно, непонятно, как относиться. Я его успокоил, чтобы он не беспокоился, что я сам как-нибудь найду литературу и всё. Конечно, он помочь мне не мог. После 1948 года, когда была осуждена экуменическая линия в христианстве, о ней ничего доброго не писали, только ругань оставалась. Но мне казалось, что это не могло продолжаться бесконечно долго, и хотелось спокойное что-то написать по истории экуменического движения.

Шишкин⁴⁴ тоже... Нет, кто-то другой из преподавателей, узнав об этой теме, сказал: «Шею же сломаете себе!» Другие ребята просто долго и глупо смеялись, говорили: «Что такое ты пишешь там по коммунистическому движению?» — так искали экуменизм. А мне нужно было собрать литературу. Я где-то узнал, что есть книга по истории экуменического движения. Нашел, что она была в Академии наук, в секторе «Истории религий». У них фолиант по этой теме лежал в Казанском соборе наверху. Я по своему академическому (Академии наук) билету туда попадал и смотрел несколько раз какие-то вещи. Заказал микрофильм с этой книги; из фотоувеличителя сделал такой ридер (прибор) для чтения этой штуки и начал работать. Книга была свежая совершенно, начала пятидесятых годов, на английском языке издана.

Еще я приезжал раза три или четыре в Иностранный отдел. Он тогда был совсем маленький, помещался в Чистом переулке. Там же на нижнем этаже, где был кабинет Колчицкого⁴⁵, еще кого-то, был маленький кабинетик Буевского⁴⁶, потом была маленькая комната, где было три переводчика — Гаврилов, который недавно скончался, такой старый переводчик, маленький такой, непонятного происхождения. Но он всегда бунтовал, что знает целую кучу языков и на этом настаивал. Какая-то еще Бойцова была там долго, долго работала. И Алексеев такой, с испанским языком. Ничего был парень, но потом он ушел на свои прежние работы, на Кубу был послан и т.д. В этой

тесноте я тоже иногда сидел, а где-то при входе было такое темное помещение, где была библиотека Иностранного отдела. Это не так уж много — несколько стеллажей, но там я всё-таки тоже что-то нашел. Что-то переписывал. Один раз приволок свой чемодан (специально сделал, такой разборный был пересъемочный аппарат), что-то даже переснял на пленку. Кто-то на меня там даже напал, по-моему, старший Остапов⁴⁷. Но у них, видимо, манера была такая: на незнакомых для начала шипели и орали. Но это ничего, прошло.

Все эти командировки кончились. Я сказал Парийскому, что мне нужна кое-какая литература и что я хотел бы написать во Всемирный совет церквей. Он говорит: «Пишите, дело ваше». Я написал туда запрос. Они послали мне три бандероли — по годовому комплекту «Ecumenical Review»⁴⁸, но одна не дошла. Я поблагодарил их и сказал, что получил две бандероли. Они пишут: «Мы бы хотели, чтобы у вас всё было, поэтому вторично посылаем эту пропавшую бандероль». Адрес был очень простой: «СССР, Ленинград, Духовная академия, Карманову». Чтобы не быть слишком нищим перед ними, я купил книгу Лазарева «Древнерусское искусство»⁴⁹, первое, еще сороковых годов издание. Она сорок с чем-то рублей стоила. Запаковал и в библиотеку Всемирного совета церквей отправил. Так что кое-что от них я получил. Был этот микрофильм, были еще какие-то вещи. И плохо ли, хорошо ли — я написал эту кандидатскую работу: «Очерк по истории экуменического движения».

Рецензентами были Купрессов и Шишкин. Шишкин написал очень похвальную рецензию, очень. Купрессов тоже хорошо отозвался. Я был благодарен, что никто мне не мешал, а помочь мне никто не мог. Отзывы при кандидатке есть, можно прочесть.

Всё получилось хорошо, и меня оставили профессорским стипендиатом, хотя все знали, что я каждый год езжу в редакцию и там, вероятно, буду и работать. Почему

был весь этот фокус — не знаю. Странно, что кто-то был оставлен даже с тройками. Оставался Кутепов, Котляров. В результате я продолжал еще год заниматься там экуменическим движением, написал стипендиатский отчет, прочитал под наблюдением Купрессова несколько лекций по западным исповеданиям. Но тут мне повезло: я раскопал в Финляндском православном сборнике какие-то статьи будущего Патриарха Сергия (Страгородского) на эту тему и их использовал, и еще что-то такое, так что получились неплохие лекции. Потом мне всё равно пришлось рас прощаться с академией, я уехал.

Был еще эпизод с Зубковым⁵⁰. Вот не помню, остался ли он профессорским стипендиатом. А в библиотеке Ленинградской академии был неплохой человек, Попов⁵¹, который составил многие указатели, еще что-то такое, хороший парень, в общем-то. А потом как-то получилось, что там было свободное место, и кто-то полуофициально мне сказал, что можно было бы остаться в библиотеке. Почему-то это весьма прельщало. Такую библиотеку иметь под руками — это здорово. Я поделился этим в беседе с Зубковым, просто так, без всяких задних мыслей. И потом понял, что он тут же учел обстановку и себя протолкнул. А он, несмотря на легкий, легкомысленный образ жизни, был почему-то любим Парижским. Так что его вскоре назначили заведующим, и он там довольно долго заведовал. Может быть, ничего, но могло бы быть что-то лучшее. Академии последнее время не везло. То он, то Дымша⁵² там был, еще кто-то, люди, не любящие этого дела. А его всё-таки надо любить, как ни крути, иначе ничего не выйдет. Всё равно библиотека работала своим чередом, потому что начальник делает основную работу, благо, если он хоть не мешает. Это уже хорошо. Отпустили из академии спокойно, кто же будет с митрополитом Николаем ссориться. Всё было нормально.

Был выпускной акт. Стипендиатами нас там человек пять осталось — Новосад, Котляров, Кутепов, еще кто-то,

может, даже больше. Это прошло своим чередом, как-то спокойненько. Парижский уже опять начал проявлять нелюбовь ко мне. Повторяю, я не знаю, зачем меня было оставлять профессорским стипендиатом, можно было кого-то другого оставить еще. Хотя ничего от этого не повредилось. Даже Иванов⁵³, он был с тройками, всё равно остался и долго преподавал что-то в академии.

Вот. Распрощался с академией и поехал в Москву. Но тут лето было какое-то глупое, когда совершенно негде было жить. То я у Анатолия Васильевича жил, то у кого-то еще немножко ночевал, то еще где-то немножко. В Пере-делкине хорошие люди собирались, здорово было. Хотя я не всё мог понять, не всё воспринять, но всё-таки. Целое лето я так вот был неприкаянный. Уржумцеву было проще. Он на год раньше меня окончил и не оставался стипендиатом. Пожалуй, он даже на два года раньше появился в сфере редакции. Но ему тоже было нелегко. Одно время он привитал в Туле, потом в Ярославле, и приезжал оттуда на электричке, хотя не каждый день, и делал какую-то редакторскую работу. Потом появился я. Тоже — ни привета, ни ответа, ни возможности прописаться, ни возможности найти жилье. Сколько-то Веденников меня у себя на даче держал, но это не могло быть бесконечно. Еще какие-то варианты высказывали, совсем временные и глупые. Могли помочь митрополит Николай? Нет, не надо рассматривать всё человечество как людей, которые только и ждут, как бы мне помочь. У каждого свои заботы, свои работы и беспокоиться о других — это не совсем обязательно, а некоторые считают, что даже вредно, потому что если кому-то вечно кто-то помогает, это вырабатывает паразитическое отношение к жизни. Он никогда потом палец о палец не ударит, а будет ждать, что ему поможет кто-то.

Ну, после очередного моего плача Анатолий Васильевич и владыка Николай пришли к решению и написали или позвонили владыке Николаю (Чуфаровскому)⁵⁴ в Рязань, и отправили меня туда, чтобы я там устроился

и как-то работал в редакции. Там меня восприняли немножко странно: какой-то чиновник непонятных поручений, из Москвы присланный... Смотрели настороженно и недружелюбно, но оформили иподиаконом. С каким-то трудом я нашел жилье в квартире какого-то священника, который сам на периферии служил. Но это был его дом, и тут были его тетя и отец, старик и старуха. Такое помещение дрянное было, бетонное, сырое. Ну, ничего. И такой статут создался, что раз в неделю я приезжал в редакцию, что нужно, то работал, брал новую работу — редактировать или еще что-то такое, и уезжал в Рязань и там делал. Потом снова ездил. Питался я там (самому лезть варить что-то было неудобно, да и время такое было, в смысле пищи, плоховатое) в каком-то ресторане привокзальном; там два вокзала, Рязань-1 и Рязань-2.

Да, еще перед этим я съездил в Ленинград и забрал свои вещи, которые там оставались, — какие-то тряпочки, какие-то еще книжечки. Кажется, я попал в Русский музей, потому что за предыдущие пять лет не нашел времени посетить его, и зашел еще к Осипову, просто так, навестить его. Он был удивлен, сказал: «Ну, в такую погоду, когда хороший хозяин собаку даже не выгонит!» Была типичная пасмурная осенняя погода ленинградская. Поговорили о фотографиях, о книгах новых, и расстались.

Осипов относился ко мне довольно хорошо, даже как-то выделял меня из всех других, наверное, потому, что я что-то понимал из того, что он говорит, а он очень ценил свою репутацию лектора. Как-то уходя из класса, он повернулся и сказал: «А вы всё-таки записывайте, я как-никак профессор». Я сидел в первом ряду против стола преподавателя. Как-то получилось так, что Осипов, читая, читал как будто бы мне, ему нужны были глаза слушающие. Иногда я его о чем-то спрашивал, иногда с чем-то мало-мальски спорил или сомневался. Это тоже ему, наверное, было полезно, что не просто так сидят, потому что на задних рядах, действительно, кому-то было

скучно, кто-то дремал, может быть что-то еще на задних рядах делалось. Он читал Ветхий Завет. И здорово читал, между прочим. Лектор был прекрасный. А после работы над Библией мы еще больше сдружились. И в последний год, когда я уже писал стипендиатскую работу, он просто не заходил на большой перемене в учительскую, а поднимался ко мне, на 4-й этаж. У меня был электрический кофейник, я варила кофе, мы пили по чашечке кофе, говорили о книгах. Он очень любил книги о фотографии, еще о каких-то вещах.

То, что с ним потом случилось, весьма странно. Еще перед тем, как я кончил академию, он попросил, чтобы я с кем-нибудь помог ему обвенчать сотрудницу жены, но тайно обвенчать. Он договорился в каком-то храме, мы приехали. Вторым шафером был Г. Тимофеев⁵⁵, где-то фотографии даже валяются. Потом еще что-то такое было. Какую-то книгу он просил помочь ему переснять. Не было похоже, что он постепенно потерял интерес к этим вещам, но какой-то остракизм, какое-то холодное отношение в академии к нему все увеличивалось. Может быть, потому что он перестал служить. Он это объяснял тем, что когда ремонтировали академию, он где-то оступился и ногу повредил, и ему стоять всю службу тяжело. Хотя причина была другая. Первая жена от него ушла, уехала в Америку куда-то, отреклась от него публично и скандально. А он был женат вторично (кажется, на бывшей соученице по гимназии) и был лишен возможности служить. И чувствовал себя таким отщепенцем. Конечно, ему такая уединенность как-то не к лицу была. Он хотел широкой аудитории, любил немножко покрасоваться. Есть такой тип людей.

Я вернулся в свою богоспасаемую Рязань. Через несколько дней, проходя мимо киоска, я купил очередной номер «Известий». Посмотрел, последняя полоса была озаглавлена жирно: «Отказ от религии — единственно правильный путь». Я отложил ее в сторону, думаю: видели

мы это, не обязательно. А чуть позже посмотрел подпись: «Осипов»! Это было его публичное отречение. Я начал думать: как же так случилось, этой темы совершенно не касались и т.д.? Хотя, конечно, мы «душа в душу» не жили. Видимо, припекло. Больше мы не встречались ни разу, хотя мне хотелось спросить, куда он задевал свои книги. У него была прекрасная подборка. В одних хороших переплетах Толковая Библия, словари, еще что-то такое было. На первых порах, когда открывалась академия, он, конечно, мог собирать всё, что ему нужно. Этого не было много, но это было всегда очень хорошее. Так что у него литература была. И на все подписные издания у него была охота, книг у него было много, и обычной литературы, и всего, чего хочешь. Вот этого мне было жалко. Но как-то я считал, что ничего хорошего из этого не выйдет, и ни разу ему не писал и не говорил. С другой стороны, он меня нигде, кажется, не помянул в своих писаниях. Он затронул многих, даже Уржумцева чуть-чуть. Меня он ни разу не тронул почему-то. Так что он остался для меня загадкой. У меня объяснений нет.

Конечно, он был в какой-то мере обижен. Он понял, что ему в духовной сфере далеко не пойти. Отношение высокого начальства было пренебрежительное, и отношение собратий он чувствовал. А ему хотелось какой-то популярности, хотелось быть на глазах. Позже он много усилий приложил, чтобы его приняли в Союз журналистов или писателей. Но, кажется, это дело не получилось. И конечно, ему было приятно выступать и по телевидению и везде. Но и такое он слышал: на каком-то заводе ему задали вопрос: «Раньше вы учили богословию, говорили о Боге, а сейчас вы говорите о несостоятельности этой теории, против Бога. Скажите, пожалуйста, когда вы были искренни: тогда или сейчас?» В таком роде пакости ему тоже выдавали. Так что нельзя сказать, в какой мере ему было вкусно; наверное, не до предела. Наверное, у него совесть тоже была, и он мог как-то немножко печалиться

этому. А потом жена от него ушла, и как-то получилось всё очень кисло и плохо, так что мне его под конец даже было жалко. Но у него не было попыток покаяться, вернуться. Кто-то из его знакомых к нему ходил, и мне говорили совершенно четко, что этого не было, это была легенда. Трудная судьба была.

Так; академию кончил, стипендиатство кончил, книги забрал, с Осиповым простился, с Ленинградом тоже. Оказался в Рязани. Там я написал эту свою вещь, за которую потом меня тоже честили в антирелигиозной литературе не раз, по крайней мере, о книге Гальбиатти и Пьяцца «Трудные страницы Библии». Еще что-то такое сделал. Иподиаконствовал. Надо было вовремя поспеть. В одну из первых служб уже стояли шпалерами верующие, иподиаконы, ждали епископа. Но я никак не мог понять, зачем за пятнадцать минут раньше вставать. Я, конечно, пришел в самый раз, уже все стояли, облачился в стихарь, вышел, и тут меня довольно громко отец Виктор Шиповальников⁵⁶ отчитал: «Молодой человек, вы должны приходить вовремя!» Он был ключарем в Рязанском соборе. Жена его была регентом. Он был строг, но может быть и справедлив был. Во всяком случае, большой душевности у нас не было. Потом он в Подмосковье служил, в Удельной, близко от Быково.

Служил, ездил там в два-три каких-то места, куда архиерей ездил, в глубинку. Всё очень мило, но, конечно, далеко от Москвы, двести километров как-никак. Потом решили, что так долго продолжаться не может. Посмотрели по карте с Павлом. Выбрали, что самое близкайшее место за пределами Москвы, по связи удобное — Малоярославец, не так уж далеко. Поехали туда. Он нашел себе квартиру, я нашел себе квартиру. И какое-то время там я жил. В гости друг к другу редко ходили, заняты были. Но создался такой модуль — день на работе, день дома. Раза три в неделю приезжать можно было — это ничего. Это было не так утомительно.

Ну, а потом... Потом продолжались всякие визиты непонятных людей. Приходил какой-то тип малоприятный, почему-то он выходил на кухню; это было в первый раз и во второй раз. Потом вызывали меня в какую-то комнату милиции, другой уже человек меня там обрабатывал. Но как-то мы опять не находили общего языка. Через несколько дней ночью я писал статью о Чехословацкой Церкви, о миротворчестве, что-то довольно поздно было, после полуночи, и в маленькие окошки домика, которые выходили на улицу, кто-то начал камни бросать, крепко бросал, долго, пока не разбил оба стекла в двух рамках и еще что-то такое. Но потом это прекратилось. Я понял, что это имеет связь «мистическую»: плата за несговорчивость. Еще через некоторое время в этом же ноябре мне сказали, что меня назначили секретарем редакции, что меня очень удивило, но что было, то было. Это был ноябрь 1963 года. Но в № 12 за декабрь я всё равно поставил Анатолия Васильевича, хотя мне пришлось приступить к работе уже с ноября. Отец Питирим меня сводил к Куроедову⁵⁷. Шишкун уже ушел и, по-моему, владыка Никодим какое-то время был председателем Издательского отдела. Питирим был еще архимандритом, но уже вставал на ноги. Когда он отвел меня для знакомства к Патриарху, Патриарх благословил меня и сказал: «Только, пожалуйста, будьте на работе каждый день, не так, как ваш предшественник». Он говорил о Веденникове, тот бывал почти каждый день, но не долго, уезжал, а, видимо, ему звонили или искали его, и его не было. Поэтому Патриарх так попросил. Всех ли Патриарху представляли, не знаю. Секретарь редакции все-таки не рядовой сотрудник, они должны были хотя бы представлять, с кем имеют дело. Я начал ездить каждый день из Малоярославца и постепенно стал чувствовать, что это всё меня растерзает. Семь часов дороги — это слишком много. Потом пошли навстречу и позволили мне поселиться, обещав, что если я найду где-нибудь место в Московской области, прописку выхлопочут. В Быково

нашел домик, куда переселился. Пригласил с юга уже упавших духом отца и мать, они приехали. В какой же последовательности всё было? Пожалуй, где-то осенью я переехал туда. Весной следующего года, в мае, я поехал во Святую Землю, это было первое путешествие такой паломнической группы. Потом, когда я возвратился, позвал отца с матерью. Они приехали, допустим, в августе, ремонт шел в доме. К зиме как-то его кончили. В октябре мама умерла.

Примечания

¹ Храм преподобного Симеона Столпника за Яузой (г. Москва). После закрытия Симеоновской церкви в 1929 г. здание храма было переоборудовано под учреждения. Два верхних яруса колокольни были разобраны, осталась только нижняя часть с полуколоннами. Главный объем храма был разделен на 7 этажей. На месте высоких ворот четверика и окон ротонды были пробиты дополнительные окна. После этих преобразований здание храма утратило свою гармонию, так как ротонда стала непропорционально высокой.

Первоначально здание Симеоновской церкви занимал Московский институт повышения квалификации инженерно-технических работников Мосгорисполкома. А с 1965 года здесь расположился Городской учебный комбинат управления кадров и учебных заведений Мосгорисполкома. Храм был возвращен Русской Православной Церкви в 1995 г.

² Осенью 1943 г. в Лопухинских палатах Новодевичьего монастыря были открыты Московские богословские курсы, а 14 июня 1944 г. Богословский институт, позже преобразованные в Московские духовные академию и семинарию и переведенные в 1948 году в Троице-Сергиеву Лавру.

³ Протоиерей Сергий Васильевич Савинский (1877–1954) — профессор, член Учебного комитета при Священном Синоде. Родился в семье священника, окончил Ярославскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию. Преподавал в Черниговской духовной семинарии. В 1944 г. был призван Па-

триархом Сергием (Страгородским) к работе по организации новой богословской школы. Был проректором Богословского института в Москве, а затем инспектором Московской духовной академии. В 1947 г. был рукоположен в сан священника.

⁴ Ведерников Анатолий Васильевич (1901–1992) — церковный публицист. Из крестьянской семьи. Окончил литературное отделение Государственного института слова в Москве, где то время преподавали Н.А. Бердяев, И.А. Ильин. Работал в государственных учебных заведениях. Занимался научной и педагогической деятельностью, участвовал в церковной жизни Москвы и самостоятельно изучал богословие. Один из первых преподавателей Богословского института, с 1947 г. — доцент МДА. В 1948 г. под давлением властей был уволен. Вскоре был приглашен на работу в Издательский отдел Московского Патриархата. С 1953 г. — ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии», автор более 150 статей и заметок, в т.ч. под псевдонимами. В 1962 г. вышел на пенсию, до конца 1980-х гг. работал референтом митрополита Таллинского и Эstonского Алексия (Ридигера, впосл. Патриарха Московского и всея Руси).

⁵ Храм святителя Николая в Кузнецкой слободе (также храм Николы в Кузнецах и Николо-Кузнецкий храм) — один из немногих храмов в Москве, которые никогда не закрывались.

⁶ Протоиерей Александр Павлович Смирнов (1888–1950) — известный московский священник, настоятель Николо-Кузнецкого храма. В 1943–1949 гг. — ответственный секретарь редакции «Журнала Московской Патриархии». В 1949–1950 гг. — ректор Московской духовной семинарии и и.о. ректора Московской духовной академии.

⁷ Иванов Константин Алексеевич (1858–1919) — русский историк и поэт, домашний учитель истории и географии в царской семье. Автор многих книг по Средневековью.

⁸ Церковь Всех Святых на Михайловском кладбище г. Свердловска (ныне Екатеринбург) была освящена в 1890 г. В 1941 г. церковь была закрыта и вновь возвращена верующим лишь в июле 1944 г. В послевоенные годы церковь была хорошо расписана, ей был передан сохранившийся резной иконостас из закрытого Свято-Троицкого храма. В 1961 г. община была снята

с учета, храм вновь закрыт, убранство и росписи были разграблены, а алтарь — осквернен. Возвращен верующим в 1990 г.

⁹ Архиепископ Товия (Остроумов Александр Ильич; 1884–1957) — иерарх Русской Православной Церкви, архиепископ Молотовский и Соликамский (1957), архиепископ Свердловский и Ирбитский (1944–1957).

¹⁰ Митрополит Иоанн (Соколов Иван Александрович; 1877–1968) — иерарх Русской Православной Церкви; с февраля 1944 г. митрополит Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх всея Украины, постоянный член Священного Синода Московского Патриархата.

¹¹ Михайловский Златоверхий монастырь был разрушен в середине 1930-х гг. Воссоздан в 1997–1998 годах. Предполагается, что Михайловский собор был первым храмом с позолоченным верхом, откуда на Руси пошла эта своеобразная традиция. Ныне принадлежит канонически непризнанной Украинской православной церкви Киевского патриархата.

¹² Перед взрывом монастыря в 1930-х гг. моши святой великомученицы Варвары были перенесены в Лаврский музей-заповедник. Во время оккупации города нацистами, в связи с открытием храмов и монастырей, святыню перенесли в малый храм на территории Златоверхой обители, в 1949 г. — в церковь апостола Андрея Первозванного над Андреевским спуском, а в 1960-х гг. — в Свято-Владимирский собор.

¹³ Андреевская церковь расположена на крутом правом берегу Днепра — Андреевской горке. Вниз от нее идет Андреевский спуск, соединяющий верхний город с нижним. С 1949 г. в стилобате храма размещалась Киевская духовная семинария (закрыта в 1960 г.), а в самом храме хранились моши святой великомученицы Варвары. Вскоре после закрытия семинарии под предлогом «аварийного состояния» была закрыта и Андреевская церковь (при этом моши святой Варвары были перенесены в киевский Владимирский собор). В 1968 г. церковь открыли для посетителей в качестве музея. В мае 2008 г. Андреевская церковь была передана неканонической Украинской автокефальной православной церкви.

¹⁴ Протоиерей Сергий Петрович Афонский (1889–1963) — из-

вестный киевский священник. Окончил Киевские духовные семинарию и академию. В 1921 г. был рукоположен в сан диакона. В 1937 г. арестован и сослан в заключение в лагерь под Соликамск. Освободился в 1943 г., в 1944 г. был рукоположен в сан священника. Служил в храмах Киева. В 1947–1949 гг. был первым ректором вновь открытой Киевской духовной семинарии. Похоронен на Святошинском кладбище г. Киева.

¹⁵ Литвиненко Михаил Семенович (род. 1927). После окончания средней школы в 1947 г. поступил в Политехнический институт. Через три месяца оставил учебу и в 1948 г. поступил во вновь открытую Киевскую духовную семинарию. В 1952 г. был осужден и отбывал наказание в лагере под г. Горький. В 1955 г. был освобожден. Вернулся в Киев, пытался сдать выпускные экзамены в семинарии, но был выслан из Киева. Окончил институт культуры и работал в светских музыкальных коллективах. В 1975 г. был приглашен на работу регента во Владимирский собор Киева. Был регентом Митрополичьего хора.

¹⁶ Парийский Лев Николаевич (1892–1972) — магистр богословия, профессор Ленинградской духовной академии по кафедре патрологии. После окончания Петербургской духовной академии преподавал в семинариях. С 1921 г. — помощник секретаря митрополита Вениамина. Арестован в мае 1922 г. по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» и приговорен к 5 годам заключения. Условно-досрочно освобожден осенью 1923 г. В дальнейшем — псаломщик и регент церковных хоров различных храмов Ленинграда. В 1944–1949 гг. — секретарь митрополита, затем Патриарха Алексия (Симанского), регент в его Крестовой церкви, бухгалтер Патриархии. Секретарь Хозяйственного управления, затем до 1 апреля 1952 г. — секретарь Учебного комитета при Священном Синоде и редакции «Журнала Московской Патриархии». В 1950–1967 годах — инспектор ЛДА. Скончался 23 ноября 1972 г.

¹⁷ Миролюбов Георгий Павлович (1884–1964) — профессор Ленинградской духовной академии. Родился в семье священника. Окончил Смоленскую семинарию и Московскую духовную академию. Много лет преподавал древние языки и русскую литературу в светских учебных заведениях. С 1949 г. — доцент

Ленинградской духовной академии; с 1964 г. — профессор.

¹⁸ Григорий (Чуков Николай Кириллович; 1870–1955) — митрополит Ленинградский и Новгородский. Был священником в Олонецкой епархии. Ректор Петроградского богословского института. Был арестован 30 мая 1922 г. по делу о «сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговорен к расстрелу, но помилован. Провел в тюрьме полтора года. С 1924 по 1935 г. был настоятелем Николо-Богоявленского собора. Вновь подвергся заключению, но после 9 месяцев был освобожден в 1931 г. по ходатайству митрополита Сергия (Страгородского). В 1935 г. был выслан в Саратов, где работал на светской работе. В 1939 г. овдовел, дети погибли в блокаду. В 1942 г. хиротонисан во епископа. С 1945 года — митрополит Ленинградский и Новгородский, постоянный член Священного Синода. С 5 апреля 1946 г. председатель Учебного комитета. 5 ноября 1955 г. скончался в Москве. Погребен на территории Александро-Невской Лавры в Ленинграде.

¹⁹ Уварова Екатерина Даниловна (1898–1975). Долгие работала заведующей канцелярией и архивариусом Ленинградской духовной академии.

²⁰ Боярская Екатерина Николаевна (урожденная Бояновская) — дочь директора государственного банка Российской империи. В 1946–1956 гг. преподавала английский и французский языки в Ленинградской духовной академии. Жена Александра Ивановича Боярского (1885–1937) — деятеля обновленческого раскола, с 1933 года — епископ (впоследствии митрополит) Ивановский и Кинешемский. До 1922 г. — протоиерей Русской Православной Церкви.

²¹ Архиепископ Феодосий (Дмитрий Михайлович Погорский; 1909–1975) — иерарх Русской Православной Церкви, архиепископ Уфимский и Стерлитамакский. В 1926 г. окончил Профтехшколу. В 1927–1929 гг. был вольнослушателем в Киевской Высшей богословской школе. С 1930 по 1941 г. состоял на государственной службе, работал в разных учреждениях Киева. В первый день войны был призван в ряды Красной Армии как рядовой солдат, был на фронте и в августе 1941 г. попал в плен. Бежал, в 1942 г. был рукоположен в сан священника и служил

в Киевской области. В 1948–1949 гг. исполнял обязанности классного наставника Киевской духовной семинарии. С 1954 года служил в Ленинградской епархии. С 1957 года — ректор Саратовской духовной семинарии, пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита. В 1958 г. хиротонисан во епископа Калининского и Кашинского. С 1960 г. епископ Пензенский и Саранский. С 1964 г. — архиепископ. В 1965 г. подписал Обращение, составленное архиепископом Ермогеном (Голубевым) на имя Патриарха Алексия I. Свою подпись под Обращением, несмотря на давление, снять отказался. С 1968 г. — архиепископ Ивановский и Кинешемский. С 1973 г. — архиепископ Уфимский и Стерлитамакский. По дороге на богослужение его вытащили из машины и избили до бессознательного состояния. Через несколько дней он умер.

²² Архиепископ Ермоген (Голубев Алексей Степанович; 1896–1978) — иерарх Русской Православной Церкви. Родился в семье профессора Киевской духовной академии. Окончил Московскую духовную академию и в 1919 г. был пострижен в монашество и рукоположен в сан диакона епископом Феодором (Поздеевским) в московском Даниловом монастыре. В том же году направлен в качестве миссионера в Киево-Печерскую Лавру. В 1921 г. Святым Патриархом Тихоном рукоположен во иеромонаха и определен членом Духовного Собора Киево-Печерской Лавры. В 1921 г. был участником Православного Всеукраинского Собора. В 1922 г. был возведен в сан архимандрита и назначен киевским епархиальным миссионером. С 1926 г. и до 1931 г. был настоятелем Киево-Печерской Лавры. В 1931 г. был арестован и приговорен к 10 годам лагерей. Освобожден раньше срока, в 1939 г. После войны служил в Астрахани, а затем в Самарканде. В 1953 г. был хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. В 1962 г. был назначен архиепископом Омским и Тюменским. С 1963 г. — архиепископ Калужский и Боровский. Много претерпел от уполномоченных по делам религий. Известен своим открытым несогласием с решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 1961 г. о внесении изменений в Положение об управлении Русской Православной Церкви в части раздела IV — «О приходах».

²³ Схиархимандрит Лаврентий (Проскура Лука Евсеевич; 1868–1950). Родился в Черниговской губернии в бедной семье. По кончине матери решил уйти в монастырь, но смог принять монашество только на 45-м году жизни, в 1912 г. Был пострижен в монашество с именем Лаврентий. Чрез два года был рукоположен в иеродиакона, в 1916 г. — в иеромонаха. Во время обновленческого раскола отец Лаврентий решительно стал на сторону Патриарха Тихона. В 1930 г. перешел на нелегальное положение, примкнув к движению «непоминающих». Тайно служил на дому. После занятия Чернигова германскими войсками во время войны организовал две монашеские общины: мужскую (35 человек) и женскую (70 человек). После войны вновь подвергался гонениям. Скончался 19 января 1950 г. В 1993 г. был прославлен в лике местночтимых святых Украинской Православной Церкви, а в 2016 г. был канонизирован для общещерковного почитания.

²⁴ Архимандрит Борис (Холчев Борис Васильевич; 1895–1971). Был учеником оптинского старца Нектария и о. Алексия Мечева. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал (1920–1922 гг.) в Орловском педагогическом институте, читал лекции по психологии и логике. В 1922 г. был впервые арестован в ходе кампании за изъятие церковных ценностей, но вскоре освобожден. В 1927 г. был рукоположен и служил в храме свт. Николая в Клённиках. В 1931 г. был арестован и осужден на пять лет лишения свободы как организатор «антисоветской организации, состоящей из лиц религиозного культа». После освобождения вернулся в Орёл. В 1938 г. был вынужден переехать в Рыбинск, где прожил 10 лет. После войны признал легитимность Московской Патриархии и получил возможность священствовать в Средней Азии под началом владыки Гурия (Егорова). Служил в Фергане и Ташкенте. В 1955 г. был пострижен в монашество с оставлением прежнего имени.

²⁵ Протоиерей Петр Викторович Гнедич (1906–1963) — профессор Московской духовной академии. Окончил Промышленный техникум и Высший педагогический институт г. Калинина. Работал в научных библиотеках, затем бухгалтером. В 1946 г. поступил в Московскую духовную академию, которую окончил

в 1949 г. После защиты в 1962 г. магистерской диссертации «Догмат искупления в русской богословской науке» был приглашен в Московскую духовную академию на педагогическую работу.

²⁶ Протоиерей Феодор Семененко (1902–1975). Родился в семье рабочего. Окончил Одесскую гимназию, учился на педагогическом факультете Второго Московского университета. С 1919 г. по 1935 г. работал в различных учреждениях Москвы экономистом. Прихожанин храма свт. Николая в Клённиках г. Москвы. В 1935 г. был тайно рукоположен во пресвитера епископом Афанасием (Сахаровым). В 1936–1937 гг. находился в ссылке в г. Рыбинске, где работал экономистом. С 1948 г., когда тайные священники смогли выйти на открытое служение Церкви, епископом Гурием (Егоровым) был приглашен в Ташкент. С 1953 г. был секретарем Епархиального управления.

²⁷ Епископ Стефан (Никитин Сергей Алексеевич; 1895–1963) — иерарх Русской Православной Церкви, епископ Можайский. В 1922 г. окончил медицинский факультет Московского университета. Работал врачом в различных медицинских учреждениях Москвы. Одновременно с медицинской практикой был прихожанином, а затем председателем приходского совета прихода храма свт. Николая в Клённиках на Маросейке в Москве. В 1931–1934 гг. отбывал срок в лагере. В 1935 г. был тайно рукоположен епископом Афанасием (Сахаровым). Открыто начал служить в 1951 г. в Ташкентской епархии под началом владыки Гурия (Егорова): в городах Курган-Тюбе, Ленинабаде, Самарканде, Ташкенте. В 1959 г. был пострижен в монашество, в 1960 г. хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии и назначен председателем Хозяйственного управления Патриархии.

²⁸ Монахиня Иоанна (Рейтлингер Юлия Николаевна; 1898–1988). После окончания гимназии училась в Рисовальной школе. С 1921 г. — в эмиграции, духовная дочь прот. Сергея Булгакова. Расписывала храмы и писала иконы для приходов русского зарубежья. В 1935 г. была пострижена в рясофор с именем Иоанна. В 1955 г. вернулась в СССР и жила в Ташкенте, где занималась расписью платков. После оформления пенсии часто бывала в Москве. Писала иконы.

²⁹ Протоиерей Александр Иванович Макаровский (1888–1958). Родился в Пскове в семье священника. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1914–1918 гг. преподавал в Псковской духовной семинарии, затем учитель Закона Божиего в школах Эстонии. В 1940–1947 гг. преподавал историю и географию в средних школах и вузах. С 1949 г. — доцент кафедры истории Русской Церкви в Ленинградской духовной академии. С 1951 г. — профессор, магистр богословия. Дважды подвергался арестам.

³⁰ Протоиерей Андрей Александрович Сергиенко (1902–1973). Родился в Киеве в семье служащего. В юности воевал в Белой Армии, затем оказался в эмиграции. Окончил Русскую высшую школу в Константинополе (1921 г.), юридический факультет в Праге (1926 г.) и Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже (1927–1931 гг.). В 1928 г. был рукоположен в сан диакона, затем священника и служил в храме св. Иоанна Воина в г. Медон, пригороде Парижа. Руководитель и духовный окормитель детского приюта в Медоне. Основатель Свято-Духовского скита под Парижем. В 1939 г. вступил добровольцем в санитарную часть французской армии. После окончания Второй мировой войны член епархиального совета Русского Западно-Европейского православного экзархата Московского Патриархата. Редактор журнала «Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата». В 1948 г. вернулся в СССР. Преподавал догматическое, пастырское и нравственное богословие в Ленинградской духовной академии. В 1958–1966 годах служил на приходах в гг. Иваново и Горький, работал в Отделе внешних церковных сношений Московского Патриархата. С 1966 г. преподавал в Московской духовной академии курсы нравственного, догматического богословия и истории западных исповеданий. Профессор. Служил в г. Александров под Москвой. В последние годы жизни находился за штатом.

³¹ Сборовский Константин Александрович (1883–1965). Родился в семье священника. Окончил Тверскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. Преподавал русский язык и литературу в школах Петербурга. В 1921–1946 гг. преподавал в вузах Ленинграда. С 1946 г. преподавал основное

богословие в Ленинградской духовной академии. Профессор.

³² Протоиерей Михаил Кронидович Сперанский (1888–1984). Родился в семье сельского учителя. Окончил Тамбовскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1913–1918 гг. был преподавателем Тамбовского духовного училища, в 1918–1922 гг. заведующий школой-семилеткой в селе. С 1922 г. был рукоположен в сан священника и служил в Тамбовской губернии. Затем работал счетоводом, был арестован и тройкой приговорен к 10 годам ИТЛ. Освобожден досрочно. В 1944 г. встретился с Патриархом Сергием, после чего вернулся к церковному служению. Служил в Тамбове, секретарь Тамбовского епархиального управления. В 1952–1966 гг. — ректор Ленинградской духовной академии и Ленинградской духовной семинарии. В 1966–1980 гг. — профессор, заведующий кафедрой Священного Писания Нового Завета Ленинградской духовной академии.

³³ Садов Александр Иванович (1850–1930) — российский филолог-классик, доктор богословия, профессор Санкт-Петербургской духовной академии. Наиболее фундаментальная работа Садова «Латинский язык в памятниках христианской письменности древнейшего времени (до VIII века)» была начата печатанием в 1917 г.; ее второй выпуск Садов закончил в 1924 г., но опубликовать уже не смог.

³⁴ Протопресвитер Виталий Михайлович Боровой (1916–2008) — известный священник, профессор, доктор богословия. С 1963 по 1995 гг. был заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Активный участник подготовки вступления Московского Патриархата во Всемирный совет церквей (ВСЦ). С 1962 г. в течение 13 лет (с перерывами) был представителем Московского Патриархата при ВСЦ, настоятелем храма Рождества Богородицы в Женеве; участвовал в работе Ассамблей ВСЦ. Состоял членом Синодальной богословской комиссии со времени ее учреждения в 1960 г. В 1973–1978 гг. был настоятелем Богоявленского патриаршего собора в Елохове. С 1984 г. был почетным настоятелем храма Воскресения Словущего в Брюсовом переулке в Москве.

³⁵ Добрынин Михаил Алексеевич (1922–1963). Окончил Восточ-

ный факультет Ленинградского государственного университета (1950 г.), являлся научным сотрудником Государственного Эрмитажа. В 1958 г. окончил Ленинградскую духовную академию, назначен помощником инспектора Ленинградских духовных школ. Кандидат богословия (1958 г.). С 1959 г. преподавал в академии древнееврейский язык, с 1960 г. также Священное Писание Ветхого Завета. Член Комиссии при Священном Синоде по разработке каталога тем Всеправославного Предсобора.

³⁶ Уржумцев Павел Васильевич (1925–2013) — сотрудник Издательского отдела Московского Патриархата, переводчик, писатель, богослов. Родился в г. Ишим. В 1940 г. вместе с родителями переехал в Казахстан. Прислуживал в Никольском кафедральном соборе Алма-Аты. Там он был посвящен в иподиакона. В 1949 г. поступил в Саратовскую духовную семинарию. Окончив ее в 1953 г., был принят в Ленинградскую духовную академию. Переводил с древних языков, был редактором различных общечерковных изданий. Участвовал в создании официального календаря Русской Православной Церкви. Был заместителем главного редактора Журнала Московской Патриархии.

³⁷ Протоиерей Николай Трофимович Новосад (1928–1990). Родился в крестьянской семье, был в оккупации. Школу смог окончить только в 1950 г. Окончил Одесскую духовную семинарию и Ленинградскую духовную академию. Был оставлен в академии профессорским стипендиатом. Преподаватель Ленинградской духовной семинарии с 1958 г. В 1966 г. Учебным комитетом был отстранен от преподавания и направлен на пастырскую работу в Ивано-Франковскую епархию. Принимал активное участие в защите канонического православия в конфликте с униатами. Скончался в сане протоиерея.

³⁸ Митрополит Владимир (Котляров Владимир Саввич; род. 1929) — иерарх Русской Православной Церкви на покое; бывший митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Родился в семье диакона. По окончании в 1948 г. Джамбульского статистического техникума поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1952 г. С августа 1952 г. исполнял послушание псаломщика в Никольском кафедральном соборе г. Алма-Аты. В 1953 г. рукоположен в священный сан. Окончил Ленинградскую

духовную академию и оставлен там преподавателем. В 1962 г. пострижен в монашество, назначен заместителем начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Возведен в сан архимандрита. В 1962 г. в качестве наблюдателя от Московского Патриархата присутствовал на заседаниях II Ватиканского Собора в Риме. Хиротонисан во епископа Звенигородского и назначен представителем Московского Патриархата при Все-мирном совете церквей в Женеве. Впоследствии был правящим архиереем Воронежской, Кировской, Ростовской, Псковской, Владимирской, Краснодарской епархий, представителем в Да-маске и Патриаршим Экзархом в Средней Европе. С 1995 г. был управляющим Санкт-Петербургской и Ладожской епархией и по-стоянным членом Священного Синода. С 2002 г. — почетный член Санкт-Петербургской духовной академии. С 2014 г. на покое.

³⁹ Митрополит Николай (Кутепов Николай Васильевич; 1924–2001) — иерарх Русской Православной Церкви; митрополит Нижегородский и Арзамасский. Родился в семье крестьянина. По окончании средней школы был зачислен в Тульское пулеметное училище и в 1942 г. направлен на фронт. Воевал рядовым под Сталинградом. После ранения (два огнестрельных ранения и обморожение конечностей) попал в госпиталь, откуда после ампутации пальцев обеих ног демобилизовался и в 1943 г. возвратился в Тулу. Учился в Тульском механическом институте. Будучи студентом, прислуживал за архиерейскими богослужениями в должности иподиакона. С 1946 г. был секре-тарем Тульского архиепископа Антония (Марценко). Учился в Московской духовной семинарии. В 1954–1958 гг. обучался в Ленинградской духовной академии. Рукоположен в священ-ный сан и направлен преподавателем в Киевскую духовную семинарию. В 1959 г. был пострижен в монашество, став по-следним постриженником Киево-Печерской Лавры перед ее закрытием, и в 1960 г. назначен инспектором Саратовской духовной семинарии. В 1961 г. хиротонисан во епископа Му-качевского и Ужгородского. Затем был правящим архиереем Омской, Ростовской, Владимирской, Калужской епархий. С 1977 г. — архиепископ Горьковский и Арзамасский. С 1991 г. — в сане митрополита. Скончался в 2001 г.

⁴⁰ Архимандрит Агафонгел (Догадин Николай Алексеевич; 1936–1999). Родился в Рязанской области. После окончания средней школы и прохождения военной службы учился в Ленинградской духовной семинарии и академии. Работал в ОВЦС, был личным секретарем митрополита Никодима (Ротова). В 1962 г. был пострижен в монашество и рукоположен в священный сан. В 1963 г. был членом Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В 1964–1976 гг. — насельник Псково-Печерского монастыря. С 1976 г. служил в Новгородской епархии.

⁴¹ Александр Александрович Осипов (1911–1967) — православный богослов, бывший протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии, отлученный от Церкви. С 1959 г. — профессиональный пропагандист атеизма. В 1955–1956 гг. был ученым редактором первого в СССР издания Библии, осуществленного Русской Православной Церковью.

⁴² Петр Иванович Турчанинов (1779–1856) — протоиерей, русский духовный композитор, гармонизатор древнерусских церковных распевов.

⁴³ Купрессов Сергей Алексеевич (1887–1965). С 1912 по 1918 гг. — преподаватель Санкт-Петербургской духовной семинарии. С 1946 г. — доцент ЛДА, с 1951 г. — профессор ЛДА. С 1960 г. — на пенсии. Некролог см.: ЖМП. 1966. № 2. С. 30

⁴⁴ Шишкин Александр Федорович (1897–1965). Доцент ЛДА. Некролог см.: ЖМП. 1965. № 9. С. 21.

⁴⁵ Протопресвитер Николай Федорович Колчицкий (1890–1961) — настоятель московского Богоявленского патриаршего собора в Елохове, управляющий делами Московской Патриархии (1941–1960).

⁴⁶ Алексей Сергеевич Буевский (1920–2009) — ответственный сотрудник Отдела внешних церковных сношений (связей) (ОВЦС) Московского Патриархата; автор множества публикаций, доктор богословия.

⁴⁷ Даниил Андреевич Остапов (1894–1975) — личный секретарь и келейник Патриарха Алексия I, заместитель председателя Хозяйственного управления Московской Патриархии.

⁴⁸ Ecumenical Review — ежеквартальный журнал, издаваемый Всемирным советом церквей.

⁴⁹ Скорее всего имеется в виду книга известного советского искусствоведа В.Н. Лазарева (1897–1976) «Искусство Новгорода» (1947 г.) или же двухтомник «История византийской живописи», потому что все остальные монографии В.Лазарева, посвященные древнерусскому или византийскому искусству, были изданы позднее.

⁵⁰ Зубков Василий Владимирович — выпускник Ленинградской духовной академии (1958 г.). До 1976 г. — заведующий библиотекой ЛДА.

⁵¹ На самом деле Попов Константин Михайлович (1872–1954) работал в библиотеке Московской духовной академии. По окончании в 1895 г. Московской духовной академии был назначен помощником, а затем библиотекарем МДА. Оставался на этой должности до закрытия Московских духовных школ. К столетию МДА (в 1914 г.) составил библиографический словарь профессоров академии.

⁵² Протоиерей Стефан Ильич Дымша (1937–1994) — преподаватель канонического права в Ленинградской духовной академии. Родился в крестьянской семье в Белоруссии. Окончил Минскую духовную семинарию и Ленинградскую духовную академию. В 1964–1969 гг. учился в Ленинградском государственном университете на отделении русского языка и литературы. Стажировался в Папском Восточном Институте в Риме. В 1976–1985 годах — заведующий библиотекой ЛДА.

⁵³ Иванов Алексей Иванович (1890–1976) — доктор церковной истории, профессор ЛДАиС. Родился в крестьянской семье, окончил Владимирскую духовную семинарию и Петроградскую духовную академию. Был оставлен профессорским стипендиатом на кафедре церковной истории. С 1918 г. преподавал в светских вузах. В 1951 г. пришел на работу в Московскую духовную академию, где до 1956 г. преподавал на кафедре византологии и греческого языка. С 1956 г. преподавал в Ленинградской духовной академии. Был секретарем Учебного комитета при Священном Синоде и членом редакции «ЖМП» и «Богословских трудов». С 1961 г. — на пенсии.

⁵⁴ Архиепископ Николай (Чуфаровский Александр Матвеевич; 1884–1967) — иерарх Русской Православной Церкви. В

1908 г. окончил Ярославскую духовную семинарию. Поступил в Варшавский университет на юридический факультет, который не окончил. Принял священный сан и служил в Ростове. С 1915 г. — полковой священник пехотного полка. С 1918 г. — священник в Ростовском соборе, возведен в сан протоиерея. С 1923 г. — настоятель собора. С 1928 г. служил в Ярославской, Ивановской и Костромской областях. В 1944 г. пострижен в монашество и рукоположен во епископа Полтавского и Кременчугского. Служил затем на Волынской, Ижевской, Астраханской, Орловской и Рязанской кафедрах. С 1959 г. — архиепископ. В 1963 г. уволен на покой. Скончался в 1967 г. в Ярославле, где и похоронен.

⁵⁵ Митрополит Герман (Тимофеев Геннадий Евгеньевич; род. 1937 г.) — иерарх Русской Православной Церкви, митрополит Волгоградский и Камышинский. Родился в Ташкенте в семье служащего. В 1955 г. окончил среднюю школу и поступил в 1-й класс Саратовской духовной семинарии. В 1956 г. перешел во 2-й класс Ленинградской духовной семинарии. В 1958–1960 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1960–1961 гг. работал делопроизводителем Ташкентского епархиального управления. В 1962 г. окончил Ленинградскую духовную семинарию. В 1965 г. пострижен в монашество и рукоположен в священный сан. Преподавал в ЛДАиС. Был помощником инспектора, инспектором, а в 1968–1970 гг. ректором ЛДАиС. В 1970 г. хиротонисан во епископа Венского и Австрийского. Был правящим архиереем Виленской, Тульской, Берлинской епархий, Патриаршим Экзархом Средней Европы. С 1991 г. — архиепископ Волгоградский и Камышинский. С 2000 г. — в сане митрополита.

⁵⁶ Протоиерей Виктор Георгиевич Шиповальников (1915–2007). Родился в Архангельске. С семилетнего возраста прислуживал в алтаре приходского храма. При советской власти Архангельск стал местом ссылки. В закрытых городских храмах строили нары, превращая их в тюрьмы. В большом количестве туда ссылали представителей духовенства. Благодаря этому о. Виктору выпало счастье общаться с известными новомучениками Русской Церкви, святыми Лукой (Войно-Ясенецким), Серафимом (Чичаговым), Иларионом (Троицким) и многими

другими. В 1943 г. был рукоположен в сан священника, вскоре был арестован и осужден как «социально вредный элемент». Был ключарем Борисоглебского собора в Рязани, настоятелем Заозерского храма, настоятелем Троицкой церкви села Удельная Раменского района Московской области. Многие годы был хранителем дивеевских святынь.

⁵⁷ Куроедов Владимир Алексеевич (1906–1994) — советский партийный и государственный деятель. Генерал-лейтенант КГБ. В 1960–1965 гг. — председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, в 1965–1984 годах — председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР.

CONTENTS

Patriarch Kirill of Moscow and All Russia
Report at the Bishops' Council.....5

Metropolitan Hilarion of Volokolamsk
Martyrs, Martyrdom, Christian Witness.....87

BIBLE STUDIES

Hegumen Arseny (Sokolov), Professor at Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies, Doctor of Theology, rector of the Russian Orthodox Church's Representation in Beirut (Lebanon), representative of the Patriarch of Moscow and All Russia to the Patriarch of the Great Antioch and All the East.

Domestic and Foreign Policy of the Kingdom of Israel in the Last Years of Its Existence. Commentary on the Book of Prophet Hosea, 7:3-12.....101

On the basis of a passage from the Book of Prophet Hosea (Hos. 7:3-12) and commentaries on it, the author examines the foreign policy of the Kingdom of Israel in the last period of its independence, outlining clear and true reasons of the political and moral crisis that resulted in the capture of the Northern Kingdom by Assyria.

Keywords: Assyria, Egypt, Kingdom of Israel, Prophet Hosea, Samaria, Targum of Hosea.

CHURCH HISTORY

Archpriest Alexei Yastrebov PhD, Doctor of Theology, rector of the Russian Orthodox parish of the Holy Myrrhbearing Women in Venice, Italy.

Pyotr Tolstoy and Pope Clement XI.....129

The article presents new facts about the activities of the Russian diplomatic mission on the Bosphorus. The first Russian ambassador to Turkey, Pyotr Tolstoy, managed to establish trust-based relationships with the Sultan's court and representatives of the European countries in Constantinople. During the Battle of Poltava, on the eve of the Russo-Ottoman War of 1710–11, Tolstoy came into direct contacts with the Holy See via a Venetian Greek, George Polikala, and did some favours for the Roman Catholic Church in Turkey. Pope Clement XI replied to the Russian diplomat's letter and awarded him the title of cavalier for his previous services and in the hope of promoting Catholicism in Russia. The documents presented in the paper have not been published before.

Keywords: Pyotr Tolstoy, Peter the Great, Russia, Ottoman Empire, Constantinople, Pope Clement XI, Raimondo Gallani, George Policala.

Rev. Alexander Sukharev

Master of Theology, press secretary of the Moscow diocese of the Russian Orthodox Church, curate of the Moscow Novodevichy Convent.

On the Outset of Liturgical Movement in Germany.....150

The Liturgical movement was a unique phenomenon in the history of the Catholic Church in the 19th and 20th centuries, aimed at reviving active and conscious participation of Christians in the liturgical worship. It resulted in the convocation of the Second Vatican Council and subsequent liturgical reforms. In his paper, the author focuses on the outset of the liturgical movement in Germany (1913-1923), examining its origins and aspects, and describing its key leaders and the contradictions that arose between them.

Keywords: Roman Catholic Church, liturgical movement, Ildefons Herwegen, Maria Laach, Katholischer Akademikerverband, Hermann Platz, Romano Guardini, Liturgiewissenschaft, mass, Jugendbewegung (youth movement), Abendland-Idee, Gemeinschaft.

ARCHIVE

Archpriest Alexander Makarov

Foreword to the Publication of Memoirs of Yevgeny Karmanov.....193

Mr. Yevgeny Karmanov

Eyewitness of the Epoch.....201

The text of Mr. Yevgeny Karmanov's memoirs is kept at the Research Department of the Russian State Library, collection No 929. The reminiscences were first published in 2005 in the anthology "Alpha and Omega" under the title "Inconspicuous Life." For this publication, the text has been thoroughly edited, and commented by Mr. Yevgeny Karmanov's wife – Nadezhda Karmanova, an oldest staff member of the Moscow Patriarchate's Department for External Church Relations. The memoirs cover the years from 1927 to 1964, telling about Mr. Karmanov's studies at the Leningrad Theological Academy, his work at the Publishing Department of the Moscow Patriarchate, and, what is most important, about the people whom he met and who left their indelible mark in his heart and memory, encouraging him to make the main choice in his life – to embark on the path of serving the Church.

Формат 60x90/16.

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д.4, стр. 1 А
Тел.: + 7 495 926 63 96, e-mail: Info@bukivedi.com
www.bukivedi.com